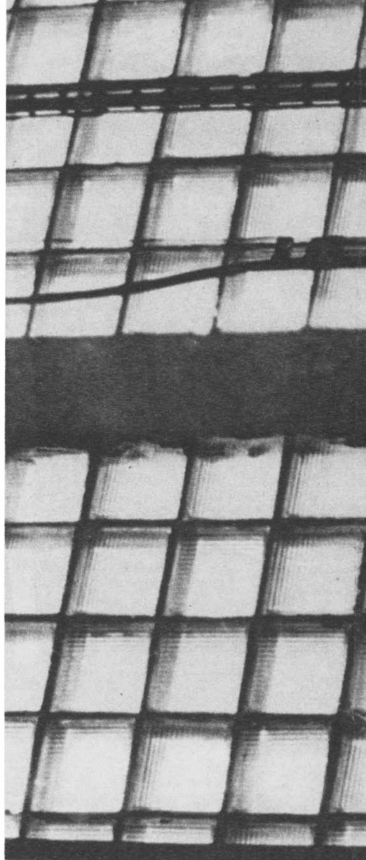

ОГОНЁК
№ 21 МАЙ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Монтажники Амурска.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 21 (1978)

23 МАЯ 1965

Окна сушильного цеха.

РОД «НАВЫРОСТ»

На улице Мира.

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото автора.

Топ-топ... Топ-топ...
Очень нелегки —
Топ-топ... Топ-топ... —
Первые шаги...

Девчатам весело, они распевают про малыша и топчут резиновыми сапогами раскисшую глину. Собственно говоря, ничего не случилось. Просто пришла весна. Еще утром ничто ее не предвещало, а потом вдруг рванул с низовьев от моря теплый ветер, выкатилось из-за туч солнце и пошло с плеча кропить все подряд своими жаркими брызгами.

На стройке из-под снега глянули, задымились рыжие проталины. На девичьих носах — золотистые россыпи веснушек.

В городе возле каждого дома зимуют разноцветные лодки, их много. Десятки, а может, сотни. Ветер теребит их, и вот они уже дрожат от нетерпения, словно застоявшиеся кони. А ветер побежал дальше, покачался на веревке вместе с сохнущим бельем, увидал цветастые наволочки, мгновенно надул их и теперь играет звонкими тугими пузырями.

Наверху ветер крепче. Он бьет в стрелу крана, и она гудит басовито, как струна контрабаса.

Светка чертыхается: трудно работать, раскачивается бадья. Светка Ковалева — крановщица. Несмотря на свой махонький росток и нос пуговкой, она сейчас выше всех на стройке. Не каждому дано в девятнадцать лет достичь такой высоты.

Из остекленной кабины обзор отличный, и Светка показывает мне, «чего не было» два года назад, когда она приехала с родителями на стройку «издалека, аж с Кубани». Не было здания ТЭЦ, главного корпуса комбината, многих жилых домов, да и Светки-крановщицы тоже не было, была Светка-школьница. Отец каменщиком на стройке работал, и она, окончив в прошлом году школу, тоже пришла сюда.

Язык и руки у Светки совершенно не связаны: пока она рассказывает, бадья исправно делает свое дело — таскает и таскает со дна огромного бетонного стакана лиловый амурский ил. Называется этот стакан — колодец насосной первого подъема. Он примет воду реки и щедро напоит всех жаждущих — и ТЭЦ, и будущий целлюлозно-картонный комбинат, и вот этот молодой, шагающий по сопкам город Амурск, гордо увенчанный шпилем телевизионной вышки.

* * *

Внизу показалась игрушечная голубая «Волга», из нее выскочил человек в сером пальто и резиновых сапогах, запрыгал по отвалам ила от механизма к механизму и, наконец, исчез в широченном жерле колодца.

— Начальник строительства,— сообщает Светка.— Владимир Викторович Яицкий.

Начальника чуть позже я увидел в бытовке. Он взял в работу прораба:

— Опять по суткам людям платишь? Мы же договорились платить по сменам, чтоб каждый свою выгоду видел,— заинтересуй людей, они тебе что хочешь сделают. Раньше по пятьдесят бадей за смену выжать не могли, а сегодня сколько? Ага, семьдесят пять за полсмены! Видал! Нет, ты уж плати, как решили, я бы на их месте тоже на тебя стал косо смотреть...

Когда он кончает, я вылезаю из своего уголка и напрашиваюсь к нему в попутчики — до главного корпуса.

Продолжение на 20-й стр.

19 мая в Колонном зале Дома союзов состоялась сессия Московского городского Совета депутатов трудящихся, посвященная присвоению Москве почетного звания «Город-герой».

С докладом выступил председатель исполкома Моссовета депутат В. Ф. Промыслов.

Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин обратился к собравшимся с приветственной речью.

Фото А. Пахомова.

ДРУЖБА ВО ИМЯ МИРА

Путешествием, полным открытий, назвал свою поездку в Советский Союз Премьер-Министр Республики Индии Лал Бахадур Шастри.

Москва, Ленинград, Киев, Ташкент сердечно приветствовали дорогого гостя.

Премьер-Министр нанес в Кремле визиты Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину и Председателю Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояну.

Волнующей демонстрацией дружбы советского народа со свободолюбивым народом Индии явился митинг в Большом Кремлевском дворце.

Большую речь, неоднократно прерываемую аплодисментами, произнес глава Советского правительства А. Н. Косыгин.

В Ленинграде Лал Бахадур Шастри и А. Н. Косыгин побывали на Металлическом заводе имени XXII съезда КПСС. На этом предприятии готовятся специалисты для Республики Индии. Премьер-Министр тепло поблагодарил ленинградцев за помощь индийским инженерам.

Всюду, где побывали посланцы независимой Индии, советские люди встречали их как дорогих друзей.

На снимке: ленинградцы приветствуют прибывшего в их город Л. Б. Шастри.

Фотохроника ТАСС.

О ПРОШЛОМ РАДИ БУДУЩЕГО

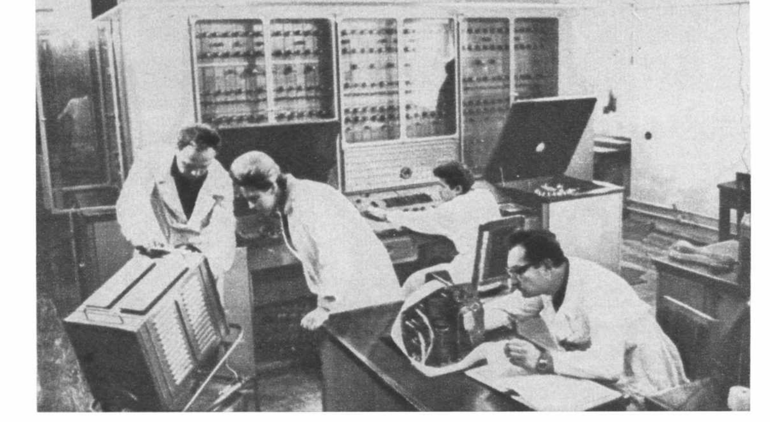
Генрих БОРОВИК

Идут солдаты. Идут, тяжело передвигая ноги, усталые, запыленные. Идут молодые и старые, холостые и те, у которых остались дома семьи. Идут защищать Родину. Одни вернутся домой израненными, другие не вернутся никогда, и только очень немногим из тех, кто принял войну в первые ее дни, выпадет трудное счастье бросить знамена поверженного врага к подножию Мавзолея Ленина.

Так начинается этот фильм.

И зрители, сидящие в зале кинотеатра, сжимают руками подлокотники кресел и невольно подаются вперед, потому что нет в зале человека, у которого не было бы причины всматриваться в лица солдат. Сколько их пройдет по экрану в этом фильме! Сколько сердец вздрогнет в надежде или горе: отец? брат? муж? сын? Нет, только показалось...

В зале сидят те, кто воевал. И дети тех, кто воевал. Перед глаза-

Вычислительный центр ОГУ.

ОДЕССКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ—100 ЛЕТ

Перед нами пожелтевший от времени документ: «...взамен Ришельевского лицея, учредить в Одессе императорский Новороссийский университет с 3-мя факультетами: историко-филологическим, физико-математическим и юридическим.., открыв сей университет 1 мая будущего 1865 года по особому повелению, вместе с сим министру народного просвещения данному».

Так звучал указ Сената об открытии Новороссийского (Одесского) университета. И здесь же в донесениях жандармского управления по Новороссийскому краю читаем: «Студенты Новороссийского университета осмелились выступить против лекции профессора славянского законоведения господина Богишича, собрались на митинг, где с мятежной речью выступил студент юридического факультета Желябов. Власти временно закрыли университет...»

На этом документе рукой Александра II собственноручно начертано: «Хорошо. Очень рад».

Великие корифеи отечественной и мировой науки честно и бескорыстно служили общественному прогрессу в стенах университета: И. И. Мечников, И. М. Сеченов, А. О. Ковалевский, Н. А. Умов, Н. Ф. Гамалея, А. В. Клоссовский, Ф. И. Успенский,— от них исходил могучий свет знаний для братских русского и украинского народов, для всего южного славянства.

Перелистаем еще одну страницу славного прошлого университета. 1883 год, в адрес Энгельса от одесских студентов послано трогательное письмо с просьбой возложить от их имени венок на могилу Маркса. 1889 год, жители Одессы были свидетелями неповторимой картины, когда студенты университета в кафедральном соборе организовали гражданскую панихиду по великому русскому революционеру-демократу Н. Г. Чернышевскому. 1905 год, в аудиториях университета хранилось оружие для боевых дружин. И еще одна дата: номер газеты «Рабочий путь» от 24 октября 1917 года. Скупые строки сообщают о революционном студенческом движении в университете. И среди тех, кто первыми принял Октябрь в Одессе, был внук великого крепостного актера М. Щепкина, профессор всеобщей истории Е. Н. Щепкин — первый профессор-коммунист университета.

Традиции — это эстафета поколений. Сейчас в университете двенадцать тысяч студентов. Расширяется фронт научных исследований, которые обогащают советскую науку. В этом и традиции и эликсир вечной молодости 100-летнего университета.

М. РАКОВСКИЙ,
кандидат исторических наук, доцент

Одесса.

Второкурсницы.

Фото Н. Козловского.

НАДЕЖНЫЙ ЩИТ БРАТСКИХ НАРОДОВ

Вот они, солдаты двух братских армий: национальной Народной армии ГДР и Советской Армии — на отдыхе во время совместных маневров. Участники их показали высокое воинское мастерство, умение вести боевые действия в сложных условиях современной войны.

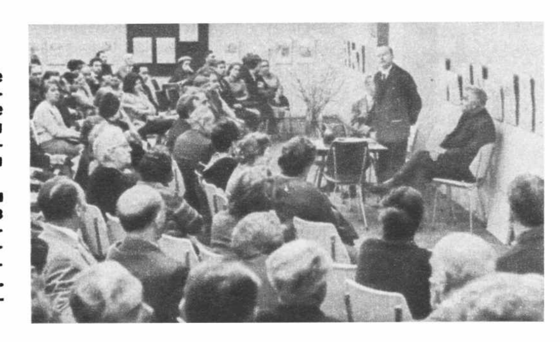
Объединенные вооруженные силы государств Варшавского Договора надежно оберегают мир и завоевания социалистических стран. Братские армии имеют в своем распоряжении ракетное оружие, первоклассные танки, реактивную авиацию, современные средства противовоздушной обороны, боевые корабли. Кроме того, безопасность социалистических стран обеспечивается ракетно-ядерной мощью Советского Союза.

Варшавский Договор — подлинно оборонительная организация, надежный оплот всех социалистических стран.

В Выставочном зале Союза художников состоялось обсуждение большой работы Виталия Горяева — серии рисунков к «Петербургским повестям» Гоголя.

Выступавшие отмечали тонкое проникновение в текст, интересную карандашную манеру исполнения, продолжающую традиции русского рисунка.

На снимке — выступает Д. Шмаринов.

ми одних встает пройденное, незабываемое. Перед другими оживают картины, известные лишь по книгам и рассказам родителей. И те и другие ждали этой картины, она была нужна...

Два года назад началась работа. Киноархивы Советского Союза, ГДР, Франции, Англии, Венгрии, Чехословакии, Польши, Югославии, Румынии... Полтора миллиона метров кинопленки просмотрели авторы фильма.

Картина создана. Она называется «Великая Отечественная». Ее снимали двести тридцать четыре советских кинооператора, многие из них погибли в войну, так и не увидев отснятого ими материала.

Нетрудно представить себе ответственность, которую чувствовали люди, взявшиеся за создание такого фильма.

Можно было рассказать о войне, основываясь на хронологической последовательности событий. Это была бы великолепно снятая и, наверное, отлично смонтированная иллюстрация к истории Отечественной войны — сама по себе вещь возможная и даже нужная. Но авторы сценария Роман Кармен и Сергей Смирнов пошли иной дорогой, более трудной и, как мне кажется, более верной. Они решили не просто показать войну, но философски и человечески осмыслить ее, показать горе и настоянную на этом горе радость, говоря о прошлом, обратить разговор к настоящему и будущему. Поэтому так закономерны в картине временные переброски, будто идет большой, откровенный разговор между авторами фильма и зрителями. А в беседе, если она сердечна, если она между друзьями, нет и не может быть твердо установленного порядка. Именно в тех местах фильма, где авторы смогли полностью освободиться от связывающей их хронологии событий, интеллектуальное и эмоциональное общение со зрителем достигает высшего напряжения.

Самое характерное в творчестве замечательного мастера советской кинодокументалистики кинорежиссера Романа Кармена — эмоциональность — выразилось в этом фильме во всех компонентах. Кстати говоря, среди кадров, снятых советскими кинооператорами во время войны, вошедших в этот фильм, есть съемки и самого Кармена. Его панорама защитников Ленинграда — один из самых выразительных документов «Великой Отечественной».

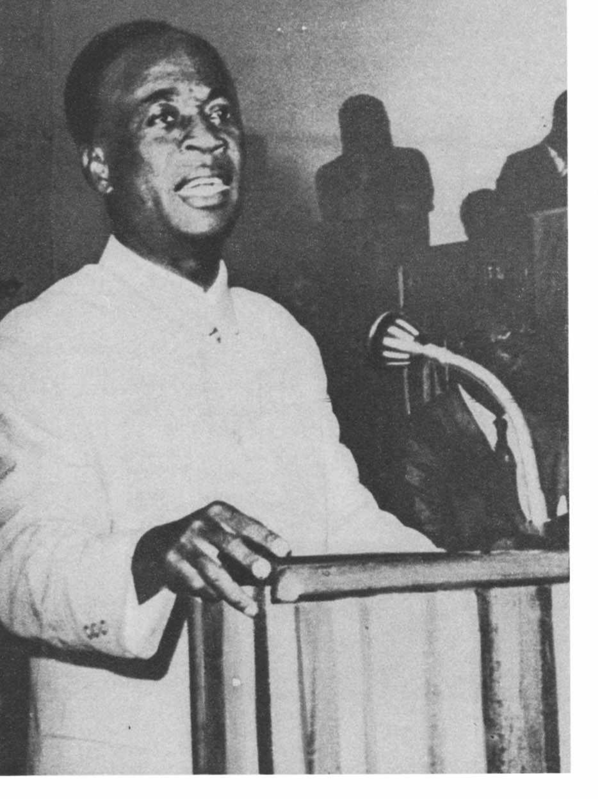
Главное, чего добились создатели фильма, — слияние своих мыслей и чувств, выраженных в картине, с мыслями и чувствами людей в зрительном зале. Этому в немалой степени способствовал сдержанный, строгий, иногда вынужденно информационный, но всегда полный внутреннего напряжения текст писателей Георгия Кублицкого и Семена Нагорного. Этому же чрезвычайно помогла замечательная музыка Кара Караева. Написанная специально для документального фильма, она поднялась до уровня монументального симфонического произведения.

Картина обращена прежде всего к советским зрителям. Для старшего поколения это еще одно напоминание о совершенном и пережитом. Поколению, родившемуся после войны, она рассказывает о подвиге отцов.

Фильм адресуется и зарубежному зрителю. Киноповесть о грозных военных годах со всей убедительностью документа противостоит попыткам вражеской пропаганды замолчать решающую роль советского народа и его Вооруженных Сил в победе над гитлеровским фашизмом.

События, о которых рассказывает фильм, произошли двадцать лет назад. Но фильм сделан не только ради воспоминаний. Авторы его обращаются ко всем ныне живущим: к памяти участников войны и к сердцу поколения двадцатилетних. Фильм о прошлом, о войне создан ради будущего, ради мира.

25 МАЯ — ДЕНЬ АФРИКИ

В городе Виннеба (Гана) закончила свою работу четвертая Конференция солидарности народов Азии и Африки. В работе конференции приняло участие около 400 делегатов из 60 стран. Они приняли важные документы — общую декларацию и общеполитическую резолюцию, в которых сделан глубокий анализ современного международного положения и сформулированы принципы и задачи движения афро-азиатской солидарности.

На снимке: Президент Ганы Кваме Нкрума выступает перед делегатами конференции.

Джозеф Акем ФОНДЕМ (Камерун)

ДВА ГЕРКУЛЕСА

Когда встает над бурным миром солнце
И освещает Землю щедрым светом,
Оно стремится к нам
Сквозь грозный космос,
Оно приходит к нам
Сквозь страшный космос.

Взгляни, какая воля у светила,
Какая сила и какая вера,
И сам иди,
Иди, учась у солнца,
Ты нужен, как оно, с добром и светом.

Я говорю, и каждый понимает:
День ото дня мужают Геркулесы.
На смену темноте приходит
Солнце,
На смену тайнам —
Солнечные яви.

О эти тайны, связанные с риском,
И связанные с риском эти яви!
Как солнце прорывается сквозь космос,
Вы к ним стремитесь,
Наши Геркулесы.

Пусть далеко вы были во Вселенной,
Прокладывая новые дороги,—
Казалось нам,
Любому африканцу:
Вы с нами, в сердце Африки родимой.

Чем дальше ваш полет
К зовущим звездам,
Тем громче и сильнее мирный грохот
Великих рек проснувшейся планеты
И стук сердец, мечтающих о счастье.

Вы слышите, как в джунглях и саваннах
Звучат тамтамы, наши барабаны,
Звучат они в честь Родины Советов,
Что приближает
Счастье африканца.

И я, как африканец, заявляю,
Что будет время, что пора настанет,
И Черный с Белым
Вместе
Выйдут в космос,
Навеки став Друзьями
На Земле.

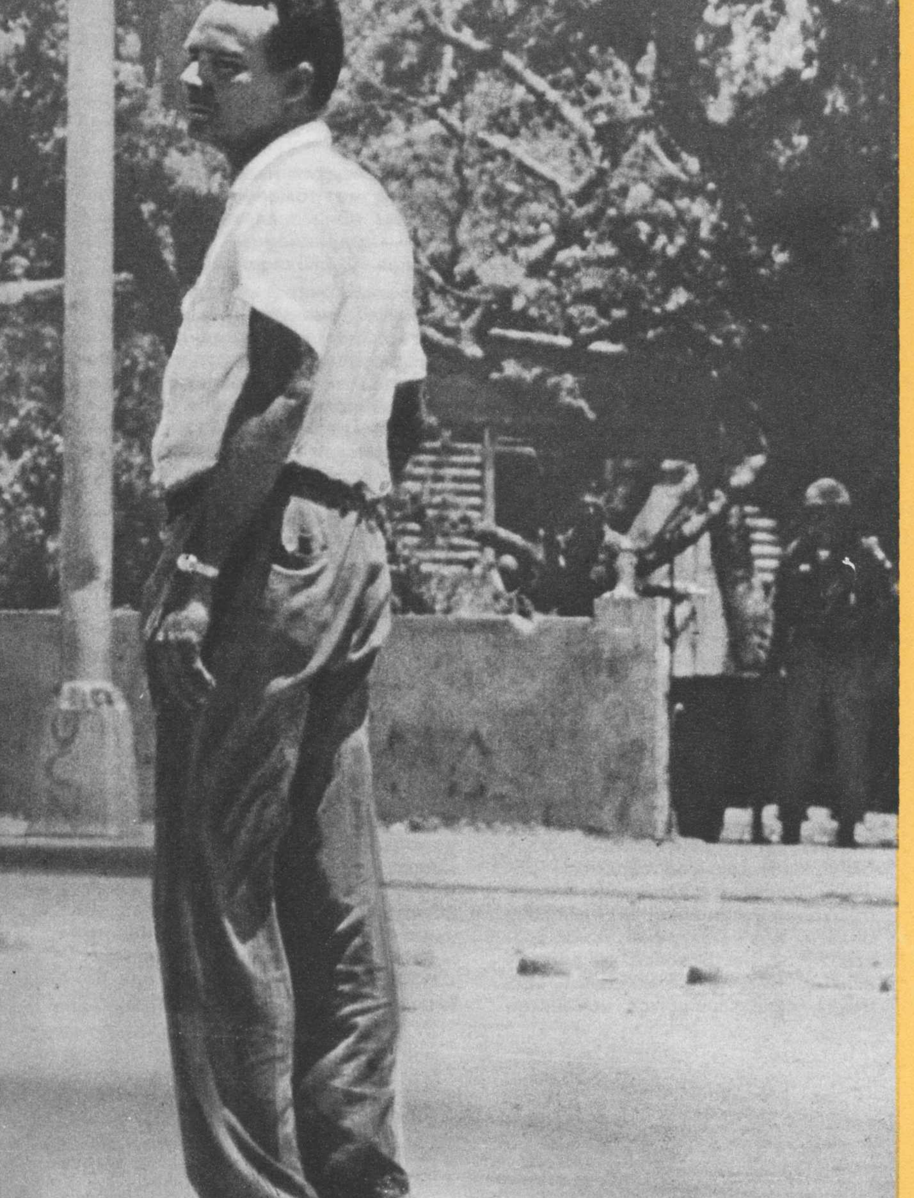
Перевел с английского
Дмитрий Блынский.

ФРОНТ Н

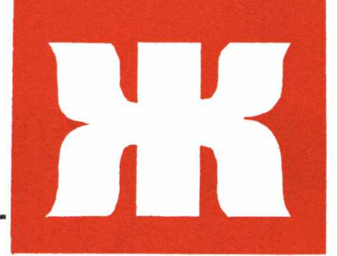
Он высадился на чужую, не принадлежащую его стране землю. Скрючившись под тяжестью оружия, навешанного на него, и страха, он бежит по улицам Санто-Доминго и стреляет в людей, которые ничего плохого не сделали ни ему, ни его семье, ни его родине. Ему некогда разбираться, почему люди на площади Независимости в Санто-Доминго требуют свободы своей стране, почему они, почти безоружные, идут на смерть, когда защищают свой город от него. Он не может понять, почему здесь, в Доминиканской Республике, в десяти тысячах миль от Юго-Восточной Азии, он вдруг видит на стене надпись: «Янки, вон из Вьетнама!». Он только ощущает инстинктивно, что фронт ненависти против него, американского солдата, проходит сейчас по всему земному шару. И, кожей чувствуя смертельную опасность в этих словах, он бьет их прикладом, скоблит штыком, дерется с ними врукопашную...

Американский солдат прекрасно вооружен. Командиры убедили его, что сильнее оружия нет. И поэтому он выходит из себя, когда видит, что беззащитный доминиканец, пойманный им на улице, не боится пластикомета, не поднимает послушно руки вверх, а только презрительно смотрит, как он, американский солдат, корчится перед ним в приступе бешенства и кричит на всю улицу срывающимся голосом: «Руки вверх! Руки вверх!».

И знает американский солдат, что, даже если нажмет он сейчас курок и упадет человек в белой рубашке на горячую мостовую, все равно победа останется за ним, за этим доминиканцем!

Г. Б.

Николай БЫКОВ

Жизнь придумана

Весна трудная. Не такую ждали. Разлива не было. Какие виды? А вот примета... Мужики не стали зерно возить на мельницу: решили попридержать...

Мы стояли на берегу Дона. Быстрая мутная вода торопилась куда-то за глинистый поворот. Дон местами кружил, возвращался немного вверх и тут же снова бросался вниз очертя голову, образуя водовороты. И тонкие лозины краснотала, забредшие по пояс в быструю его, мутную и, наверное, холодную воду, томно гнулись по течению.

Дон говорил, говорил что-то, словно торопился досказать на бегу какую-то долгую историю. Мы молчали. Иногда молчание нарушал Олег Кириллович, он будто переводил торопливый рассказ Дона с речного языка на наш. Дон ведь не всегда здесь был, это купцы павловские повернули его. Хлеба много скапливалось, а река протекала далековато. Купцы решили тогда сделать свой город «портовым». Согнали людишек, прокопали миром неширокий канальчик — как раз успели до паводка. А в большую воду Дон поднялся и кинулся в ту канаву, что и руслом-то не назовешь. Конечно, тесной она ему пришлась. На то и купцы рассчитывали. Дон в ярости пораздвинул новые берега. Скоро и недорого. Вывод? Мы, наверное, все об одном подумали: свой интерес люди имели.

— Хозяином человека надо воспитывать, — заметил вслух Олег Кириллович.— А посмотрика во-он туда. Здорово? Чудесно! Весна. Какая ни есть, а весна.

Олег Кириллович Застрожный— первый секретарь Павловского райкома партии. Высокий, ноги широко по-над кручей расставил, всем обликом своим подтверждает: моряк. Кепку сдвинул лихо и шпарит басом: «И я, как весну человечества, рожденную в трудах и в бою, пою...»

— Видел у меня словарь на столе эстетический? Так вот заехал как-то ко мне сосед один, коллега, увидел его и фыркнул: зачем она тебе, эстетика? Отвечаю, мол, не мешает иногда... А он: «Брось фантазировать! Не эстетикой надо заниматься, а мясом!» В этой формулировке — проблема времени. Я все думаю и думаю: мясо и эстетика... Яйцо и курица... Что прежде?

В самом деле, что же все-таки прежде — эстетика или мясо, воспитание хозяина или «давай-давай», яйцо или курица?..

...Накануне в Павловске, в тихом городке, далеком от железной дороги, проводили вечер боевой славы. В районный Дом культуры пришли солдаты и офицеры второй мировой войны. В старых, наново отглаженных гимнастерках, с орденами и медалями, у кого они есть, с нашивками тяжелых и легких ранений, у кого есть. Сели, немолодые, по случаю гладко выбритые. Белые подворотнички отчеркнули морщинистые, навсегда загорелые шеи. На сцене — пустые стулья, стол и один человек. Офицер. Это военком. Он открыл вечер, а потом стал вызывать на сцену: «Старший сержант запаса... гвардии капитан... подполковник запаса... рядовой... рядовой...» Люди, растерянно помедлив какую-то долю секунды, одернули гимнастерки, двинулись проходами. Гремел студенческий оркестр: «Вставай, страна огромная!..» Паренек узкобрюкий так бухал тарелками, что мороз по коже. Волна какого-то забытого чувства распирала каждому грудь, рвалась наружу кряхтеньем, сдавленным стоном, редкими слезами.

И тут новая команда военкома: «Пусть войдут те, кто родился в суровом сорок первом году, в победном сорок пятом, пусть войдут!» И повалила в зал невыдержанно горластая и смешливая публика. И снова перехватило дыхание, и слезы мешали как следует разглядеть их, непоседливых, говорливых, как воробьи. Встретились глазами отцы и дети — и, словно не узнав друг друга, изумленно глядели: одни на солдатские регалии, другие — на присмиревших, вдруг растерявшихся подростков.

На следующее утро сошлись над полями района тучи, пошел дождь. Мы сидели с Олегом Кирилловичем в его кабинете.

— Так вот,— продолжал утренний разговор секретарь,— приехал весной писатель, спросил меня: во что сейчас верит человек земли, колхозник? Я, может быть, и банально ответил, но это так — верит человек в человеческое слово. В твердое, безобманное слово. Это так. Значит, кто не умел или разучился, должен овладеть искусством говорить с людьми по-людски. Один пример. Еду в поле. А где сеют, еще в дороге узнал,— по белому ручью суперфосфата и по желтому ручью ячменя. Возил человек и следы оставил. Нагнал. Ну и состоялся у нас разговор. Эпохальный разговор!

— Вы возите? — спокойно так спрашиваю дядьку.

— Мы,— отвечает, а сам голову в плечи, ждет разноса.

— А вы знаете, сколько стоит удобрение?

— Не-е... Никто не говорил.

— А сколько ячмень стоит, знаете?

— Слыхал. Будто подороже пшеницы. Пивоваренный, что ли... Да мне-то какая корысть?..

Какая корысть!.. И тогда Олег Кириллович назвал цену суперфосфату и ячменю. Потом попросил подвозчика прикинуть, сколько тот порассыпал на дороге того и другого и на какую сумму. Вместе прикинули, сколько утекло на дорогу из его оплаты. Мужик аж взмок от того тихого разговора в поле.

— Теперь скажите,— попросил секретарь,— как поступили бы вы, если б из вашей личной бестарки столько утекло на землю?

— У меня бы не утекло...

— Это почему же — вон какие щели?

— Не утекло бы!..— уперся тот.

— Почему так уверены?

— Чего уж тут говорить, доглядел бы. А и просыпал бы, так подобрать недолго. Свое!

— И это свое! Вы же только что сами подсчитали убыток колхозу, а значит, и себе. Ну, так как насчет того, чтобы подобрать?

— Подберу... Не сомневайся! Не для тебя и не для разговору, а для себя. А то понаедут, наорут, озлобят... А ты спроси меня, чем я живу? Поинтересуйся!

Долго в тот раз говорили секретарь райкома и колхозник у межи. Подошли сеяльщики, трактористы. Люди рассказали о путаной системе оплаты, о подорванном доверии к весенним обещаниям, о своей жизни, о том, что трудно построиться — не продают им материалов, о сыновьях и дочерях, бросивших колхоз.

Олег Кириллович посмотрел в окно, на спорый дождик, радостно повторил давешний свой подсчет: «Вчера на весь район пришлось около девяти миллионов тонн влаги!»

— Пережил я крепко решения мартовского Пленума,— продолжал Олег Кириллович,— с подъемом рассказываю о них с трибуны, в бригадных станах. И что бы вы думали? Из зала, из задних рядов толпящихся механизаторов, свекловичниц улавливаю шепоток. Скептический, полный горечи и недоверия. Смотрю людям в глаза и словно читаю: «Ты и прежде говорил нам то же самое, как стишки выкрикивал...»

Такую, мягко говоря, сдержанность заметил и я. Мне было интересно, чем объяснит вежливое молчание человек думающий, не умеющий отсиживаться за двойной дверью кабинета? Задумчиво, подбирая слова поточнее, вслух рассуждал Олег Кириллович: «Верил ли я тогда, хотя бы себе? Верил! И себе и тем партийным решениям, что были».

«А верил ли так же свято самим людям, в их горячую мужицкую заинтересованность в тобою спущенном плане?» — хотелось спросить мне. Ведь каждый секретарь с весны знал, что осенью он, если того потребуют указания и уполномоченные, заберет у колхоза и фураж, и семена, а главное, и часть положенного к выдаче на руки, на заработанный рубль.

— Сейчас не столь важно призывать, сколь по-ленински утвердить в жизни решения партии и правительства. Да так, чтобы осенью не переутверждать! Ведь в чем конфликт? В чем трудность идеологической работы на селе? Надо восстановить нормальные отношения хлебороба с землей. Это должны быть взаимоотношения хозяина с кормилицей. Мы сейчас-то уж можем себе признаться, что действовала вроде бы целая система скрытого обмана в осенних надеждах людей пашущих и сеющих. Он был и в оплате, и в различных финансовых путах, часто вовсе не доступных пониманию колхозников, и в ценах, складывавшихся непонятно как, и в обещаниях заменить личную буренку общественным ларьком. Такое многообразие вызвало в ответ многообразную реакцию: низкую производительность, наплевательское отношение к земле, переставшей быть кормилицей.

Пять лет свекловичницам колхоза «Авангард» толковали по весне, что оплата у них такая-то. А осенью, когда свекла уже на заводе, отдавали ровно половину обещанного. Реакция? Перестали верить слову правления, чересчур красочным плакатам и неестественно доброму голосу местного радио. Урожай упал. Весной прошлого года поехал Олег Кириллович к этим женщинам. Говорил о пробуждении земли, о чувстве хозяина и о тех самых пятидесяти копейках за каждый центнер сданной свеклы... Женщины молчали, смотрели холодно.

— А ведь оплата — это выраженная политика! — горячится сейчас секретарь, словно спорит с кем-то отсутствующим при нашем разговоре.

Долго тогда говорил со свекловичницами Олег Кириллович. Одна женщина сказала: «Сейчас ты, товарищ секретарь, красно говоришь. И не один ты агитировать в поле приезжаешь. А осенью никого! И тебя мы больше не увидим, знаем... Осенью ни тебя, ни машин для вывозки корней не будет...» Секретарь был благодарен этой женщине — помогла! Он обещал приехать в дни уборки, обещал позаботиться о машинах, о безобманной оплате.

— А руки размывать тоже приедешь? — выкрикнули из-за спин.— Или побрезгуешь?

— Приеду и на размыв рук, не забуду, не обману!—обещал секретарь. Он знал, что «размыв рук» — традиционный праздник урожая у свекловичниц.

Олег Кириллович слово сдержал. Не обманули и свекловичницы колхоза «Авангард». Но что больше всего удивило и поначалу стеснило колхозников,—секретарь райкома в урочный час приехал на «размыв рук». Не ждали, а он приехал — и в малом не обманул. За общим столом хорошо поговорили, лучше узнали друг друга, вволю пошутили и много-много хорошо пели. У воронежских-то голоса удивительные, редкие. Когда расходились, людям собственная деревня показалась наряднее.

А я подумал: весенний день год кормит — эта формула, может, и верна для былого крестьянства, но сейчас ясно, что кормит колхозников осенний день. Когда за словом встает рубль. И тут возникает немало новых проблем. Урожай формируют дожди, хорошая оплата и еще—хорошее настроение! Сейчас в Павловском районе в поле вышли специально оборудованные агитавтобусы. В каждом — лектор, врач, парикмахер, сапожник, киноустановка, магнитофон. Плюс агитбригада на своих колесах!

НЕ ЗРЯ

Но деревня — это не только техника и пахари. Это и сельская интеллигенция и молодежь. Олег Кириллович говорит о новом в партийной работе:

— Секретарь может отрегулировать сеялку на норму высева, запомнить, сколько зерен кукурузы в гнездо класть,— это хорошо, полезно, но он должен уметь делать многое другое, например, разговаривать с учителями, специалистами, врачами. Я отдаю себе отчет, что это очень нелегкое дело — найти верную тему, верный тон в разговоре с интеллигенцией. А найти надо! У нас еще многие скептически смотрят на секретарей, которые находят время по-человечески интересоваться жизнью сельской школы, больницы, клуба.

Мне рассказывали, что секретарь Павловского райкома партии любит выступать с беседами в школах и клубах сел. Темы бесед самые разные. Из них любимые — о Маяковском и о партийности литературы.

Если всерьез думать о будущем деревни, колхозов, то надо прежде знать нужды сельской школы. Работа с молодежью и начинается-то в маленьком, бревенчатом здании, часто плохо отремонтированном, плохо натопленном, скупо освещенном. В селах района райкомовцы проводят обычно вечера, встречи, лекции именно в школе. И на самые неожиданные темы. Была в Павловске конференция отцов. Секретарь Павловского райкома партии рассказал собравшимся, что он, бывая на родительских собраниях, видел за партами бабушек, многих мам и почти не видел пап. Однажды Олег Кириллович передал через бабушек и мам привет... папам. Эффект не замедлил сказаться, отцы намотали на ус: «сам» секретарь райкома был в школе!..

После конференции отцов с вручением почетных грамот отцовства провели родительские кустовые собрания в селах. Тема: как воспитать молодых патриотами своей воронежской земли, своего района, своего села. Выступали учителя, врачи, специалисты, партийные активисты. Позже в правлениях колхозов, в учреждениях появились «экраны успеваемости» — листы с отметками детей служащих и колхозников. В Павловске такие «экраны» появились и в промкомбинате, и в сельпо, и даже в бане. А вот в исполкоме и в райкоме их долго не вывешивали. Секретарь поинтересовался: почему? Оказалось, сами школы не давали сведений — дабы не подрывать авторитета руководящего состава... Олег Кириллович попросил сведения присылать. Теперь люди, ожидающие вызова к секретарю, внимательно изучают кривую успеваемости деток руководящих работников...

...В большом селе Лосеве еще много хатенок под соломой, много пустырей там, где место садам. Но скуки нет, и нет самого идиотизма деревенской жизни во всех его исконных проявлениях. А все потому, что лосевские колхозы заботятся о своей молодежи. Молодежь на это отвечает песней и работой от души. Хор лосевский был участником столичного фестиваля, агитбригада — лауреат Российского смотра художественной самодеятельности. В селе открыто с недавних пор молодежное кафе. «Светлячком» назвали. В ожидании торжественного дня девушки по-модному завивались. В кафе шли, как в театр: в сапогах через весеннюю грязь и с туфлями в руках! Парни пригласили председателя колхоза, вместе плясали, пели: «В жизни раз бывает восемнадцать лет». Конечно, когда восемнадцать, то уехать хочется куда глаза глядят. Из Лосева не уезжают.

Лиха беда — начало. В том же Лосеве вскоре открыли выставку московских художников. Два месяца искусствовед из Эрмитажа — серьезная девушка Наташа — жила в старом воронежском селе. Сначала лишь любопытные заглядывали в зал, где разместилась выставка, потом любопытство сменилось любознательностью. И в этом была победа ленинградки Наташи Нарышкиной. Но, согласитесь, что это и победа юных лосевцев — над собой!

Теперь им уже в Лосеве мало кафе, они организовали комсомольский клуб-магазин и открыли там выставку графики. А комсомольская организация создала в селе совет культуры.

Конечно, ничто не родилось само собой. Райком партии в Павловске — штаб хорошего настроения селян. А раз есть интерес у районного начальства, то помогает и Москва и своя интеллигенция. В Лосеве это и энтузиаст, учитель Андрей Андреевич Федоренко, и заведующая библиотекой Наталья Яковлевна Ивановская, и еще один учитель — историк Иван Иванович Верещагин, летописец Павловского района. И, конечно, Маша Бондарева, секретарь комсомольской организации в Лосеве! Недавно пришла Маша к Олегу Кирилловичу и сказала:

— Уезжать скоро, а я не уеду. Помогите найти мужу работу! Мы согласны навсегда здесь...

А дело в том, что юные супруги Бондаревы приехали в Лосево строить новую школу — муж у Маши прораб. Временно Маша устроилась в детскую библиотеку, а потом открыли «Светлячок», а до этого еще Машу избрали секретарем комсомольским. Куда уж тут уезжать!..

...После обеда развиднелось, поехали на Дон: в поле все равно носа не сунешь, «дождь добре влил». А на реку пробрались — хорошо на реке! Вода сильная и быстрая шла каким-то густым солнечным потоком. Уносило всякий мелкий и крупный сор, обычный для половодья. Лихо пересвистывались скворцы. Речники ладили паром — гулко, раскатисто катились их голоса вниз по реке. За старыми осокорями, в стороне тихого Павловска, родилась песня. Сначала только мотив, только голос. Потом долетели слова: «Ты не печалься, ты не прощайся, ведь жизнь придумана не зря...» А я и не печалился... Весной особенно остро чувствуется, что жизнь придумана не зря. Все ли об этом помнят? И все ли мы делаем, чтобы не зря? Много в жизни надо еще додумывать и доделывать...

«КОМСОМОЛКИН» ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Сорокалетие — дата «круглая», юбилейная, и тут уж обязательно надо взять у юбиляра интервью. Так принято. Но взять интервью у газеты «Комсомольская правда», у тех, кто ее делает, очень нелегко. Все куда-то бегут, улетают, звонят. А тут еще грандиознейшая перестройка редакционного помещения — надо же приодеться к празднику! Друзья — и те отмахиваются: «Извини, старик, пишу в номер. Пойми!..» Как не понять... И все-таки выход есть. Как и положено, интервью дает сам юбиляр! Вот толстенные, газетного формата и скромного переплета книги. Это подшивки, подшивки, это годы и годы...

Удивительное чувство испытываешь, когда попадается в руки хотя бы клочок старой газеты: оживает давно минувшее, перед глазами река времени поворачивает вспять, старики молодеют. А тут не клочок — целая летопись ленинской комсомолии! Газета, рассказывая о стране, о людях, о самых будничных буднях прошлого, рассказывает как бы и о себе, о своих корреспондентах. Адреса героев и событий — их маршруты, дальние и близкие, но всегда нелегкие. У молодости свой характер, свой взгляд на действительность, свое ко всему отношение, свои песни. «Комсомолка» — это непроходящая молодость нашей страны. Захочет юноша узнать, каким был дед в его, дедовы, двадцать лет — пусть идет в библиотеку и требует подшивку «Комсомольской правды» за 1925, за 1930 годы. Захочет он узнать, каким был отец в 1941—1945 годах — пусть развернет его, отцовскую, «Комсомолку», которую тот получал в окопах. Со страниц «Комсомолки» на нас глядят наши юные бабушки-коммунарки и матери, впервые севшие на трактор и аэроплан. Переверни пожелтевшие страницы — и ты услышишь песню целинного эшелона, песню старших братьев и сестер. «Комсомолка» — непроходящая молодость нашей страны...

Вот, собственно, и все интервью, полученное у юбиляра. Остается напомнить, что орден Ленина № 1 вручен ей, «Комсомолке», в 1930 году. Что именно она, «Комсомолка», одна из немногих газет награждена орденом Отечественной войны. И еще два ордена у любимой газеты советской молодежи — два ордена Трудового Красного Знамени. Потому что газета поднимает молодежь на доблестный труд, на леса новостроек, потому что она всегда со своими героями: и на дальних трассах, и в глубоких котлованах, и в самых трудных рейсах. И газета, и газетчики, и читатели, авторы газеты. Да, читатели — тоже авторы! Так было всегда. А сейчас более тысячи читательских писем приходит в редакцию ежедневно! Как бы ни были вездесущи, энергичны и непоседливы газетчики, но без страстной, глубокой заинтересованности читателей нельзя вести дискуссию «Я и время», без их писем не смог бы существовать «Институт общественного мнения», нельзя было бы поднять «Алый парус», зажечь лампу в «Клубе любознательных».

24 мая — «Комсомолкин» день рождения. Можно было бы и не писать, что газете стукнуло 40: это счет чисто календарный, все равно никто не поверит, что юбиляру сорок! Это юбиляр особенный. Он всегда молод.

Во втором полугодии
«Огонек» будет публиковать
повесть с продолжением

«ПОСЛЕДНЯЯ ОШИБКА РЕЗИДЕНТА»

О. ШМЕЛЕВА и В. ВОСТОКОВА.

В повести рассказывается об одной операции, проведенной советскими контрразведчиками в последние годы.

Огонь творческой правды

Николай ТИХОНОВ

Вот я открываю книгу и читаю: «А в этот же день, поутру, когда взошло солнце, на суглинистом пригорке, неподалеку от дома, где жил Стрельцов, выбилось из земли первое перышко первой травинки. Острое бледно-зеленое жальце ее пронизало сопревшую ткань невесть откуда занесенного осенью кленового листа и тотчас поникло под непомерной тяжестью свалившейся на него дождевой капли. Но вскоре южный ветер прошелся низом, влажным прахом рассыпался отживший свое кленовый лист, дрогнув, скатилась на землю капля, и тотчас, вся затрепетав, поднялась, выпрямилась травинка, одинокая, жалкая, неприметная на огромной земле, но упорно и жадно тянущаяся к вечному источнику жизни, к солнцу».

Я вижу героя книги старшего агронома Николая Стрельцова, «раздавленного горем и ревностью», но за его плечом я вижу его создателя, большого человека нашей земли, который видит каждую травинку и каждое ее движение, самое незначительное. Он не может не говорить о мудрости родной природы, потому что он поставил целью своей творческой жизни рассказать все о людях родных краев и о той жестокой, благословенной, трудной степной земле, на которой они живут и в трудах, и в кровавых сражениях, и в счастье, бескрайней любви, и в безумной ненависти, и в сомнениях, и в твердых решениях, идя на поиски будущего.

Ни один писатель, может быть, не любил с такой страстной силой природу тех мест, которые видели его детство и зрелые годы и дали ему бесконечный материал для неповторимых книг.

Он рассказал в романах, ставших всемирно известными, о том, как жили многие поколения в том мире, который звался казачеством, о жестоких, страшных нравах прошлого, о печальных, мрачных судьбах, о том, как разделились люди этих мест на два смертельно враждующих лагеря в борьбе за прошлое и будущее, о том, как победило новое.

Герои его повествования сошли с книжных страниц и стали жить, как обыкновенные люди, полюбившиеся всем, кто их узнал, своей трудной, необыкновенной жизнью, своими человеческими радостями и печалями. Огромный труд, труд всей упорной жизни писателя увенчался большим успехом, потому что это было выражение большой любви и преданности людям родного края и той богатой, ревнивой земле, на которой творилась эта сложная, беспощадная своей откровенной трагичностью жизнь.

Мы знаем, как писалась эта эпопея, какие мучения перенес автор ее, прежде чем она пришла к своему концу, и если у нее с самого начала были друзья, то были и люди, которым казалось, что это — неправильное освещение событий, неверное изображение людей того времени, что герои должны думать по-другому, так, как хотелось этим наблюдателям со стороны, блюстителям тех убивающих литературу схем, о которых сегодня вспоминаем мы не без содрогания.

...Жил-был маленький мальчик в маленьком хуторе станицы Вешенской. С детства полюбил он берега тихого Дона, пески, окружавшие его, лес, озера в камышах и осоке. Рос он, и с ним росло желание широкой, радостной жизни.

И вот теперь, когда старость напоминает о себе только полным изменением жизненных условий вокруг, когда не узнать станицы Вешенской, а писатель видел уже многие страны и многих мудрых людей земли, он вспоминает свой долгий путь и благословляет свой выбор, когда он не переселился, никуда не уехал из этих глубоко вошедших в сердце мест, и никакие соблазны литературной и общественной жизни вдалеке от тихого Дона не могли привлечь его своей новизной, пышностью или каким другим богатством впечатлений, условностью всякого почета.

С ним росли, старились его земляки, с ним рядом сельская новая молодежь, к нему приезжают люди всех наций, всех профессий, к нему приходят за житейским и литературным советом. А стоит выйти к берегу, и вот он, тихий Дон, живая история, поток жизни, его соавтор и друг, старый Дон, славный Дон, неистощимый, песенный, народный.

Меняется быт, меняется речь народа, и писатель, как в реке, может почувствовать всем существом живое движение слов, обогащающих язык новыми возможностями.

Я не хочу говорить о годах. Годы старят того, кто сам говорит об их тяжести. Мастер большого труда живет в заботе, в создании новых произведений. Он не жалеет для них ни времени, ни энергии, ни сердца. Пусть на голове снежный лукавый блеск, он молод и тогда, когда берет ружье или удочку, и тогда, когда творческой ночью горячо, самозабвенно работает над новым романом.

Его называют народным писателем, и это правда. Его называют летописцем родной земли, и в этом есть истина. И если бы было еще несколько человек хотя бы, кто с такой же неиссякаемой любовью говорил о том уголке родной земли, на котором он родился и жил всю жизнь, и о людях этого края с такой же правдивостью и страстью, литература наша еще более возвысилась бы и преуспела в своем движении вперед.

Но в книгах Михаила Александровича Шолохова живет и та особая широта, которая сделала их всемирно известными. В этих книгах проходят процессы небывалого исторического значения. В них картины и гражданской войны, и коллективизации, и Великой Отечественной войны. В них самые большие вопросы, которые стояли не только на Дону, решались не только как судьбы казачества.

И еще одно в книгах Шолохова — непреклонная верность правде, отсутствие фальши и ложной романтики. В них то, что мы называем справедливо социалистическим реализмом. На страницах Шолохова — самые трагические конфликты, самые запутанные противоречия, самые небывалые страсти и сложности, из которых иногда выход — смерть, самоуничтожение. Но торжествующее будущее, как историческая самая большая правда, стоит над этой человеческой трагедией. И светлое содержание этой победы над прошлым не может быть замутнено никакими сомнениями.

...И пусть еще много лет огонь большой творческой правды светит из маленькой станицы Вешенской всему большому миру, всему передовому человечеству!

Неисчерпаемая глубина

Петрусь БРОВКА

Много уже сказано, и много еще можно сказать о Михаиле Шолохове. Но для всех ясно одно: каждый человек, поговорив с его героями, а значит, и с душой большого человека и писателя, стал богаче.

Произведения великих художников перечитываешь по нескольку раз. К Шолохову я возвращался не однажды и всегда открывал для себя что-то новое, ранее не познанное. Какова же поистине неисчерпаемая глубина его книг!

А еще в чем признак классических произведений, к которым мы по достоинству относим и творчество Михаила Шолохова? В том, что герои их всегда перед твоими глазами. И в каких бы уголках нашей необъятной Родины я ни был, я нахожу и запавшую в наши сердца Аксинью, и Григория Мелехова, и деда Щукаря, и воина Андрея Соколова, и других.

Михаил Шолохов, как и все великие писатели, оказал благотворное влияние на развитие многих литератур и весьма большое — на наши национальные литературы. И надо прямо сказать, что не только на прозу. А поэты и драматурги разве не шли и не идут в фарватере, проложенном Шолоховым? А многие наши критики и литературоведы разве не следуют четкому, предельно ясному изложению шолоховских высказываний?

Я думаю о Шолохове, перелистывая в уме его «Тихий Дон», «Поднятую целину» и другие книги, и ясно вижу любимую им донскую землю и людей, так проникновенно воспетых великим художником, вижу их в прошлом, настоящем и будущем.

Спасибо ему большое за все доброе, за созданное самим и за многочисленных учеников, следующих за учителем. Мы рады все видеть его бодрым и неисчерпаемым. Встретить же Михаила Александровича на белорусской земле было б нашим счастьем.

Михаил Александрович Шолохов.

Фото Н. Козловского.

Михаил Александрович Шолохов выступает на митинге в станице Вешенской.

Тихий Дон.

НАШ ШОЛОХОВ

Олесь ГОНЧАР

На днях из газетной заметки узнал я, что шолоховские «Донские рассказы» были той последней книгой, которую держал в руках Остап Вишня в свои предсмертные часы... Случайность? Самый веселый писатель Украины, хотя жизнь его была далеко не безоблачной, поистине любимец народа, умел он, наш Павел Михайлович, быть и суровым, и проницательным, и до нежности ласковым, когда речь шла о произведениях литературы. К литературе у него было отношение совершенно особое, какое-то совестливое, чистое, целомудренное, способен он был с настоящим упоением радоваться за других и восхищаться ими. И если уж он, Остап Вишня, кого полюбил, то надолго, и, думается, не случайно был дорог ему Шолохов до последней минуты, не случайно и в состоянии, когда наступают уже вечные сумерки, тянулся душой он к солнцу донских степей, к их пыльным шляхам, к раздолью и свету кипящих жизнью просторов...

Для многих, для миллионов людей на Украине дорого имя Шолохова, его огромный творческий труд. Чувствуешь глубокую признательность к человеку, открывшему для тебя целый мир, создавшему бессмертный эпос революции, к человеку, который, словно мастер, могучим резцом извлекающий жизнь из мрамора, извлек, «вичарувив із слова» (так это звучит по-украински) образы классической красоты, людей неукротимой революционной страсти, создал грандиозные картины народной жизни, героический образ времени, которое для многих уже кажется легендарным. Это создавалось и создано на века.

Как и во всех республиках Советского Союза, популярность Шолохова на Украине огромна. Уже с первых произведений молодого Шолохова украинский читатель оценил силу его слова, мощь и яркую роскошь красок.

Лучшие украинские стилисты на протяжении ряда лет работали, тщательно переводя произведения Шолохова на украинский язык, лучшие художники республики иллюстрируют его книги. В этом также проявляется искреннее уважение к Шолохову, писателю, которым по праву гордится и русская и вся советская многонациональная литература.

Мы никогда не забудем приезд Шолохова в Киев на писательский съезд. Дни его пребывания в столице Украины превратились в праздник нашей творческой интеллигенции, это был праздник дружбы.

— Наш Шолохов,— так у нас говорят о нем.

Мы надеемся, что Михаил Александрович снова побывает на Украине. Великий писатель братского народа, вдохновенный певец Дона, он будет желанным гостем на украинской земле. С открытой душой, с братской любовью ждут автора «Тихого Дона» шахтеры Донбасса и кораблестроители юга, ждут его могучий наш Днепр и высокие Карпаты, ждет смуглый степной народ и киевские друзья.

Щирий привіт вам із України, дорогий наш друже!

КРЫЛАТОЕ СЕРДЦЕ

Георгий ЛЕОНИДЗЕ

Михаил Шолохов — лев советской литературы, самый большой писатель нашего времени и вместе с тем человек несравненной простоты и задушевности.

Помню встречу в Кахетии, на берегу горной речки Инцоба, в лесу, где грузины чествовали Шолохова. Были здесь виноградари и хлеборобы, учителя, писатели. В заздравных речах, беседах все говорили о шолоховской любви к правде, к человеку, о его полнокровном реализме, о зорких глазах писателя, о том, как согревает людей его душа.

От всего сердца благодарили читатели великого писателя.

— Мы впервые видим вас, но встречаем как нашего старого друга,— говорили они.

А в ответ на это Шолохов сдержанно, про себя, улыбался.

Он покорял тихим нравом, застенчивым характером. Весь облик говорил о высокой скромности, которая так красит его. Но, конечно, он не был гордым молчальником и как «свой человек» принимал участие в беседах, в шутках и даже... в охотничьих рассказах.

Шолохов — человек глубокого раздумья, но вместе с тем открытый, жизнерадостный. Он искренен, сердечен. Непосредственна его природная доброта, его большое человеческое сердце, его обаятельная сила. Вечный соловей жизни поет в нем.

«Завоевать весь мир,— это не большое геройство, геройство—покорить сердце хоть одного человека»,— говорили наши предки, а Шолохов своим сердцем покорил миллионы.

И потому слово Шолохова—что тучный колос чернозема, медовые душистые травы донских степей, что правда, сила и слава народа.

...Шумит Инцоба. Швыряет брызги, точно алмазы. Над быстро текущими струями горной речки несется в честь Михаила Александровича застольная «Мравал — Жамиер»[1], а он, спокойный, уравновешенный, светлый человек, говорит о духовных традициях, пьет за здоровье этих высоких гор, за тех, кто создает обилие хлеба, вина, любви.

— Мы любим вас, как любим наши родные горы,— патетически обращается к писателю старый педагог.

* * *

— Хочу послушать грузинский стих, знать, как звучит он.

И вот просьба удовлетворена.

— Замечательно! Грузинский стих — что грузинская многоголосая полифоническая музыка!

В беседе с нами он часто вспоминал святые имена наших кумиров: Руставели, Бараташвили, Важа-Пшавела...

Его любимое стихотворение —«Синий цвет» Николоза Бараташвили.

...Срок пребывания в Грузии был коротким, но сколько живых впечатлений! Как мне кажется, гость постиг духовную сущность нашего народа. Особенно полюбились ему наши песни.

— В ваших песнях слышен рокот ваших рек,— замечал он.— Грузинский народ — гениальный композитор!

Помню в Кахетии, на берегу речки Инцоба, тишину окружавших нас горных лесов. Михаил Александрович назвал ее глухотой Бетховена, видно, подразумевая внутренний творческий мир гениального композитора.

— Спойте «Черную ласточку»,— просил он певцов.

А в Пасанаури и в Цхнеты по его просьбе не раз исполнялись песни на стихи Важа-Пшавела «По ту сторону ты».

* * *

Быстро пролетели дни Шолохова в Грузии. Нелегко было расставаться с ним. Нас очаровали его ясный, возвышенный ум, его крылатое сердце.

[1] «Мравал — Жамиер!» — «Долголетия вам!».

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

ДОН И НЕМАН

От тихого Дона до синего Немана, до извилистой Нерис неблизкий путь. И хотя и трудно написать что-нибудь новое о Михаиле Шолохове, кудеснике крылатого слова со станицы Вешенской,— книги и статьи о нем заполнят огромный библиотечный стеллаж!— попытаюсь рассказать своим землякам два неизвестных им эпизода из Неманского края, которые, наверно, не будут для них безразличны.

Захватив молодую Советскую Литву, гитлеровцы подвергли яростным преследованиям все, что связывало нас с великой Родиной. Книги советских авторов оказались за семью замками для литовского народа. Но, невзирая на все опасности, в глухом провинциальном городке порабощенной фашистами Литвы писатель Повилайтис трудился над переводом «Тихого Дона». Закончил эту работу буквально накануне освобождения республики и вручил рукопись вновь открывшемуся в Литве Государственному издательству, когда еще гремели орудия на северо-западе края.

«Поднятая целина» вышла на литовском языке в ранние послевоенные годы. В самом начале коллективизации литовской деревни я был очевидцем, как в волость приехали колхозники из дальней округи и потребовали наряду с разным инвентарем и обиходными товарами «Поднятую целину» в литовском переводе. «Шолохов нам поможет»,— убежденно заявляли они.

У нас на селе шли тогда еще яростные классовые схватки. И Гремячий Лог для первых литовских колхозников лежал где-то совсем по соседству, а Давыдова и его друзей они воспринимали, как людей из плоти и крови, вместе с ними громивших и наше литовское кулачье.

И для поколения подпольных комсомольцев в буржуазной Литве конца тридцатых годов, несмотря на цензурные рогатки, «Тихий Дон» и «Поднятая целина» стали настольными книгами, по которым мы учились русскому языку и откуда мы черпали живую и волнующую весть о великих революционных подвигах русского народа. А для тех из нас, кого уже тогда влекло к себе литературное поприще, творчество Шолохова было недосягаемым образцом непревзойденного мастерства.

...Читаю и перечитываю Шолохова, и мне, поэту, становится по-хорошему завидно: в какие глубокие тайны поэтического мастерства проник великий советский прозаик! Упиваюсь звучанием его слов-самоцветов, причудливой вязью его то разящей, беспощадной, то нежданно нежной фразы. Недаром на мотивы Шолохова уже создана опера. И я не сомневаюсь: во многих музыкальных произведениях еще прозвучат эти вдохновенные мотивы, герои Шолохова, уже пришедшие на сцену и на экран, найдут воплощение и в других видах искусства. И верю, что много нового напишет еще Михаил Шолохов, находящийся в зените творческой боеспособности.

А старые и новые книги его продолжат свое триумфальное шествие по всему земному шару, помогая народам, уже обретшим свободу и счастье, и тем, кто еще борется за лучшую долю. Крылатого конника со станицы Вешенской, его чудесные творения знают и любят миллионы. А за это ему и тихому Дону, породившему нам писателя-кудесника, низкий поклон!

В СТАНИЦЕ ВЕШЕНСКОЙ

Михаил АНДРИАСОВ

1

Припоминается недавняя встреча.

Январь 1965 года. Снова счастливая судьба привела меня в станицу Вешенскую.

...Странное чувство охватывает меня. Шагаю по улице и завидую, завидую всем встречным. Они живут в одной станице с ним, бок о бок...

С высокого левого берега всматриваюсь в открывающиеся отсюда неоглядные дали донские. Вьюжный степной ветер гонит вихри снега куда-то за правый берег, к уже невидимым хуторам, в потемневшую степную даль... И сразу припомнился тот сумеречный январский вечер, когда лобастый, большеголовый всадник таинственно въехал в Гремячий Лог. То был Половцев. Припомнились открытый, как степь в погожий день, балтийский моряк, краснопутиловский слесарь Семен Давыдов, неудержимый, как молния, и острый, как клинок, Макар Нагульнов, нежная, милая Варюха-горюха...

Подумалось: да ведь Шолохов открыл для всего человечества Дон, как Колумб открыл миру Америку!

Что знали раньше за рубежами нашей земли о Доне? Казачья удаль, лампасы, вихревая скачка, прирожденное мужество, стремительные джигиты — одним словом, любопытный край, экзотика.

Шолохов раскрыл Дон миллионам людей, показал его всей планете: смотрите, какие красивые люди живут здесь, какой богатой, щедрой, человечной души, какого горячего, страстного сердца, смотрите, как они живут, как трудятся, как любят, как борются, смотрите, какие у них, да, шершавые, огрубевшие от земли и ветра руки, но сколь умелые, сильные, искусные... Смотрите, какая на Дону красивая, нежная, пленительная природа... Да не в обиду будь сказано и нам самим, донцам,— ведь до Шолохова многие и из нас не знали в полной мере всей глубокой, несказанной, людской, земной красы Дона!

2

...Михаил Александрович — необычайно интересный собеседник. Каждая встреча с ним обогащает, дает что-то новое.

Жизнь сталкивает его с огромным количеством людей. У него великолепная память. Он прекрасный рассказчик. Скажем, вспоминая события тридцатилетней давности, воскрешает каждую деталь, и сразу исчезает толща времени — перед глазами возникает ясная, убедительная, живая картина.

Мне запомнились рассказы Михаила Александровича о его встречах с Александром Александровичем Фадеевым, о душевной красоте этого человека, о страстном и нежном сердце его, всегда открытом для честной дружбы, для товарищей, которых у него было так много...

— Фадеев любил людей, он всегда тянулся к ним. Это была богатая и нежнейшая человеческая душа.

И тут вдруг вспомнились слова Шолохова, произнесенные еще много лет назад в Ростове:

— «Разгром» я прочитал одним дыханием. А «Молодая гвардия»?! Кто еще смог бы так написать о молодежи?!

...Сердечно встречали писатели Украины Михаила Александровича на киевском аэродроме, когда он прилетел на республиканский съезд литераторов. По-братски обнял Шолохов Олеся Гончара.

— Здравствуй, здравствуй, Олесь,— радушно сказал он.— Внимательно слежу за тобой, с интересом читаю «Знаменосцев» — отличная книга.

Потом заговорил о книгах других украинских писателей, хвалил рассказы Остапа Вишни.

3

Девятнадцатого июня 1961 года на тбилисском аэродроме опустился самолет, из которого Михаил Шолохов ступил на грузинскую землю. Ему была оказана радушная встреча.

Поездок в Грузии было много. И кто-то из спутников спросил у Михаила Александровича:

— Не утомились ли?

— Нет,— ответил он,— любовь не утомляет.

Родина Шота Руставели с любовью принимала славного сына тихого Дона. Казалось, сам величавый Дон встретился со стремительной Курой.

В личном архиве известного грузинского кинорежиссера покойного Николая Шенгелая недавно обнаружена рукопись — сценарий к фильму «Поднятая целина». Сценарий написан Михаилом Шолоховым и Николаем Шенгелая. Речь, разумеется, идет о первой книге романа.

Этой ценной рукописи более тридцати лет. Шолохов и Шенгелая несколько раз встречались в Москве и в Вешенской. Работали продолжительное время. К сожалению, фильм не увидел света. Он был снят с производства по личному распоряжению Берия.

Между тем о содружестве Шолохова и Шенгелая было сказано немало теплых слов. Александр Александрович Фадеев писал Шолохову:

«Дорогой Миша!

В бытность в Москве Шенгелая сказал мне, что вы будете работать над экранизацией «Поднятой целины». Это сообщение меня очень заинтересовало. Специально пишу тебе письмо для того, чтобы ты занялся работой над картиной вплотную. Шенгелая очень талантливый режиссер, но организовать весь огромный материал, которым он будет располагать, работая над «Поднятой целиной», ему будет очень трудно без твоей помощи... Мне кажется, что совместными силами мы могли бы двинуть дело развития советского кино и тем премного помочь Советской власти. А то в последнее время просто смотреть нечего.

Как идет твоя работа над второй книгой «Поднятой целины» и пишешь ли дальше «Тихий Дон»? Подай весточку о себе.

Крепко жму руку — Фадеев».

Можно только пожалеть, что эта значительная работа не увидела экрана.

4

Среди тех, кто пишет Михаилу Александровичу, немало и зарубежных корреспондентов. Подчас это глубоко волнующие человеческие документы. Исповедью является письмо, пришедшее в Вешенскую из Бельгии:

«Дорогой Михаил Александрович!

Разрешите по просьбе моих земляков и в известной степени от имени даже моего поколения обратиться к Вам с большой, идущей из глубины души просьбой встретиться с Вами, хотя бы на короткие часы.

Занимая Ваше ценное время, я не думаю, что Вы будете за это в обиде на нас. Что же касается нас лично, то это обращение к Вам уже давно является для нас моральной потребностью поделиться с Вами нашими сокровенными переживаниями и выслушать от Вас мудрое слово, высокогуманного писателя и общественного деятеля, большого патриота земли русской...

Ваше навеки прославленное произведение «Тихий Дон» для нас явилось настольной книгой и, можно без преувеличения сказать, перевоспитало нас здесь, за границей.

Пишущий Вам эти строки, старый эмигрант, воспитанник Таганрогской мужской гимназии Попандопуло Николай Михайлович, в силу хорошо Вам известных обстоятельств в семнадцатилетнем возрасте, подобно большей части учащейся молодежи, в частности Области Войска Донского, гнусным обманом белых генералов, лживой пропагандой «патриотически настроенных» нравственных банкротов, выбросивших лозунг «великой, единой и неделимой» России, был вовлечен в белое движение и прошел тяжелый путь гражданской, начиная с отряда Семилетова, так ярко описанного на страницах «Тихого Дона».

Еще до того, как Красная Армия выбросила нас из Крыма в 1920 году, я лично, да и большинство моего поколения, в горниле гражданской увидели воочию, на чьей стороне правда, на чьей стороне народ, но многих из нас остаться и сдаться на милость победителей удержали или страх, или гордыня, но не идеи — они уже в то время подверглись глубокой и всесторонней переоценке...

За рубежом, очутившись в чужой среде, мы не утратили своих святых чувств любви к Родине, не утратили веры в свой народ. Во многом нам помогла советская литература: «Тихий Дон», «Хождение по мукам» и другие книги служили нам подлинными маяками...

В дни великих испытаний Второй Отечественной войны многие из нас, в том числе и пишущий эти строки, принимали участие в «Фронте сопротивления» гитлеровским захватчикам.

После войны, в 1947 году, те из нас, которые не приняли иностранного подданства, были восстановлены в советском гражданстве.

Каждый год я провожу свой отпуск на Родине, в основном в Таганроге и Ростове. Несколько раз был в Москве, и моей желанной, заветной мечтой является встретиться с Вами...»

...Когда я прочитал это письмо, мои мысли перенеслись к Григорию Мелехову. Находились же в свое время «мудрецы», требовавшие от малограмотного казака ортодоксальной революционности. Словно этот мужественный и трудолюбивый человек от земли не с повязкой на глазах, завязанной белыми генералами и атаманами, искал свою суровую, тернистую правду.

5

С каким-то душевным трепетом перешагиваешь порог шолоховского дома. Я знаю, книги Шолохова — это океан, глубину которого никогда нельзя измерить. Как же бережно надо относиться к каждой его минуте...

В этот раз я приехал к Михаилу Александровичу по делу, связанному с изданием в одном из московских издательств книги о донцах — Героях Советского Союза. Он внимательно выслушал меня, горячо откликнулся на просьбу издательства.

Сидели в его рабочем кабинете, говорили о литературных делах. Потом речь зашла о классике армянской литературы—народном поэте Аветике Исаакяне.

— Аветик Исаакян,— говорил Михаил Александрович,— один из тех немногих писателей, к кому пришло самое большое признание — признание народа. Великий поэт, он писал так, как живет и борется его родной народ,— горячо, страстно... Если любит — так беззаветно, самоотверженно.

Они, к сожалению, никогда не встречались. Но в библиотеке Шолохова есть однотомник избранных произведений народного певца Армении с лаконичной дарственной надписью автора: «Самому замечательному и любимому писателю, автору чарующего меня, бессмертного «Тихого Дона».

Еще раньше Аветик Исаакян писал:

«По-моему, Шолохов — самый блестящий писатель великой эпохи Октябрьской революции. Красочным языком рассказал он о жизни и борьбе донских казаков, создав незабываемые образы людей из народа. Талант Шолохова—правдивый, непринужденный, смелый. Как настоящий мастер, он пишет уверенно, искренне, не изменяя своей совести. Шолохов — писатель-реалист в самом лучшем смысле этого слова: кажется, он знаком с каждым своим героем, с каждым куском родной земли.

Гениальная шолоховская эпопея «Тихий Дон» — одно из самых выдающихся произведений всех времен, которое смело можно поставить рядом с «Войной и миром» Л. Толстого.

Все, что создано этим удивительно цельным, ясным, мудрым писателем, пронизано огромной любовью к человеку, к жизни, к правде, одухотворено великими идеями, носит на себе печать неисчерпаемого гения подлинного художника...»

Встретившись как-то с армянским писателем Ашотом Арзуманяном, Шолохов передал ему четыре тома «Тихого Дона» и попросил:

— Вручи, пожалуйста, этот скромный подарок глубокоуважаемому Аветику Исаакяну. Я это должен был сделать раньше, еще до того, как он прислал мне свой однотомник. Скажи ему, что наши донские казаки знают и любят пленительную исаакяновскую лирику. Крепкого, богатырского здоровья ему, такого, какое было у легендарного Давида Сасунского!

6

Рассказывают, как-то на фронте, когда Шолохов находился на передовой, один солдат застенчиво обратился к нему:

— Дорогой Михаил Александрович, подарите нашему взводу «Тихий Дон»! Очень ребятам нашим хочется, чтобы эта книга и в бою была рядом...

— Дорогой друг мой,— ответил писатель,— всей душой бы рад подарить вашему взводу «Тихий Дон», да нет у меня сейчас под рукой этой книги. А солдаты вы хорошие, и хочется мне непременно оставить вам что-нибудь на добрую память.

Он помедлил, потом раскрыл полевую сумку, достал плотную книгу с твердым переплетом и на титульном листе своим красивым, четким почерком что-то написал.

Шолохов отдал книгу командиру взвода, горячо обнял его, сердечно распрощался с солдатами.

Бойцы с волнением раскрыли книгу. Это был третий том «Войны и мира». Всем запомнилась шолоховская надпись, сделанная в ту тяжелую военную пору, когда немцы рвались к Москве: «Друзья мои! Ни шагу назад! Пусть слава Бородина вдохновит вас на ратные подвиги. Верю, реять Красному Знамени над рейхстагом. До встречи в Берлине! Ваш М. Шолохов».

7

Буквально несколько недель назад в беседе с комсомольцами Дона Михаил Александрович сказал, что думает в ближайшие годы попробовать свои силы в драматургии. И тут мне припомнилась встреча писателя с артистами Ростовского драматического театра имени М. Горького. Это было в дни, когда театр готовил спектакль по второй книге «Поднятой целины» в инсценировке П. Демина.

— Драматические произведения,— обратился писатель к актерам,— требуют большой, напряженной работы и от актеров и прежде всего от авторов. Я вспоминаю, как однажды Владимир Иванович Немирович-Данченко пришел ко мне. Я жил в те дни в Москве. Ясно помню этого красивого человека, его аккуратно подстриженную бородку. Он сказал: «Напишите пьесу для Художественного театра». Я ответил, что это не так просто, что я не драматург. Тогда он стал уговаривать: «У вас это получится. Ну что вам стоит...» Нет, я не представляю драматурга, который написал пьесу только потому, что его уговорили.

Что же касается инсценировок или экранизации, то, сознаюсь, я всегда уклонялся от переводов моих произведений на экран или сцену, оставаясь при мнении, что прозаические произведения, как бы они ни были известны, не поддаются инсценировке или экранизации. Вспомните судьбу известной повести Дмитрия Фурманова. Кинофильм «Чапаев» задавил повесть. Происходят два процесса: либо прозаическое произведение давит фильм, либо экран — книгу.

Театр — большое искусство, но только тогда, когда он идет от жизни, от правды — не мелкой, натуральной, а настоящей, большой. Бывает, смотришь спектакль или кинофильм, прислушиваешься, как разговаривает иной артист, смотришь, как он играет, и не веришь ему. Искусственно получается. Мы еще недостаточно знаем жизнь. Она всегда в движении, надо видеть ее изменения. Раньше, скажем, казак, взявшись за чапиги, шел за плугом, а плуг тянули быки. Не спеша по вспаханному полю прыгали и грачи, охотясь за червями. Потом пахать стали с помощью трактора. Трактор движется быстрее, чем волы, и грачи стали быстрее поспевать за плугом. А поглядите теперь, когда в работе мощные и быстроходные тракторы, на какую скорость на пахоте переключились грачи! Надо поспевать за жизнью, быть наблюдательными.

8

...Вечерело. Зимние сумерки все плотнее окутывали станицу. Рано утром мне предстоял путь на Миллерово. Не так-то просто было оторвать себя от этой станицы, от этого дорогого дома, от окна, где уже сквозь снежную пелену мне виделся огонек...

Долго стоял я на заснеженной улице, смотрел и смотрел на дом, на освещенные окна, и радостное, волнующее чувство охватывало меня. «Там теперь он пишет последние главы,— думал я,— завершает работу над книгой, которую все так ждут,— первой книгой задуманной им трилогии о Великой Отечественной войне «Они сражались за Родину». И еще мне подумалось: «Здоровья, крепкого здоровья ему на радость людям, на счастье нашей литературы!»

Утром легковая машина унесла меня по асфальтированному шоссе. Вокруг без края расстилалась родная донская земля. Мысли возвращались к встрече с ним, к его рассказам, таким необычным, всегда настолько интересным, что слушал бы их и слушал... Снова и снова припомнилось его лицо: большой, мудрый лоб, орлиный нос, еще недавно цвета спелой ржи, теперь побелевшие усы и совершенно необыкновенные, какие-то дивные глаза. Как их описать? Спокойные, глубокие, излучающие столько тепла и света, глаза, согревающие людей...

9

Он всегда живет жизнью народа. Разве Михаил Александрович не трудился в поле со своими одностаничниками, не обливался потом, убирая щедрый вешенский хлеб, не ловил рыбу, не ходил со сверстниками в ночную степь?! В своей автобиографии он немногословно написал о том, что в гражданскую войну гонялся в донских степях за махновцами, а бандиты гонялись за ним. Он не упомянул о том, что однажды попал в плен к махновцам и не был расстрелян только по малолетству...

На верхнем Дону об этом рассказывают так: когда у юного продармейца дорога уже была, как говорится, не дальше порога, к батьке бесстрашно подошла хозяйка хаты, старая украинская мать.

— Что ж ты детину губишь?! — сказала она.— У него ж десь маты е. А в тебе теж маты...

Плотно окруженный махновцами, стоял вихрастый подросток. Батько пристально посмотрел на него. Ничего не ответил старухе, хлопца отпустил. Однако строго-настрого пообещал: если они встретятся вот так еще раз — не миновать продармейцу виселицы.

...Мчится машина по асфальту через заснеженную степь, а мысли мои все о нем же, о шолоховских книгах, о его подвижническом труде.

Как-то в Ростове в кругу писателей Евгений Поповкин обратился к Шолохову с таким вопросом:

— Михаил Александрович, скажите, пожалуйста, что вы испытывали, когда расставались с Семеном Давыдовым и Макаром Нагульновым или с героями «Тихого Дона»?

— Трудный вопрос ты мне задал,— ответил Шолохов.

Помолчал. Провел рукой по усам. Чуть прищурился.

— Помню, как закончил я «Тихий Дон». Четвертую книгу. Было четыре часа утра. Тишина. Стою у окна, один на целом свете. Запели кочета. Тяжело на сердце. Четырнадцать лет я жил с ними. Больно сжалось сердце. Обернулся к лежащей на столе, только что законченной рукописи: «Что же ты наделал, Миша?!»

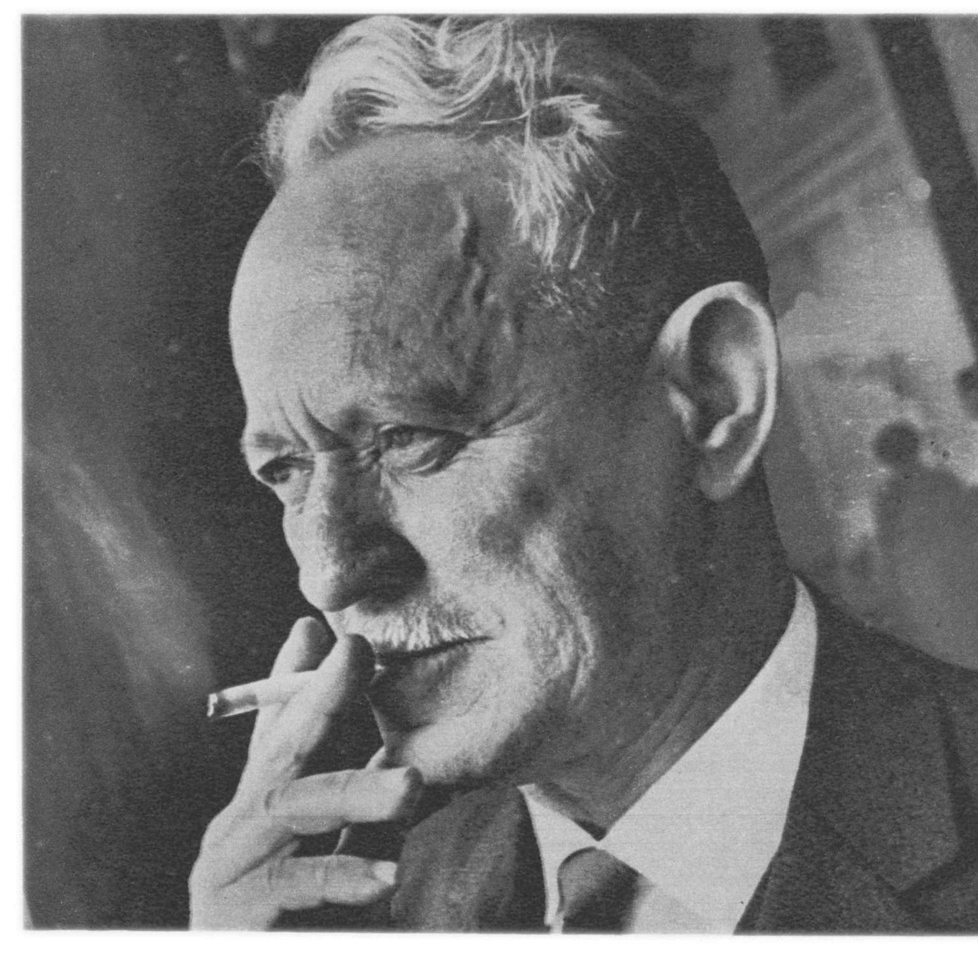

Фото С. РАСКИНА.

Почет гость Дрезде

Леонид СТЕПАНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото корреспондентов дрезденского журнала «Цейт им бильд» Пауля ФРИДЕМАНА и Маргит БИЛЛЕВ.

— Здравствуй, матушка Ханни!

ный

на

Отныне в его памяти три Дрездена. Старый дворцовый город, по которому он шел в деревянных колодках. Город мертвых руин, каким он видел его после своего освобождения весной 1945 года. И этот сегодняшний Дрезден — помолодевший, красивый, еще со следами страшных ран войны, но очень оживленный, быстро растущий город социалистической Германии.

— Кажется, здесь гнали нас тогда,— задумчиво говорит мне Анатолий Бондарчук, когда мы проходим по Тельманштрассе.— Помню, ко мне подбежала старая немка, сдернула с головы фуражку и дрожащей рукой стала щупать волосы повыше лба. Только потом я догадался: она искала рога...

Страшный, мучительный путь привел его тогда в Дрезден. Ранение на восьмой день войны, когда окруженный полк вел бои на прорыв, адские лагеря за колючей проволокой, где выживал один из десяти...

Вместе с тремя десятками других пленных Анатолия Бондарчука отправили работать на верфи Юбигау. Как и по всей Германии, на верфи не хватало рабочих рук. Поэтому советских военнопленных, избежавших физического уничтожения, заставили под ружьем выполнять черную работу.

Первые контакты советских военнопленных с немецкими рабочими не отличались доверием. Ведь за прошедший год слово «немец» было сопряжено в их сознании с мучениями, грубым издевательством, смертью. Разве могли они знать, что еще за много лет до их появления на берегу Эльбы лучшие сыны рабочего класса вели здесь, в Юбигау, ожесточенную классовую борьбу, что многие из них погибли в фашистских тюрьмах и концлагерях? Разве мог, например, знать Анатолий Бондарчук, что создатель и руководитель коммунистической организации Юбигау Альфред Бройер был отправлен в тот же концлагерь Хоэнштайн, куда позднее попал он, Анатолий Бондарчук? Только много позже увидел он карту Германии, словно язвами, покрытую концлагерями и тюрьмами, и до конца понял, что, только уничтожив или запрятав за решетку антифашистов Германии, смог Гитлер развязать войну против Советского Союза.

Пленные находились под стражей. За каждое лишнее слово в разговоре с ними можно было заплатить дорогой ценой. И все-таки контакты с немецкими рабочими укреплялись.

Фашисты не хотели, чтобы военнопленные понимали немецкий язык. Им нужны были бессловесные рабы, которые понимают только слова команды.

Рабочие Юбигау хотели, чтобы русские военнопленные как можно скорее научились понимать немецкую речь. Тогда русским можно будет объяснить, что немецкие рабочие ненавидят фашизм так же страстно, как все угнетенные народы Европы.

Чаще всего Анатолий Бондарчук помогал в работе мастеру Максу Зайферту. С самого первого дня он понял, что мастер не случайно взял его к себе. Как только предоставлялась возможность укрыться от опасных глаз, Макс Зайферт давал отдохнуть изможденному раненому парню. Тогда Анатолий еще совсем не понимал по-немецки, но жесты и мимика Макса были достаточно выразительны: «Не надрывайся, парень, отдохни. На голодное брюхо много не наработаешь...»

Макс Зайферт не был коммунистом, но он сердцем рабочего человека понимал необходимость единства всех антифашистов. Поэтому, отозвав как-то Анатолия в сторону, он показал ему двух людей, которых должны были опасаться русские военнопленные. Они были доносчиками гестапо.

Взаимное доверие рабочих и военнопленных росло. Они уже обменивались отрывочной информацией о положении на фронте и в германском тылу. С большой осторожностью, забившись куда-нибудь в трюм строящегося катера, они вместе читали газеты и листовки. Иногда после чтения газет завязывалась политическая дискуссия. Она велась шепотом, часто было трудно подбирать общепонятные слова, но в главном все сходились: все хотели скорейшего разгрома фашизма. Сообщение о капитуляции под Сталинградом армии Паулюса всеми было встречено с радостной надеждой. По всей Германии был объявлен траур, в Дрездене висели флаги с черной каймой, а рабочие Юбигау, встречаясь с русскими военнопленными, задорно им подмигивали.

Истощенная войной Германия голодала. Рабочие Юбигау получали скудный паек, которого было недостаточно, чтобы прокормить семью. Но даже из этого голодного пайка они иногда выделяли долю, чтобы поддержать изможденных русских товарищей.

Рабочий верфи Юбигау Курт Ангерман имел небольшой участок земли, на котором выращивал картошку. Осенью 1942 года он несколько раз выпрашивал у начальства военнопленных для работы на своем огороде. Несмотря на усталость, пленные охотно шли на сверхурочную работу не только потому, что Курт Ангерман хорошо их кормил, но и потому, что на квартире Ангермана велись наиболее откровенные политические разговоры. С особой теплотой и сердечностью относилась к пленным жена Ангермана фрау Ханни. Она заботилась о них, как о своих родных, и молодые русские парни называли ее «мамаша Ханни».

...И еще многое другое рассказал бы мне Анатолий Бондарчук, но мы уже подошли к редакции журнала «Цейт им бильд», где нас ждали немецкие товарищи с машиной.

И вот уж машина подъезжает к воротам бывшей верфи Юбигау. Открывая дверцу машины, Анатолий видит, как навстречу ему бежит по лестнице высокая седоголовая женщина, а за ней семенит очень знакомый пожилой человек.

— Мамаша Ханни! Макс!

— Anatol!

— Вот, Макс, опять я в Юбигау!

— Ханни как узнала, что ты едешь, так и не спала целую неделю... Волновалась...

— Матушка Ханни, а ты все такая же!

— Где там! Старая я стала, поседела.

— Я слышал, Анатолий, что ты стал знаменитым хирургом. Заслуженным врачом республики.

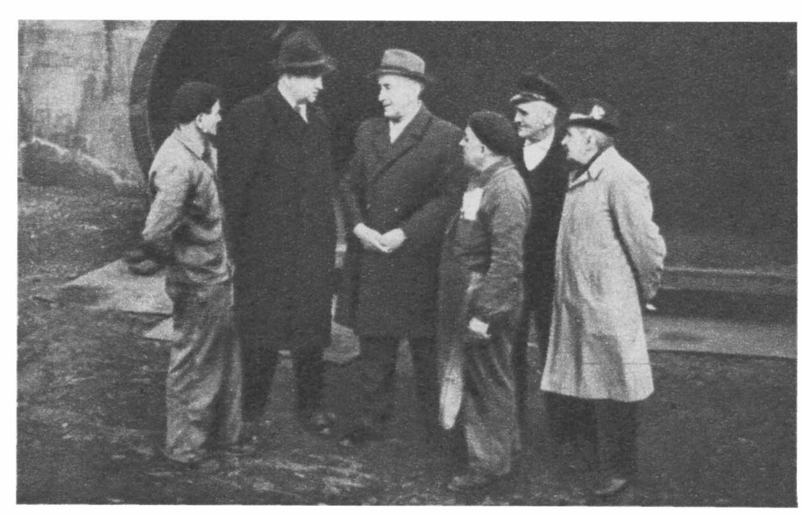
— Учимся, Макс, растем. А ты? Говорят, ты по-прежнему работаешь?

— Я, собственно, уже на пенсии, но с родным заводом не порываю. Помогаю воспитывать молодежь. Нам нужно много хороших специалистов. У нас ведь теперь не верфь, а завод трансформаторов и рентгеновских аппаратов. Бывшая верфь — только часть этого большого предприятия. Пойдем, сейчас сам увидишь.

Анатолий Бондарчук и Макс Зайферт вместе проходят через ворота и идут по двору бывшей верфи. Анатолий с трудом узнает отдельные строения, потому что все здесь перестроено, усовершенствовано. Там, где стояли деревянные бараки заключенных, высятся современные каменные цехи с новым оборудованием. Рабочих стало в несколько раз больше, преобладают хорошо образованные, энергичные молодые парни. Только кое-где Анатолий различает следы прошлого. Вот здесь, в котельной, русский сержант, рискуя жизнью, слушал радио и сообщал товарищам о продвижении Советской Армии.

1942 год. Рабочие Юбигау и советские военнопленные. Второй и третий слева Анатолий Бондарчук и Макс Зайферт.

Апрель 1965 года. Анатолий Бондарчук и Макс Зайферт среди старых рабочих Юбигау.

Во дворе бывшей дрезденской тюрьмы «Матильда».

— Стой! А ведь я тебя знаю! — К Анатолию подходит низкорослый рабочий в фартуке и крепко хлопает его по плечу.— Ты же здесь у нас работал!

Анатолий тоже вспомнил: это же веселый маляр Пауль Гебауэр!

Вокруг советского гостя собирается большая группа рабочих. Те, кто пришел на завод недавно, с большим интересом слушают рассказ Макса Зайферта об узах рабочей солидарности, завязавшихся здесь, на берегах Эльбы.

Знакомство с заводом завершается в кабинете директора Биеля. Он сердечно приветствует советского гостя и рассказывает ему о развитии завода за послевоенное время. Это своеобразный доклад директора социалистического предприятия бывшему подневольному рабочему завода.

В заключение директор от имени рабочих завода сделал Анатолию Бондарчуку ценный подарок. Он передал ему медицинский электроприбор «Пульсатор».

«Я никогда не забуду,— сказал Анатолий Бондарчук,— этих минут. Дорогой подарок от рабочих Юбигау всегда будет мне напоминать о нашей дружбе, преодолевшей самые тяжелые испытания. Дружба наших народов год от года крепнет. И мы можем сказать теперь: не напрасно лилась кровь советских солдат, боровшихся с фашизмом, не напрасно погибли в тюрьмах и концлагерях лучшие сыны Германии. Мы победили. Свидетельство тому — новая, социалистическая Германия!»

Акробат взял след.

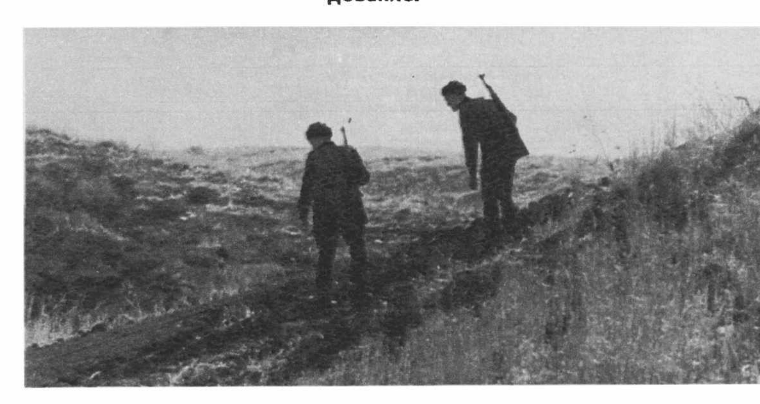
Юрий СБИТНЕВ,
Дм. УХТОМСКИЙ

СЛЕД В СТОРОНУ ГРАНИЦЫ

На помощь вышел вертолет...

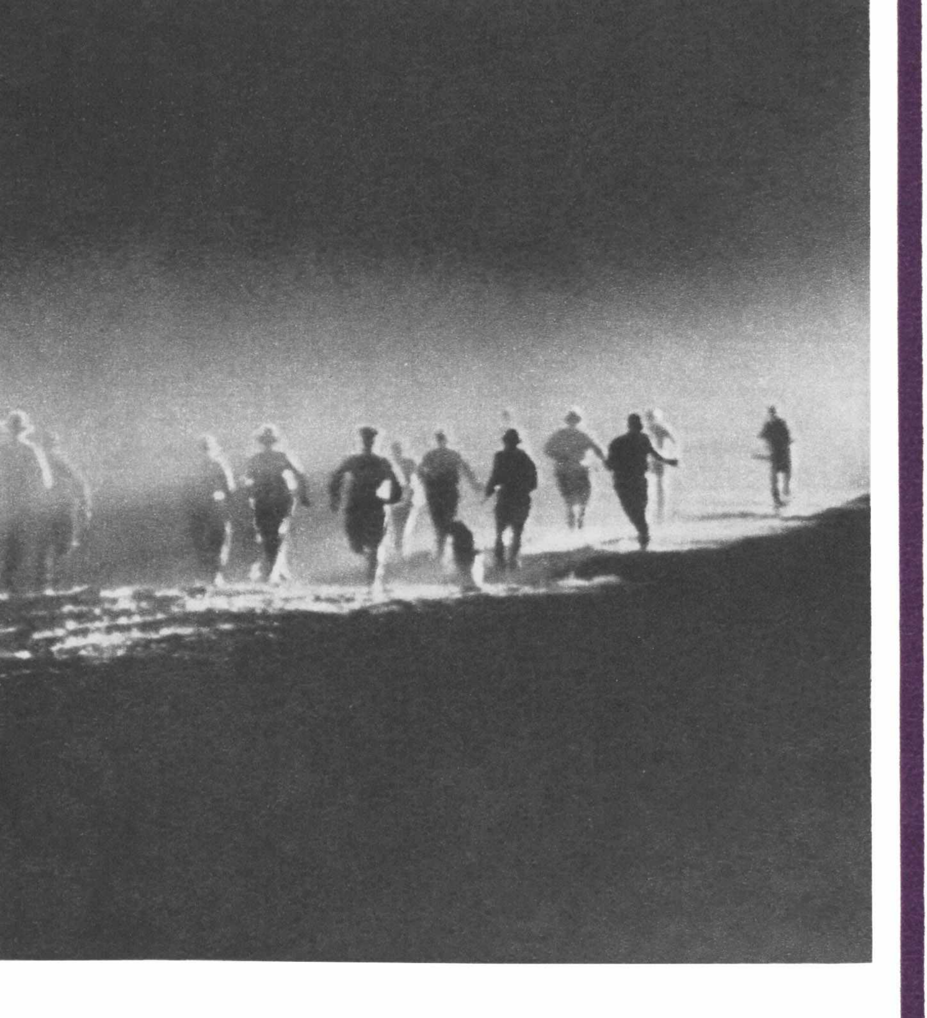

Ефрейтор В. Бобков и рядовой Н. Цвелик вышли на преследование.

Старший лейтенант Чифин: «Продолжайте преследование по направлению!..»

Я хожу в полумраке ночной казармы тихонечко, на цыпочках и вглядываюсь в лица ребят.

Солдатам снятся сны.

Четыре часа пятьдесят минут.

Тревога!

Застава, в ружье!

* * *

Он сошел с поезда в семь семнадцать. Он шел по городу из улицы в улицу, из переулка в переулок, делая большие круги, возвращаясь на прежнее место и снова уходя от него. Так он ходил, пока не открылись магазины. В одном из них купил хлеба, колбасы, две бутылки воды и бутылку вина.

Потом он вышел из города и долго брел обочиной шоссе. Его обгоняли машины, из кузовов кто-то кивал ему головой, улыбался, а раз шофер, тощий малый, затормозил свой грузовик, высунулся в окно и крикнул:

— Садись, браток, подброшу! Чего зря ноги-то бить!

Он ответил:

— Да нет, мне тут недалеко.— И отошел от дороги подальше.

Остаток дня он пролежал за барханом, недалеко от дороги, вслушиваясь в рокот моторов.

Ночью, крадучись, пересек шоссе и стал убегать все глубже и глубже в пески.

Утро застало его в предгорье.

Проснулся разом. Забыв об осторожности, с шумом выбрался из своей норы и замер. Совсем рядом на краю бархана сидел шакал. Шакал смотрел на него и не двигался с места. Зверь не признал в нем человека.

Человек уходил в горы, низко наклонясь над землей, а порою бежал на четвереньках.

Проволочное заграждение он увидел внезапно. Увидел полоску вспаханной и взрыхленной земли и два снопика света. Вдоль полосы шел наряд.

* * *

Они шли вдоль границы — Владимир Бобков и Николай Цвелик. Два солдата, не знавшие войны, потому что, когда она окончилась, одному было немногим больше двух лет, а второй еще не родился. Но на границе они «воевали» почти каждую ночь. Учебные тревоги, тревоги неучебные, когда с гор опадал непроницаемый туман или проносился ураган, тревоги в ливень и снегопад.

В четыре сорок они закончили обход своего участка. Постояли вместе, вслушиваясь в ночь.

Белый снопик света, словно на привязи, заметался впереди, прыгнул чуть в сторону, пересек полоску вспаханной земли, снова вернулся к ногам, вырвался вперед и замер. На взрыхленной, сыпучей земле ясно был виден след.

Бобков «потянул» луч на себя и увидел еще один — рубчатый, глубоко вбитый в рыхлую землю... Нарушитель шел через полосу махом, прыжками, всем весом опираясь то на одну, то на другую ногу. Следы на контрольной полосе...

И ушли в ночь два солдата, никогда не знавшие войны, ушли на преследование.

Группа пограничников под командованием офицера Чифина нагнала наряд. Акробат взял след.

Что-то белеет впереди. Среди травы — скомканные листы газет, окурки, порванная фотография. Следы недолгого привала. Он уже не скрывает их. Или торопится, или решил, что уже скрылся.

Белый порошок едва заметен среди песка. Что за «специя»?

Вожатый Касьянов докладывает:

— Акробат потерял след.

— Ведите преследование по направлению,— приказывает Чифин.

— С заставы сообщают,— докладывает рядовой Мыциков (он поддерживает по рации постоянную связь с заставой),— прибыл резерв. Граница на участке перекрыта, к нам вылетел вертолет.

* * *

«Теперь только бы эти не хлопнули сдуру»,— подумал и вдруг ясно услышал окрики, лай собаки. Вскочил и снова побежал прочь, петляя и падая на четвереньки.

Пограничники шли широко и уверенно, шли на него.

«Не ушел... Не смог... Только бы не убили».

И он встает с земли, поднятый страхом. Руки над головой.

Журнал «Огонек» неоднократно рассказывал, как перестраивается наша телевизионная промышленность и что собой представляют унифицированные телевизоры. Освоено ли производство новых телевизоров «УНТ-35», «УНТ-47» и «УНТ-59»? Этому вопросу было посвящено очередное заседание общественного телевизионного совета.

ТРУДНЫЕ ПЕРВЫЕ ШАГИ

— Первый из телевизоров нового типа — «УНТ-35» — освоен,— сказал в своем вступительном слове представитель Министерства радиопромышленности К. В. Захватошин.— Телезрители уже познакомились с «Рекордом-64» и успели оценить его. Скоро в магазинах появятся родные его братья: «Рекорд-6», «Рассвет», «Аэлита» и «Весна-3М».

Во Львове освоено серийное производство телевизоров второго класса «УНТ-47» и «УНТ-59». Точно такие же (по своей схеме и узлам) телевизоры, но в ином внешнем оформлении будут делать и на других заводах под разными именами: «Рубин-107» и «Рубин-106», «Восход» и «Березка», «Чайка» и «Изумруд», «Зорька» и «Беларусь-7».

Что скажут работники заводов?

— В августе прошлого года мы начали выпускать серию телевизоров «Огонек» и «Электрон» и сразу столкнулись со многими трудностями,— говорит главный инженер Львовского завода Е. Т. Бородин.— Телевизор был задуман таким образом, чтобы в нем воплотились не только последние достижения радиотехники, но и новые конструкционные материалы. Многие его детали изготовлены, например, из ударопрочного полистирола. Но в этом году мы его получим недостаточно. Нам предложили обойтись без полистирола. Это значит сделать шаг назад.

Проблемой — и для нашего завода и для других предприятий — стали ламповые панели. Нам предложили срочно изготовить эти панели... самим. Вот и начинается кустарщина вместо кооперации. Какая же это унификация?

О тех же самых бедах говорил главный инженер московского завода В. Я. Серов.

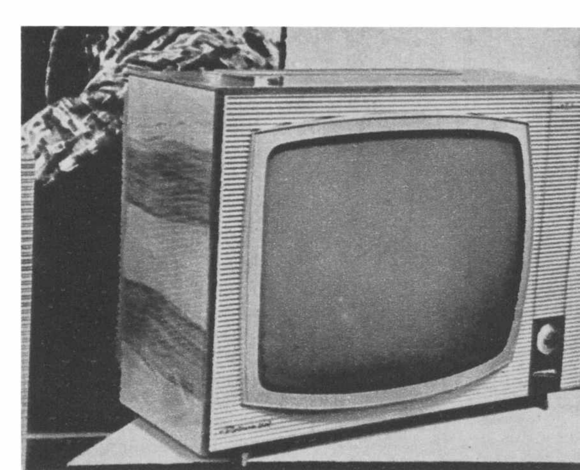
— Выпуск телевизоров растет куда быстрее, чем мощность заводов, поставляющих детали для них. Образовались — в который раз! — ножницы. Некоторые предприятия в январе стояли. А некоторые дошли до того, что... скупали комплектующие изделия в телевизионных ателье и магазинах.

Вывод один: в планировании производства комплектующих изделий что-то упущено. СНХ СССР должен принять срочные меры, так как выпуск новых телевизоров во втором полугодии под угрозой срыва.

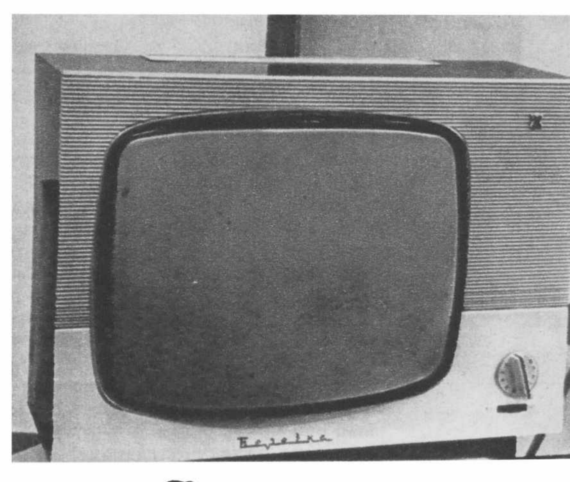
Эту тревогу разделяет и начальник отдела культтоваров Союзглавторга П. В. Зеленяк:

— В этом году страна должна была бы получить более трех миллионов унифицированных телевизоров. Но, судя по сегодняшним высказываниям, вряд ли и сниженное задание выполнят. Значит, полным ходом будут делать старые телевизоры, которые никто не хочет покупать...

Очевидно одно: новым телевизорам пошел уже второй, а то и третий год, но они все еще не попали на прилавок. Нужна активная помощь СНХ и Госплана СССР.

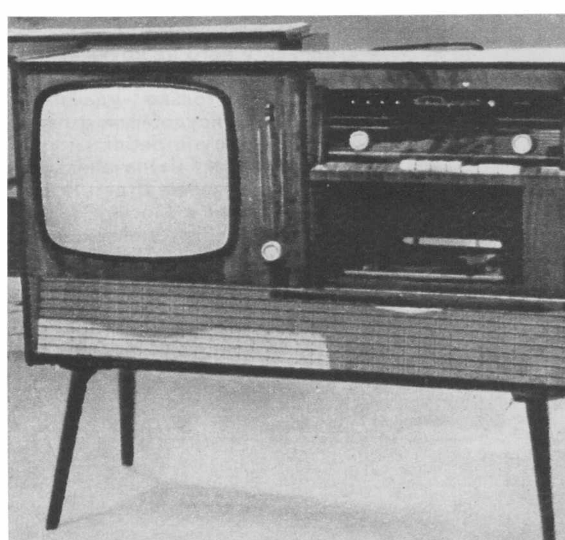

«Рубин-107»

«Березка»

«Беларусь-7»

РОДОМ ИЗ ЕЛЬЦА

Богата талантами русская земля! Вдруг вспыхивает в самой, казалось бы, неожиданной обстановке светлый огонек таланта и не гаснет, разгорается, становясь все ярче и ярче, и вот уже отблески его распространяются вширь, и становится он виден всей России — от края и до края.

90 лет тому назад был Елец неприглядным городишком, провинциальной глушью, откуда, как писал Гоголь про такие городки, «хоть 30 лет скачи, ни до какого государства не доскачешь». В этом городишке и родился в семье недавних дворовых Николай Павлович Ульянов — художник, чьи работы вошли в золотой фонд русского искусства. Что сделало его художником? Почему природа наградила ничем не приметного мальчишку острым восприятием красоты жизни, неистребимой жаждой познать и запечатлеть эту красоту в красках, в рисунке — на случайно подвернувшейся доске, на картоне, на чем попало?

Рассказывая о своем раннем детстве, Николай Павлович писал: «Из окна, выходившего на крышу сарая, виднелась и притягивала меня зеленеющая даль с уходящей в неизвестность белой дорогой. Куда идет эта дорога? Неужели, как говорят, на край света, туда, куда скатываются по ночам звезды? Тайком от всех я убежал по этой дороге. Дорога шла все дальше и дальше, а края света все не было. Меня догнали, вернули домой. Но мир, увиденный мною, продолжал быть чудесным и зовущим».

Вот тут и ищите истоки таланта — зовы красоты окружающего мира с малых лет будоражат душу, и возникает художник, которого ничто не оставляет равнодушным. Все прекрасно и значительно для него: падающая звезда, буйное цветение лугов, желтый осенний лист, оброненный деревом. «Я с увлечением рисовал все, что видел на улице, в цирке, театре и в церкви — людей, деревья, угодников и лошадей».

Угодники у него на кружка́х, которыми покрывали молоко, стали получаться настолько удачными, что отец счел неудобным и почти кощунственным употреблять кружки́ по их прямому назначению. Решено было мальчика отдать в иконописцы, свезли в Москву, и стал он подручным. В иконописной мастерской на 1-й Мещанской тер краски, мыл кисти, бегал за водкой для мастеров, получал зуботычины со всех сторон, от каждого, кому не лень было поднять руку. Может быть, так и пропал бы мальчишка в духоте захудалой иконописной мастерской со своим чуть трепетным огоньком таланта, но подвернулся на его жизненном пути Василий Никитич Мешков, в ту пору молодой художник, полный здоровья, веселья, добродушия, и забрал мальчика с собой, сказав на прощание оторопевшему хозяину: «Эх ты, чучело!»

Вскоре при помощи того же Василия Никитича попал Николай Ульянов в Московское училище живописи, и хоть вначале не очень шло гладко обучение, но через два года взбодрила парня похвала самого Прянишникова, который, не будучи щедрым на комплименты, сказал, посмотрев его работу: «Вот так хорошо, батенька, молодец!» А «батеньке» в ту пору было лет семнадцать.

Как говорится, свет не без добрых людей, а хорошему человеку добрые люди всегда попадаются, но тем не менее дорога к искусству была для Николая Ульянова отнюдь не легкой. В наши времена таланты пестуются с таким всесторонним усердием, что они подчас и засыхают, не успев толком расцвести, а в те времена больше было терниев, чем роз. Но, видимо, тернии тоже нужны в известной мере: преодоление их вырабатывало в характере упорство, терпение, настойчивость, самостоятельность. А эти качества, может быть, нужней таланту, нежели розовая водица поспешных похвал и легкая, тепличная жизнь без бурь и суховеев.

Истинным воспитателем и учителем Николая Ульянова стал Валентин Александрович Серов, к которому он до конца своих дней сохранил чувство глубокой любви и признательности.

В воспоминаниях о нем Н. П. Ульянов пишет:

«— Растопырьте глаза, чтобы видеть, что нужно. Схватите целое,— твердит Серов не понимающему его ученику.— Берите из натуры только то, что нужно, а не всё. Отыщите ее смысл.

Скажет, отойдет на другой конец мастерской, издали смотрит на работы. Рядом, у соседнего мольберта, опять его голос:

— Пи́шете по-модному: l'art nouveau! Скучно и противно. Не лучше ли делать так, чтобы сквозь новое сквозило хорошее старое?

Кому-то он говорит:

— Зачем писать вширь, не лучше ли вглубь? Слишком уж, слишком бойко — фельетонная манера!»

Серов всемерно добивался от своих учеников «постановки зрения». Не многим удавалось удовлетворить требование своего строгого, взыскательного учителя. Николай Ульянов был одним из тех, кто научился видеть натуру так, как требовал Серов. Но это отнюдь не было подражанием великому мастеру. Всю свою жизнь Николай Ульянов работал над проявлением своего стиля, своего лица, своих сюжетов. Взяв у своего учителя все, что было возможно, он не потопил своей самобытности, не потерял своего, ульяновского, творческого видения мира.

Наследие Николая Павловича Ульянова многогранно и велико. Он работал маслом, акварелью, углем, карандашом: он создавал портреты, тематические картины, эскизы к театральным постановкам, книжные иллюстрации; все, что им создано, отмечено печатью большого, ясного и светлого дарования.

Константина Сергеевича Станиславского художник знал несколько десятков лет. Он вдумчиво и напряженно наблюдал за ним, стараясь уловить то главное, что отличало великого мастера сцены, делало его непохожим ни на кого другого. Важно было уловить искру вдохновения, увидеть свет напряженной творческой мысли, волновавшей Станиславского. Свою картину «К. С. Станиславский за работой» художник задумал в 1908 году, но только через 30 лет вплотную принялся за нее. Закончил он ее в 1947 году. Тысячи часов труда, сотни натурных зарисовок и набросков — и вот перед нами портрет, в котором вы видите не копию натуры, а самое кипение жизни, переливающейся через край, столь характерное для Станиславского — и молодого и в преклонных годах. Художнику удалось уловить рождение идеи, овладевшей великим режиссером и артистом.

Но какая титаническая работа понадобилась для этого!

Делом своей жизни художник считал «Пушкинскую сюиту». В нее вошло более 40 произведений — картин, акварелей, рисунков. Если бы о Пушкине ничего не было написано, то всего этого было достаточно, чтобы составить ясное представление о его жизни и трагической судьбе.

«Пушкин с женой на придворном балу перед зеркалом» — лучшая из картин сюиты. Дворцовая мишура, надменные лица ничтожных царедворцев, холодная красота жены поэта — все здесь подано выпукло, остро, все подчеркивает высокое одиночество Пушкина, «невольника чести». В стремительном повороте головы, в ганнибаловой ярости взгляда, в чуть пренебрежительной улыбке поэта видно, что он обуреваем миллионом терзаний среди этого столь чуждого его натуре высшего света.

Картина Николая Павловича Ульянова «Лористон в ставке Кутузова», задуманная еще в 1940 году, завершена была в 1946 году, после блистательной победы советского народа над фашистской Германией. Обращенная в прошлое, она освещена отблесками современности. Кутузов принимает французского парламентера. Спокоен и суров Кутузов, встревожен и полон тяжких предчувствий Лористон, посланец императора французов.

Еще в 1908 году Николай Павлович Ульянов написал портрет своей матери. Горькая доля русской женщины воплощена в нем. Эти жилистые руки, ласковые и трудолюбивые, не знавшие отдыха, это скорбное лицо в глубоких морщинах, свидетельствующих о пережитых страданиях, делают портрет произведением, зовущим к борьбе за лучшую человеческую долю. Старая женщина как бы говорит: так, как мы жили, жить нельзя!

Портрет натурщицы, легкий, изящный, выписанный не в деталях, а подчеркивающий по-серовски, по-ульяновски главное в жизни и судьбе этой молодой женщины, также полон глубокого социального смысла: тоска в ее глазах, в ее блуждающей улыбке призывает к состраданию, к пониманию ее нелегкой жизни, к протесту.

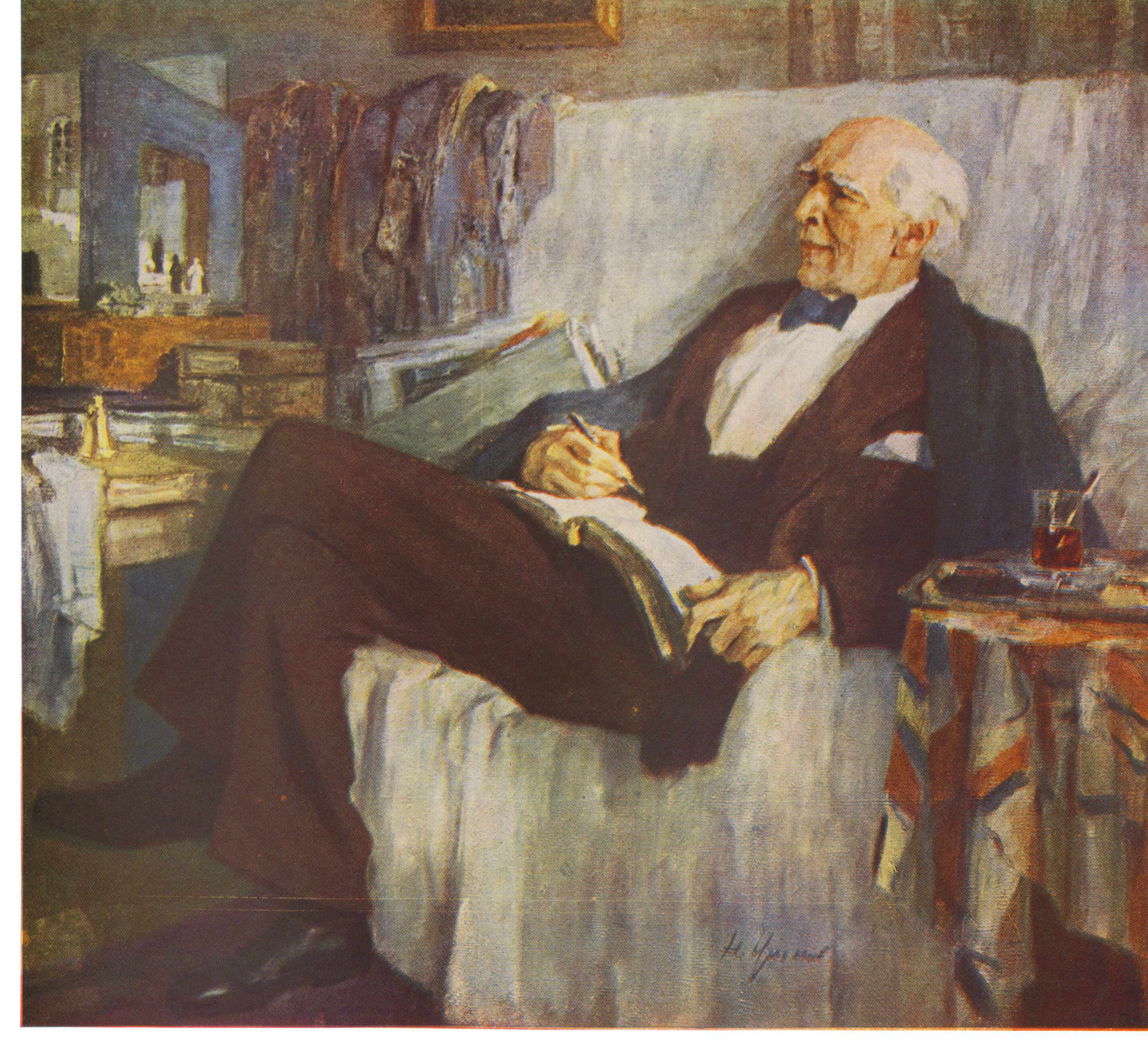
В больших и малых работах Н. П. Ульянова всегда ощущается художник-гражданин. В своем обращении к молодым художникам Н. Ульянов писал, что нужна «не толчея мыслей, красок и линий, не полумысли, не получувства, а то, что является полным выражением вдумчивого содержательного гражданина-художника, создающего в великой стране великое искусство».

Таким был и он.

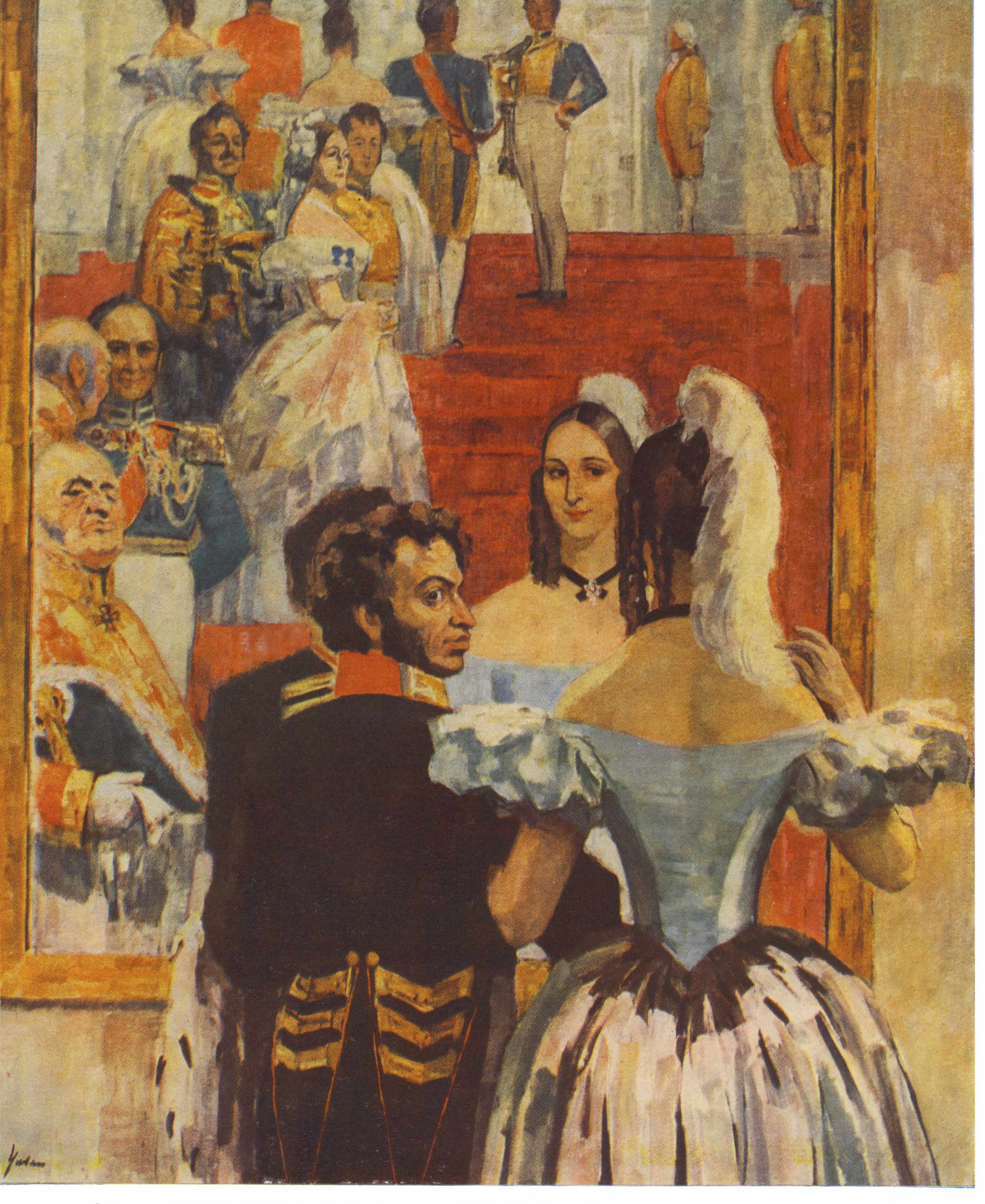
«Написать хорошую картину — это значит быть молодым»,— записал художник в своей памятной книжке.

Он до преклонных лет, до самой смерти оставался молодым, ибо творил, работал, радовал людей своим талантом — этот простой русский человек родом из Ельца.

Ник. КРУЖКОВ

Н. Ульянов. 1875—1949. К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ ЗА РАБОТОЙ. 1947. Государственная Третьяковская галерея.

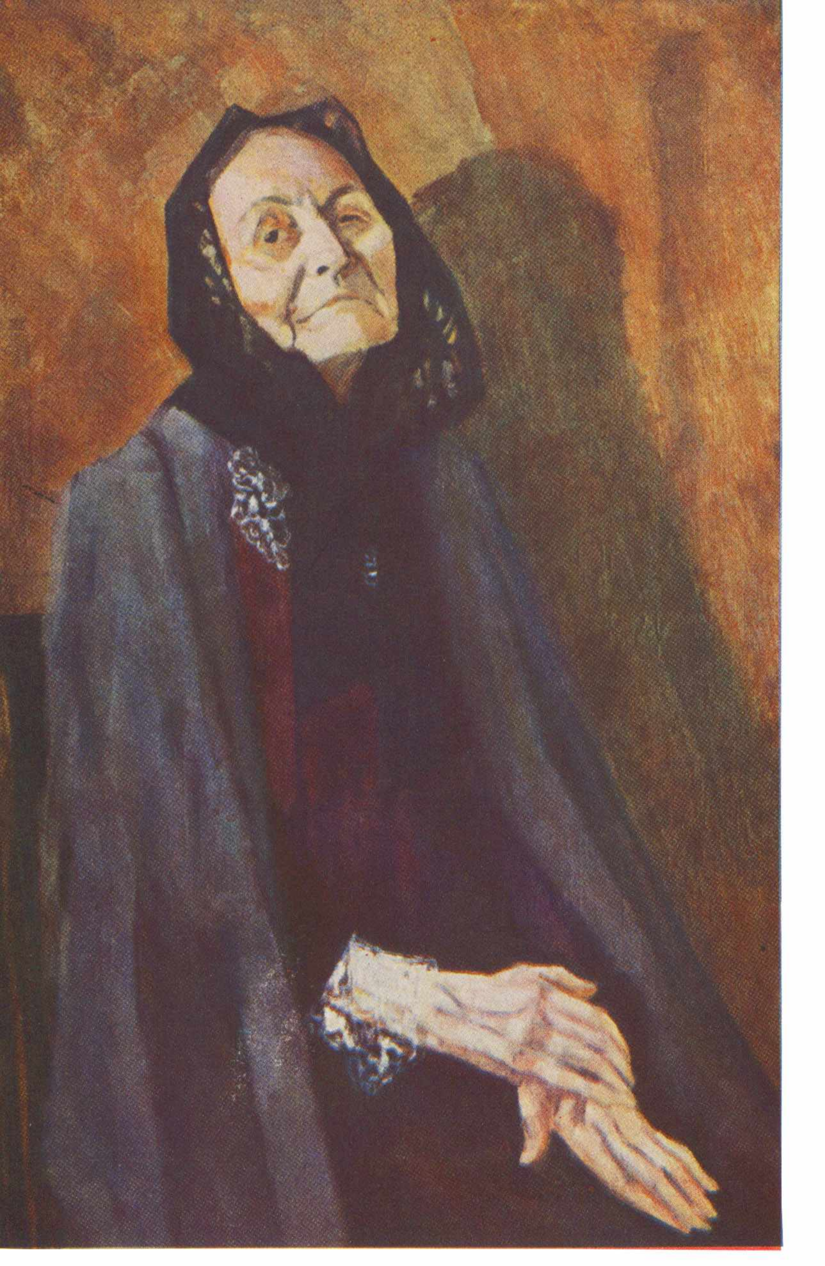

Н. Ульянов. ПУШКИН С ЖЕНОЙ НА ПРИДВОРНОМ БАЛУ ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ (1935—1937). Всесоюзный музей А. С. Пушкина,

ЛОРИСТОН В СТАВКЕ КУТУЗОВА. 1945.

Государственная Третьяковская галерея.

Н. Ульянов. ПОРТРЕТ МАТЕРИ. 1908.

НАТУРЩИЦА.

Из частных собраний.

Дядя Филипп — судовой механик

РАССКАЗ

Виктор АСТАФЬЕВ

Рисунок П. Караченцова.

Из бабушкиных гостей мне особенно памятен дядя Филипп — судовой механик.

Он был бабушкиным крестником и по окончании каждой путины, если не зимовал с судном на Севере, приезжал к нам в гости вместе со своей женой теткой Дуней.

Бабушка, всплеснув руками, выбегала на крыльцо, да так проворно, что забывала даже дверь затворить. На крыльце раздавалось многократное чмоканье, перебивающие охи, ахи и в момент возникшие женские всхлипы.

Затем в сенках стонали и жаловались старые половицы под сапогами дяди Филиппа, проем двери заслонялся на секунду, и я взлетал к потолку с остановившимся сердцем.

— Растешь? — спрашивал меня дядя Филипп, держа под потолком, и опускал на пол с разрешением: — Ну, расти!

После этого он кидал на мою голову картуз с громадной «капустой», горящей невиданным золотоцветом, и поскольку картуза хватало до самых плеч, то я на секунду задыхался от спертого воздуха, в котором смешались пот, одеколон и запах головы.

Все смеялись. А я осторожно снимал картуз и, пощупав «капусту», почтительно возвращал его дяде Филиппу. Поскольку в чинах тогда ходили немногие мои односельчане, а с «капустой» был всего-навсего один человек — дядя Филипп, ему разрешались кое-какие вольности как личности выдающейся. Например, забывшись, он иной раз сидел в картузе под божницей, и бабушка очень переживала через это. После отъезда дяди Филиппа она замаливала «грех» и быстрым шепотом втолковывала святой деве, упрятанной в глубокую старую раму, что дядя Филипп — человек от веры отрешенный, потому как работа у него умственная, ответственная и времени для бога у него не выкраивается, вот почему простить бы его надо, а заодно и ее, бабушку, потому, что она сама сроду ни в каком картузе под божницей не сиживала и не сядет и к тому же строго блюдет великий пост.

Должно быть, святая дева была женщина сговорчивая, потому что до следующего приезда дяди Филиппа бабушка уже больше не напоминала ей о картузе, а обращалась по разным другим вопросам, и мне иногда казалось, что дева эта, засиженная мухами, как-нибудь рассердится, скривит свои тонкие губы и скажет: «И до чего ты докучливая старуха! Одолела, допекла, нечистый дух!»

В последний раз дядя Филипп приехал к нам отчего-то ранней осенью, а не зимой, и тетка Дуня держалась совсем смиренно, и глаза ее были переполнены грустью.

Прежде, бывало, дядя Филипп сидел, заняв почти всю скамью, а сбоку, на краешке скамьи, лепилась тетка Дуня со спущенным на плечи платком. Была она узенькая какая-то, тонкошея, нервная и все норовила показать характер и выглядеть строгой-престрогой женой.

Но дядя Филипп будто и не замечал ее вовсе. Он протягивал руку, на тыльной стороне которой была синяя змея, обвившая кинжал, к граненой рюмке с водкой. Тетка Дуня шустро накрывала рюмку. Дядя Филипп молча и сурово взглядывал на жену, и она, ровно обжегшись, отдергивала руку. Дядя Филипп выплескивал влагу в широкий рот, крякал и занюхивал хлебом так, что ломоть прогибался.

Бабушка пыталась угощать его. Стол ломился от снеди. Тут были и рыжики, и грузди соленые, и капуста, и огурцы, и малосольная сельдюшка «туруханская» — гостинец дяди Филиппа, — дивная рыбешка, ныне почти выведенная, как и многие ценные виды рыб. Только черемшу соленую бабушка не ставила на стол. С черемшой этой происшествие было. Как-то бабушка все же настояла, чтоб дядя Филипп отведал хоть немножко, не побрезговал бы угощением. И чтобы не обидеть крестную, ублаготворить ее, дядя Филипп сунул вилку в первую подвернувшуюся тарелку. Потом еще несколько раз ею, как ложкой, зачерпнул чего ни попало и жевал, нисколько не интересуясь, что он жует и зачем. Так вот рассеянно черпнул он черемшу из тарелки. А черемшу у нас солят с речной галькой, чтоб она не плесневела. Ну, жмакнул дядя Филипп черемшу зубами, хруст раздался такой, будто матица на потолке лопнула, и теперь у дяди Филиппа блестят два серебряных зуба. Зубы эти сводят меня с ума. Если б хоть кто-нибудь знал, как мне хотелось иметь такие же зубы!

Меж соленьями и печеньями в наследственной бабушкиной вазе, хранимой до случая в сундуке, — черничное варенье. У нас в селе принято ставить варенье на стол, если у кого оно есть, сразу же, не дожидая, когда подадут чай. Пользуясь благостным моментом, я ложкою черпал варенье, обкапался. Бабушка, стесняясь гостей, не очурывала меня, а только с горестной безоружностью взглядывала на меня и молила глазами: «Ну будет, будет». А я будто ничего не понимал и не замечал, возил себе и возил вареньице.

Меж тем в застолье все шло своим чередом. Бабушка подливала водочки в рюмки, пригубляла сама, пригубляла тетка Дуня, после чего успевала накрыть рюмку дяди Филиппа. Он снова разил ее взглядом, и она снова отдергивала руку, и снова, булькнув, укатывалась водка в широко растворенный рот дяди Филиппа. Он от рюмки к рюмке накалялся, как самовар, и багровела его шея выше загривка, да мягчал взгляд. Замечалось, что вот-вот он, не умеющий высказать свои чувства, всхлипнет, перецелует всех широкими губами, перетискает до хруста костей и спать отправится.

— Ты кушай, кушай, Филиппушка, — все понапрасну насылалась с закуской бабушка и подвигала ему тарелку за тарелкой.

— Что «кушай»! Что «кушай»? — отстранял тарелки дядя Филипп. — Я и без кушанья...

Эти слова дяди Филиппа мы понимали так: «Не за кушаньем я приехал, и не в угощении дело! А в приглашении. И вообще я тут всех сейчас очень даже люблю, и стосковался я по тебе, крестная. А Дунька пусть лучше не докучает: ушибить могу. Кушать же мне совсем ни к чему, кушать я буду дома, а здесь я и так выпить могу, и ничего со мной не случится. Я человек не квелый, я речник-механик, плаваю не первый год. Зимовал, бывало, и на Крайнем Севере, да судно мое все одно в сроки пар пущало, хотя ни затону, ни притону там нету. Гайки к рукам зимою примерзали, когда судно к навигации готовили. А ты — «кушай»!..

Вот как мы понимали со стороны ничего не значащие слова дяди Филиппа. Бабушка даже слезу выжимала, оценив глубину и смысл таких слов, и не раз советовала крестнику:

— Работал бы на берегу, отчаянная ты головушка! Порешишься либо утонешь. Шутка ли: утесы кругом, быки да каменья. Страсть — наш Енисей-то! Не река, а господь его ведает что.

— Хэ! — усмехался дядя Филипп и подмигивал мне, как единственному мужчине за столом, и кивал в сторону бабушки: дескать, занятная у тебя старуха, но в нашем деле ни черта не понимает.

И я ему тоже подмигивал: мол, не обращай ты, дядя Филипп, внимания на такие советы. Я тоже, когда вырасту, в речники подамся, зуб хоть один, да вставлю и «капусту» попрошу. Возьмешь меня к себе? «Знамо, возьму. Куда тебя девать-то?» — отвечал мне взглядом дядя Филипп и опрокидывал рюмку. Но тетка Дуня раз от разу становилась смелее и строптивее:

— Филипп, хватит!

Дядя Филипп, выведенный из терпения, выразительно шмыгал носищем и, как муху, смахивал со скамейки тетку Дуню.

— Э-э, крестничек! — грозила пальцем бабушка большеносому человеку в черном картузе. — Гляди у меня! Рукам волю не давай!

Дядя Филипп подхватывал тетку Дуню и шмякал рядом с собой на скамью. Он тут же выплескивал в себя очередную рюмку водки, но уж как-то досадливо, без удовольствия и не занюхивал даже хлебом. А тетка Дуня принималась жаловаться и причитать:

— Вот так и живу, так и маюсь я, тетенька Катя. Изгаляется он надо мною днито и ноченьки. Ушла бы я от него либо утопилась бы, дак ведь пропадет, красноrожий, без меня, пропьется весь до картуза...

Дядя Филипп втягивал носищем воздух так протестующе, что нос его к уху загибался, а говорить ничего не говорил, и за эту гордость и невозмутимость уважал я его трепетно и благоговел перед ним. Вот это мужик! Сила!

Бабушка же, видя бессилие дяди Филиппа, сама урезонивала никак не унимающуюся тетку Дуню:

— Ну уж так уж и ушла бы... Какие вы ноне проворные! Эку волю вам дали! Я вон век отвековала, но таких речей не только сказывать, а и думать не смела. «Ушла бы»... Пробросаешься, милая! Ноне мужикто какой пошел? То-то, девонька. Твоему ить картуз-то такой не зря даден. На картузе золото, а под картузом золотее того. Механик такой на все село один, а может, и на Енисей даже. А ты — «ушла бы»...

Получив такую крепкую поддержку, дядя Филипп уже сам себе наливал в рюмку водку. Изготавливаясь к разговору, он быстро опоражнивал ее и вытирал рот ладонью:

— Вот-вот. Это ты в точку, крестная. Я выпиваю, конечно. Нехорошо, конечно. Но я! — Дядя Филипп сжимал кулачище и потрясал им под потолком, и мы все замирали, боясь за висячую лампу с абажуром.— Но я кординат не тер-р-ряю!

— Как же, как же, не теряешь? А в Подтесове не терял будто?— вскидывалась тетка Дуня все еще обидчиво, но уже с нотками примирения в голосе — так действовала на нее своими словами бабушка.

— В Подтесове?— Дядя Филипп бессильно ронял кулак, видно, был грех, терял дядя Филипп «кординат» в Подтесове.—Так мы ж там на ремонте, не в рейсе ж...

— А в Дудинке? — наступала тетка Дуня, видя, что дядя Филипп наполовину уже сражен и самое время добивать его.

— В Дудинке? — Дядя Филипп краснел до самых бровей.— В Дудинке? Тьфу, трепло! — плевался он и уходил из избы, большой, сгорбившийся, ни чуточки не колеблющийся в своем великолепном картузе, со своим загадочным «кординатом», который мне казался вроде золотой капусты, но был спрятан где-то в нагрудном кармане, и если его потеряешь, то уж все — не человек ты...

А тетка Дуня подробно рассказывала, как потерял «кординат» в Дудинке дядя Филипп. Работал он тогда первый год на катере с дизельным пускачом. И набрался ж на берегу до того, что ни тяти, ни мамы сказать не мог. А тут от причала гонят. Причал понадобился. Шумит начальство порта, штрафом грозится. Дядя ж Филипп не только мозгами, но и пальцем единым не владеет. Чего только с ним не делали: и нашатырным спиртом терли; и водой обливали, и уши почти напрочь оторвали — не берет. Тогда капитан катера приказал волочь механика в машинное отделение и к дизелю его поставить.

Приволокли, поставили. Капитан как гаркнет: «Филипп, заводи!» Дядя Филипп раз-раз покрутил рычажки, колесики, ручки — и дизель завелся. Тогда капитан еще громче гаркнул: «Филипп, переводи на мотор!» И дядя Филипп выполнил команду точка в точку, не открывая глаз. А когда его отпустили — пал тут же, так и не проснувшись.

— А я что толкую! — Поднимала палец бабушка, выслушав этот рассказ.— Золотая голова!— Она собиралась обстоятельно вести разговор дальше, но тетка Дуня вдруг спохватывалась:

— Ой, где же Филипп-то? Уж не к Бетехтиным ли ушел? У них гулянка. Ой, матушки мои!..— И, всполохнувшись, мчалась тетка Дуня по деревне искать дядю Филиппа, совершенно уверенная в том, что он без нее ни прожить, ни обойтись не может.

Но в последний тот раз все было не так. Тетка Дуня не накрывала рюмку дяди Филиппа, а только взглядывала на него с протяжной тоскою и, протяжно вздохнув, украдкой плакала. Дядя Филипп держался как-то разухабисто, шумно, выкрикивал все одну и ту же фразу из песни: «И н-на Ти-ихим океани-и-и свой зако-ончили по-оход!»

— Дунька, ты кого оплакиваешь? Меня? Ха-ха! Да я этих самураишек, во! — Он зажимал кулачище так, будто самураи были муравьями и он их давил в горсти.

Тетка Дуня и бабушка согласно трясли головами, а лица у них были такие, что мне хотелось плакать. Я даже варенья из вазы черпанул ложки две и бросил. Что-то нарушилось за столом, не так было, как прежде. Потихоньку вылез я из застолья и убрел на улицу.

Дядя ж Филипп с теткой Дуней ушли «по родне» и появились у нас снова дня через три, усталые, осунувшиеся. Они отсыпались в широкой и чистой постели. Бабушка отпаивала дядю Филиппа огуречным рассолом и отводила душеньку, ругая его каким-то новым словом: некрут.

— Ну что, нагулялся, некрут? Нашумелся?

Дядя Филипп только кряхтел горестно и морщился. А бабушка ему свое:

— Когда ты его все, вино это проклятое, выпьешь? И когда ты, язвило бы тебя, захвораешь чем-нибудь, чтоб пить нельзя тебе было, чтоб на сторону тебя воротило?..

— И так воротит, крестная...

— Воротит? Как не поворотит? Ить ты, почитай, с ведро его выхлестал!

— Два наберется.

— Два?! — ужаснулась бабушка.— А та, пигалица-то!— напускалась бабушка на тетку Дуню, таящуюся за спиной дяди Филиппа.— Та кикимора-то, нет, чтоб мужика окоротить, норму ему определить, так она и сама, холера, туда же! Ведь на чужу сторону уезжает... Совет да беседу бы мужу с женой провести, а они нате-ка...

Отпоив дядю Филиппа рассолом, бабушка послала его в баню, потом опохмелила, угощала стряпней. Полный мешок набила она печенюшками, калачами, шаньгами, пирогами, со слезами провожала супругов к лодке и там крестила дядю Филиппа при всем народе, и он смирно стоял под благословением, большой, сконфуженный и покорный. Затем дядю Филиппа и тетку Дуню сплавили на проходящий мимо деревни пароход. Он сбавил ход, взял супругов на борт.

Высыпавший на берег деревенский люд почтительно говорил меж собою: «Шишка Филипп-то наш! Гляди, пароход застопорили. Выплывы бы кто из нас, так хоть заорись — не возьмет. Такой человек и в армии не затеряется. Его и в армии чином не обнесут...»

Потом я узнал: дядя Филипп оттого так рано нынче был в гостях, что «нибилизовали его крушить самураев». После нам приходило несколько писем с Дальнего Востока, затем из Финляндии.

Погиб дядя Филипп в сорок втором под Москвой, где командовал ротой сибирских лыжников.

А тетку Дуню я встретил совсем недавно в Красноярском речном вокзале. Стоял в очереди за билетом на пароход. Вдруг ко мне кинулась маленькая, узенькая старушонка и поцеловала шершавыми, как груздок, губами.

— Я гляжу со щеки-то — вылитая бабушка-покойница. Ну чисто тетенька Катя!..

Слезы катились по ее усохлому лицу. И вся тетка Дуня сделалась, как птичка, совсем махонькая, и носик у нее заострился.

— В Скиту живу, голубь, в Скиту,— рассказывала она о себе.— По-нонешнему-то в Дивном горске. Ну, это приезжие так зовут, а мы здешние все по-старому... Сошлась с одним уж лет десять как. Электриком состоит.— Она скорбно смолкла и отвернулась.— Что сделаешь? Жить надо. Не дождалась я Филиппушку с позиций. Помнишь ли его?

Я сказал, что помню. Тетка Дуня пальцем убрала со щеки слезу и уже буднично продолжала:

— Крутондравный покойничек был и пообидит, бывало, меня, а вот дня не проходит, чтоб не вспомнила я об нем.— Она еще помолчала, глаза ее остановились на каком-то далеком, невидимом мною предмете или воспоминании.— Нонешний хозяин слова вкось не скажет, не то чтоб пальцем тронуть. А Филипп все одно с ума не идет. Так уж, видно, до гробовой доски и тосковать мне по милу дружку...

Я еще раз с тяжким сердцем вспомнил войну, еще раз подивился вековечной загадке — женской душе, еще раз восхитился великим и святым чувством, имя которому — любовь, и решил помянуть дядю Филиппа.

На пристани купил бутылку пятидесятиградусной водки, другой тут не было. Водку эту речники именовали «тучей».

Пить одному мне не хотелось, и, когда погрузились в пароход, я зазвал к себе в каюту проходившего мимо матроса.

— Выпейте, пожалуйста, со мной,— предложил я и кивнул на налитый стакан. Матрос быстро взглянул на меня, не пьяный ли, и спросил, присаживаясь:

— За что выпить?

— За дядю Филиппа. До войны он плавал на этом пароходе.

Матрос помолчал, покрутил стакан в руке.

— Не помню.— Он еще посидел, еще повертел стакан в руке и стеснительно повторил:— Нет, не помню.

«Где уж тебе помнить,— подумал я.— Ты до войны-то еще босиком по берегу бегал вслед этому пароходу и завороженными глазами провожал его».

Матрос выпил полстакана, закусил кусочком колбасы и поднялся.

— Извините, больше не могу. Скоро вахтить.

Он ушел. Пароход «Спартак» — единственный пассажирский пароход, уцелевший из «стариков», развернулся и суетливо зашлепал плицами, оставляя позади город, шумы его, дымы его и мосты.

Народу на пароходе мало. Все ездят нынче на новеньких, быстроходных кораблях. Это я решил потешить свою блажь.

«Спартак» миновал пригород, свистнул тоненько на Лалетинском шивере и пошел меж бакенов. Его старинный, переливчатый и музыкальный гудок так ни разу за рейс и не оказал себя. Гудеть полным гудком запрещено. И что-то еще откололось и ушло из моей жизни вместе с этим гудком. Поговаривали, что и сам «Спартак» доживает последние навигации, а потом его на дрова пустят, либо приспособят под какое-нибудь полезное заведение.

Побухивали внизу подо мной колеса парохода, подрагивало стекло в раме, покачивалась подвешенная над палубой шлюпка. Весь пароход поскрипывал, позвякивал и тяжело, как конь на подъеме, дышал. На столе бился о бутылку стакан. Была водка, времени дополна, но не с кем было выпить за дядю Филиппа — судового механика, не с кем.

ПОРАЖЕНИЕ КРИВДЫ

Не терпит кривды Марко (Н. Гриценко).

Поражение кривды...

Правда борется с кривдой, а кривда с правдой не сами по себе, а через своих приверженцев, поборников на земле.

И борьба эта порою бывает ох как нелегка!..

Поэтому-то к утешительским словам «бог правду видит» мудрые люди давно, еще в доатеистические времена, добавили скептическую поправку: «...да не скоро скажет»!.. А Марку Бессмертному и вовсе божья власть оказалась ни к чему: сам, своими руками должен он отстаивать святое дело правды среди людей, такая уж выпала ему доля... И хоть совсем было душа оставила грешное тело солдата, истерзанное войною, да, видно, придется ей, душе, еще послужить своему неугомонному хозяину.

Не терпит кривды Марко! И где-бы ни встретился с нею — идет в бой...

О схватках Марка Бессмертного и его друзей со сторонниками кривды известный украинский писатель Михайло Стельмах написал роман. А сейчас о них рассказывает зрителям столицы театр имени Евг. Вахтангова.

Главный режиссер театра Р. Симонов и вместе с ним художник М. Виноградов остроумно, оригинально решают эпический, масштабный характер новой постановки.

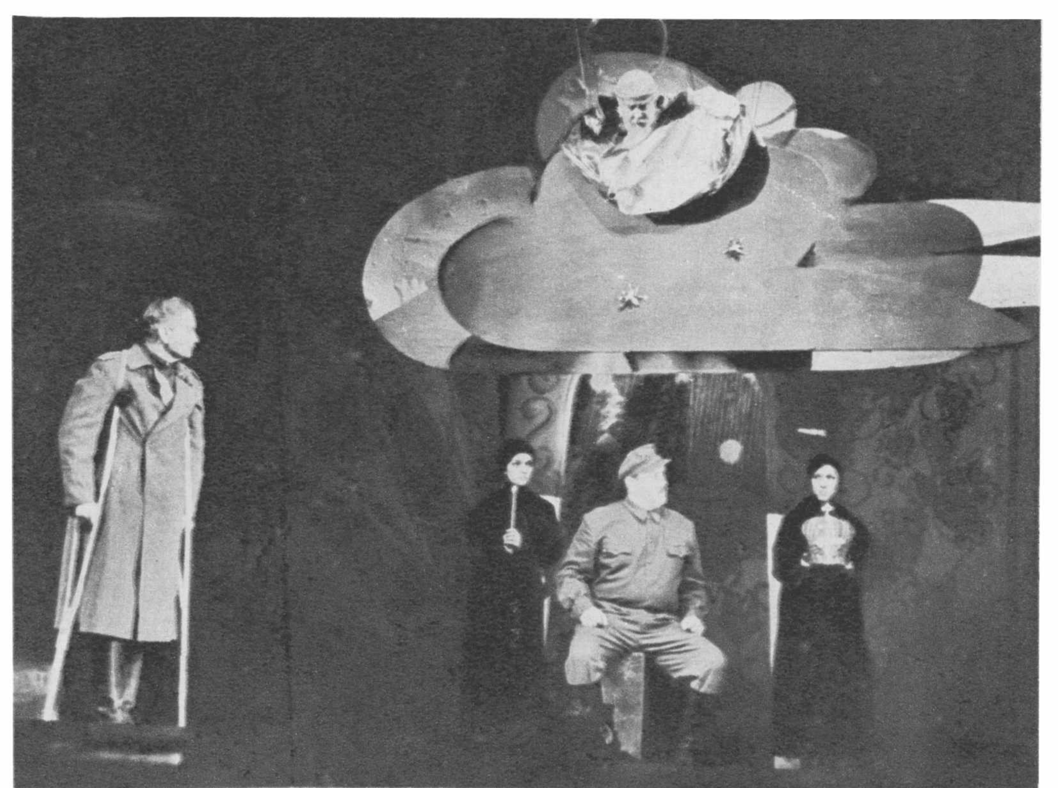
Публика видит в спектакле многих своих любимых актеров. Главную роль — хлебороба Марка Бессмертного, коммуниста, вернувшегося в родные края,— играет убедительно, крупно Николай Гриценко.

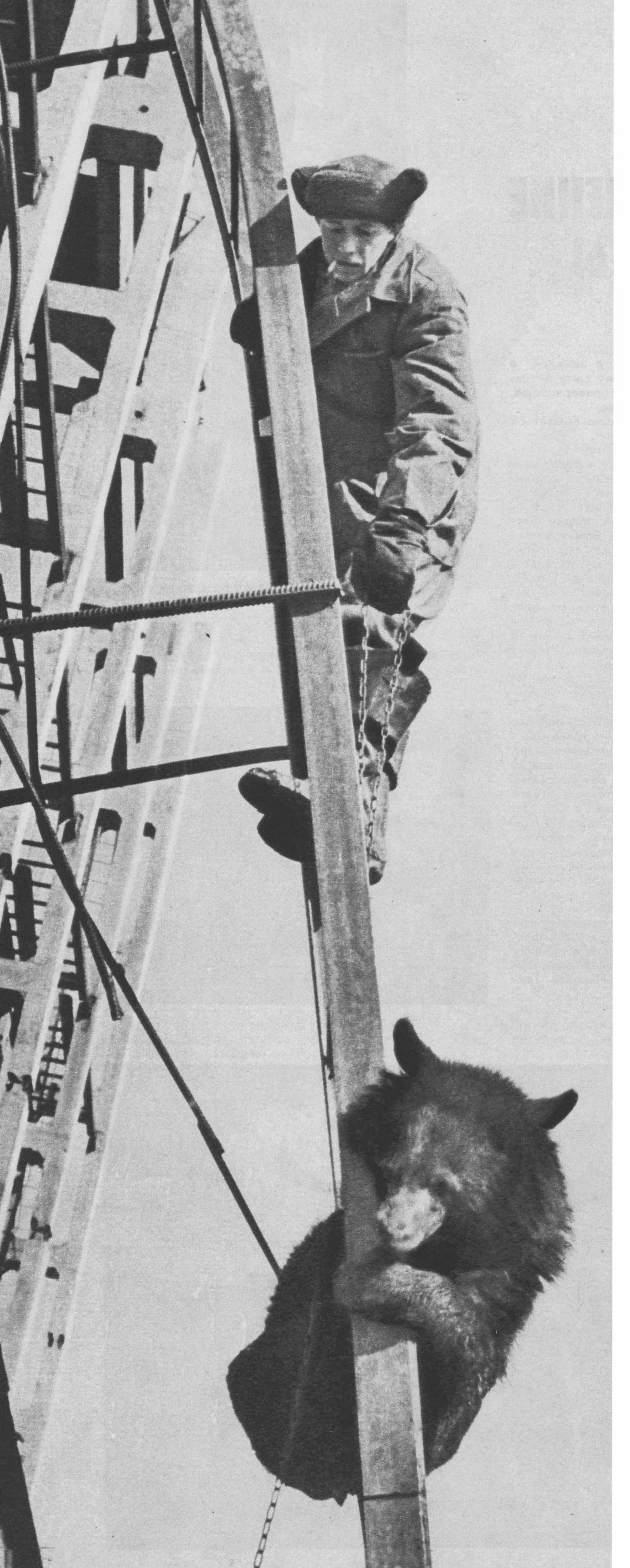
Потерявшая веру в людей Мавра (Ю. Борисова) готова уйти в монастырь. Слева — монахиня (Е. Измайлова).

Сцена в раю.

Фото Р. Лихач.

ГОРОД «НАВЫРОСТ»

Начало на 2-й стр. обложки

...Радио в машине рассказывает об освоении космоса, и Владимир Викторович вдруг спрашивает своего шофера, усатого красавца:

— Ну как, полетим строить на Марс?

— Это можно,— серьезно отзывается тот,— только тогда проекты нужно сразу взять, а то пойдет волынка, как у нас,— наплачемся. Там, небось, и ругнуться путем нельзя будет; кислород чтоб не расходовать зазря...

Яцкий смеется:

— А ведь точно говорит, чертыхаем мы проектировщиков на чем свет стоит. Тянут с документацией. Видели у ТЭЦ и за главным корпусом, как мы траншеи бьем и трубами начиняем? Так это давно надо было сделать, а сейчас все на волоске — весна не столько радует, сколько тревожит: вот-вот поплывет все, раскиснет, а у нас пути подъездные к объектам не все сделаны — опять же коммуникации держали. Но, думаю, успеем, народ у нас до работы злой. Один пример только приведу. Вам про котлы еще не рассказывали? Поучительная история. Огромные котлы. Сварка требовалась. Поставщик, иностранная фирма, предложил свои услуги: два года работы и кучу золота с нас. А наши парни сказали: дудки! Сами сварили за десять месяцев. Качество отличное, и золото осталось дома...

* * *

На арматурной сетке сварщики — как пчелы на сотах. Синими огоньками склеивают ячейку за ячейкой, плетут железное кружево каркаса нового цеха. Это люди бригады Владимира Белобородова. Мое внимание привлекает один из них, маленький и ловкий. Когда догорает электрод, он выхватывает из-за голенища следующий пруток — там их целый пучок — и движется по сетке дальше. Но вот прутки кончаются, он откидывает с лица щиток-забрало и оборачивается. Так это же девчонка! Из-под щитка выбивается рыжая челка, чуть раскосый разрез золотистых с искоркой глаз и, конечно же, непременные веснушки.

— Рассказать о себе? Пожалуйста, никаких секретов нет. Родилась в Приморье, бухта Ольга, знаете? Потом жила во Владивостоке. Окончила школу и пошла на судоремонтный завод. Проработала сварщицей три года, поступила в институт, а потом вдруг решила поработать еще и на стройке. Приехали сюда вдвоем с подружкой и ахнули: никогда еще ничего подобного не видели. Масштабы — во! Поселились в общежитии, живем в комнате втроем: я, Женя Малахова, с которой приехали, и Байба Юнкерин, латышка. А меня зовут Люба, Люба Затоковенко. Папа у меня — украинец, а мама — эвенка, так что комната наша — настоящий интернационал... А институт не уйдет: время пока есть... Двадцать один год... Еще все впереди. Как Амурск? Нравится очень. Только скучновато...

— Скучновато, говорит? Пожалуй, она права. Раньше, на мой взгляд, веселей было, может, оттого, что сама я помоложе была?— Это я уже забрался на четвертый этаж строящегося здания профтехучилища и беседую со старожилом Амурска Людой Радченко.

Она здесь «от нуля», с 1958 года, когда на месте будущего города воздвигались первые палатки и бараки. Не подумайте, что Люда — этакая солидная женщина. Она тоже невелична. Другие девчата-каменщицы кажутся рядом с ней чуть ли не гренадерами, и старше Любы она всего лишь на три года. А вот когда кладку ведет — попробуйте за ней угнаться. Может быть, это наследственное? Вся семья у них строители — и отец и четыре сестренки.

— Почему веселее было? Часто встречали новичков. Ну, конечно, цветы, музыка. На танцы бегали в резиновых сапогах: грязища непролазная. Это уж потом асфальт повсюду положили. В резиновых-то сапогах танцевать, понятно, веселее. А если серьезно говорить, то все дело в росте — требования у нас другие стали, намного выше, а база не поспевает. Город мы строили «навырост», но разве на такое дитя все предусмотришь: растет, как Илья Муромец. Клуба и широкоэкранного кинотеатра на 600 мест уже не хватает. Начинаем строительство большого Дворца культуры. Детских садов мало, заложили еще несколько, на семьсот мест. Дело это перспективное, народ у нас молодой...

Что дальше делать буду? Работать на комбинате, прессовщицей. Окончила здесь курсы, сдала экзамен. В Красноярске стажировку прошла. Так что пока строю, а на комбинате место за мной уже закреплено...

И еще один экзамен сдала недавно комсомолка Люда Радченко: амурцы избрали ее своим депутатом в краевой Совет.

* * *

Человек приехал только сегодня. Утром я видел его в отделе кадров и уже кое-что о нем знаю. Валерий Бучихин прибыл из Красноярска по приглашению дирекции комбината. Один из тех «пускачей», что так необходимы и при наладке оборудования и при эксплуатации нового предприятия. Человек с опытом. Теперь его должность — заместитель начальника цеха контрольно-измерительных приборов и автоматики. Прибыл «напостоянно с семьей и контейнером». Жена его, Виктория,— техник-электрик. Разговор в отделе кадров был короткий:

— Все положенные льготы вы получили, квартиру даем, для жены дело тоже найдется, что-нибудь еще нужно?

— Да чего же еще?

И вот, не распаковав чемоданы, ходит Валерий по городу, стекла его очков поблескивают любопытством и удивлением: ехал вроде в глухомань, а тут вон какой город! И история его вся на виду — и бараки, и мазанки, и улица деревянных домиков — он еще не знает, что была она не так давно здесь самой «респектабельной» и даже в шутку называлась «Уолл-стрит». А теперь все это оттеснили кварталы новых, современных зданий. От тайги остались только лиственницы во дворах да кое-где между кварталами целые рощицы молодого березняка и осинника. По улицам бегают голубые, белые и желтенькие автобусы, а через главную улицу — Мира даже запрещен проезд грузовому транспорту.

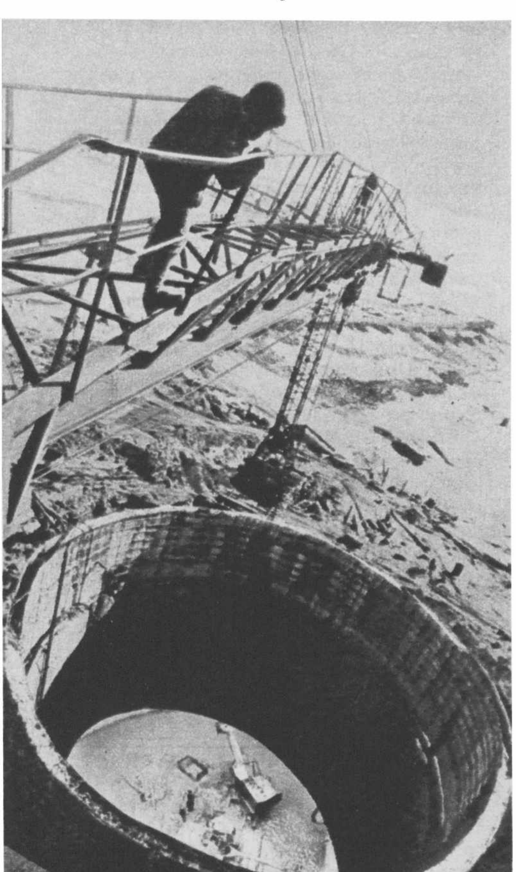
Валерий приехал сегодня и не мог видеть, как накануне на станции втаскивал в вагон свой чемодан какой-то парняга, шкодливо прятавший от людей глаза — даже сорокаградусная не прибавила мужества. Черт с ним, пусть уезжает, ему уж не увидеть, как с этой же станции будут отгружать вискозную целлюлозу и картон, кордную нитку и целлофан, скипидар, всякие разные сульфиты и сульфаты и многие другие полезные людям вещи.

А потом тут начнут строить еще один завод, и возводить его будут, наверное, вот эти школьники. А пока они с присущим их возрасту восторгом окружили монтажника Валентина Лапуту, который ведет на цепочке медвежонка, косолапого представителя последнего поколения хозяев бывшего медвежьего угла. Таков Амурск, ровесник семилетки, город будущего, город, который строят «навырост».

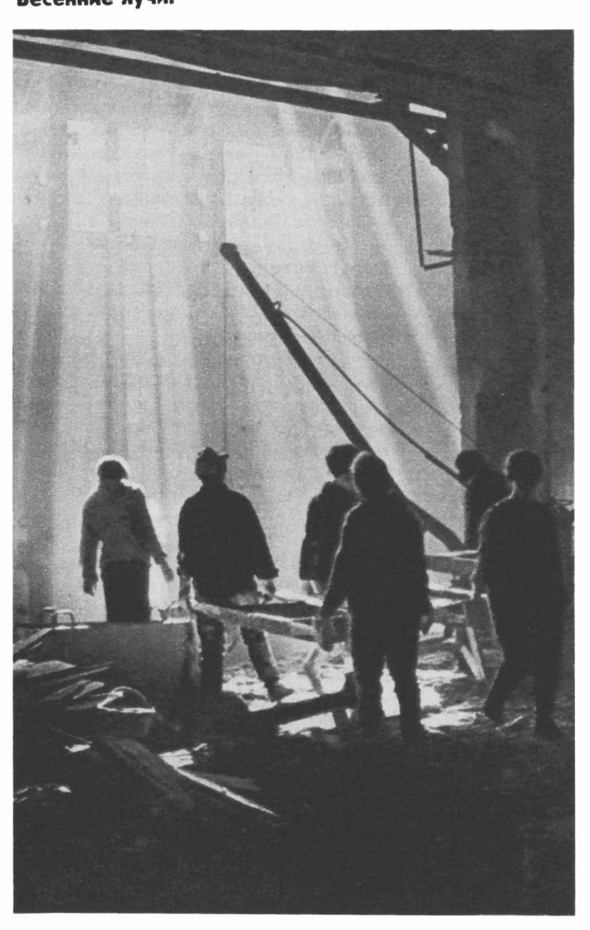
Не робей, Мишук!

Сварщица Люба Затоковенко.

На высоте и в глубине.

Весенние лучи.

Рафаэль АЛЬБЕРТИ,
лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»
(Испания)

Партизан

Усни же, мой ангелочек,
Пора тебе глазки сомкнуть,
Ведь птички в небе летают,
Хотят на тебя взглянуть.
Баю-бай! Баю-бай! Баю-бай!
И вот постучали в дверь.
Я думала, это ветер.
Баю-бай! Баю-бай! Баю-бай!
Потом постучали в стекло.
Я думала, это дождь.
Усни же, мой ангелочек...
И дверь открылась сама.
Жена моя!
Жена моя!
Когда уходил, я сказала:
«Пока не кончится, не приходи...»
Жена моя!
Мой Хуан!
Это в последний раз...
Кто знает? Мы идем далеко...
Этой ночью
Мы в другие горы уйдем.
Мой Хуан! Мой Хуан! Мой Хуан!
Усни же, мой ангелочек...
Оставь на минуту ребенка...
Баю-бай! Баю-бай!
Мы уходим в другие горы...
Есть подозренье...
Кто-то из нас...
Мы видели солдат...
Жена моя! Голубка!
Как долго я жил без тебя,
Один среди этих скал!
Как ты хороша! Как грудь твоя хороша!
Усни же, мой ангелочек...
Пора тебе глазки сомкнуть...
Баю-бай! Баю-бай! Баю-бай!
Огонек лампадки дрожал над моей одинокой кроватью.
При погашенном свете ребенок испугался еще больше.
Дитя мое, сын мой!
Твой отец уходит далёко.
Я пришел посмотреть на маму.
Я пришел сказать ей: прощай,
Поспи же, поспи немножко.
Когда я вернусь, ты уж будешь большой.
Я тебе принесу подарок.
Но нет, не винтовку
И даже не игрушечное ружье,
Потому что тогда на земле
Больше не будет дурных людей.
Я тебе принесу золотого петушка,
Он будет петь по утрам,
Потому что мой сын
Спал всю ночь и не плакал.
Мой Хуан! Мой Хуан! Мой Хуан!
Мне пора... Меня ждут...
Жена моя! Я ухожу.
Не уходи...
Меня ждут...
И тогда опять постучали в дверь.
Я подумала, это ветер.
Разбили стекло.
Я подумала, это дождь.
Луч света ворвался... И выстрел.
Мой Хуан! Мой Хуан! Мой Хуан!
Еще выстрел.
И еще.
Ребенок уже не плакал.
Кровь текла по моим рукам.
Мой Хуан!
Никто не ответил.
Я не могла найти лампадку.
Я ее так никогда и не нашла.
Дверь взломали.
И вошла — такая черная — ночь!
Баю-бай! Баю-бай! Баю-бай

Перевел с испанского
О. Савич.

РАССКАЗЫ О НОВЫХ НАУКАХ

ЧУДЕСНЫЙ СПЛАВ

Нет ничего удивительного, если вы не знаете, что такое химотроника. Она родилась всего пять-шесть лет назад на стыке древней химии и зрелой электроники. Возраст младенческий, но авторитет уже солидный.

Химотроны — электрические элементы управления. Они необычайно чувствительны к теплу, давлению, звуку, движению. В будущем химотроны, по-видимому, произведут переворот в технике.

Наш корреспондент Алексей Кичатов побывал в Институте электрохимии Академии наук СССР и побеседовал с профессором П. Д. Луковцевым о новой науке.

Фото Е. Умнова.

Луч солнца упал из окна на стол, окрасив в серебристый цвет горсть крохотных цилиндриков и кубиков величиной не больше грецкого ореха. Внутри каждого из них жидкость и два-три штыря.

— Это химотроны, электрохимические преобразователи,— говорит профессор Павел Дмитриевич Луковцев,— младшие братья радиоламп и полупроводниковых транзисторов, строительные кирпичики для самых различных автоматов — от крохотного датчика до вычислительной машины.

Как возникла новая наука? Вы знаете, что через раствор можно пропускать электрический ток. Электрические заряды переносятся в растворах ионами. Это азы. Но именно с этого элементарного закона берет начало электрохимия. Электрохимии понадобилось 170 лет, чтобы достичь такого расцвета, когда создались условия для зарождения химотроники.

Истоки новой науки берут начало в прошлом веке, когда ученые выяснили, что электричество, прошедшее сквозь раствор, может многое рассказать исследователю. Электричество дает точные сведения о химическом составе раствора, о его концентрации и еще о многом другом, что так интересует химиков и что порой невозможно заполучить, прибегая к помощи пробирок и реактивов.

Так появилось новое орудие исследования. Долгое время электричество верой и правдой служило химии. Кое-кто из ученых решил, что принципиально новое здесь невозможно, настолько все изучено. И вот...

В миллионный раз раствор пронизал электрический ток. По экрану осциллографа ползет привычная кривая. По ее форме химики узнают о растворе так же, как о человеке по автобиографии. Но, возможно, в этот миллионный раз кривая на осциллографе натолкнула ученых на мысль в общем-то простую. Нужно научиться так подбирать химический состав раствора, чтобы прошедший сквозь него электрический ток стал таким, каким его хотят видеть электроники.

Поначалу мысли были бесформенны, как куски глины в руках скульптора. Идея выкристаллизовалась после того, как теоретики исписали горы бумаги, а экспериментаторы проделали тысячи опытов. В итоге вот эти пластмассовые цилиндрики и кубики. Приборы, названные химотронами.

Впрочем, почему приборы? Мы привыкли под словом «прибор» подразумевать нечто объемное, увесистое, что нужно держать в обеих руках. Взять, к примеру, усилитель. Где только не применяется он: в радиоприемниках, телевизорах, измерительной аппаратуре! Заглянув в нутро усилителя, вы увидите нагромождение сопротивлений, конденсаторов, полупроводниковых транзисторов, пучки проводов. А что предлагает химотроника? Пластмассовый цилиндрик размером с наперсток, жидкость внутри и три электрода, впаянные в корпус цилиндрика. Просто и поэтому надежно. Отличительная черта химотронов — надежность, а это проблема № 1 для всей современной техники.

Нет, честное слово, язык не поворачивается назвать эту малютку солидным словом «прибор».

— Не нравится, назовите как угодно, хоть горшком, только в печку не ставьте,— шутит Павел Дмитриевич.— Дело не в названии, а в том, что химотроны выполняют роль самых настоящих приборов — стабилизаторов, усилителей, интеграторов.

Павел Дмитриевич вынимает из шкафа плоскую коробку, похожую на том энциклопедии.

— Если посмотреть на карту нашей страны, бросается в глаза густая паутина нефтепроводов. Они проходят через реки, леса, города. Казалось бы, толстые трубы, по которым течет черное золото, будут служить вечно. Не тут-то было. Их подстерегает невидимый враг — блуждающие токи. Они странствуют в земле и, натыкаясь на трубопровод, словно жадный хищник, грызут металл. В трубе образуются маленькие отверстия, которые сразу же разрастаются под мощным напором нефти. Густая черная струя уходит в землю. Порой достаточно искры, чтобы начался страшный пожар.

Как исключить такие случаи? Этот прибор на химотронах указывает места, где орудуют токи-бродяги. Прибор, разработанный в содружестве ученых и инженеров Академии коммунального хозяйства, Краснодарского завода электроизмерительных приборов и Института электрохимии АН СССР, портативен, удобен и работает без источников питания.

— Как без источников питания?— недоуменно переспросил я Павла Дмитриевича.— Электронный прибор без своего хлеба насущного? Не думаю, чтобы свежий воздух заменил ему электроэнергию.

— Разумеется, не воздух. И все же я не оговорился. Ни батарей, ни аккумуляторов у прибора нет. Пищей служат те самые блуждающие токи, на борьбу с которыми он призван. Они очень слабые. Если бы прибор был собран не на электрохимических преобразователях, а на полупроводниках или тем более на лампах, без батарей и аккумуляторов не обойтись. Химотроны потребляют в сто раз меньше электроэнергии, чем полупроводники.

Вот это масштабы! С громадным трудом даются в технике сэкономленные калории и ватты. Каждый процент — удача, каждый десяток процентов — редкое событие. А тут сразу в сто раз!

Феноменальная экономичность открывает перед химотронами широкие перспективы. Для них немало дел найдется на борту космических ракет. В одном из иностранных научных журналов была приведена таблица, в которой сделана попытка предсказать, сколько электроэнергии понадобится аппаратуре будущих космических кораблей. Для полета на Луну, например, два киловатта, а для путешествия на Марс — в сто раз больше. Авторы таблицы не приняли в счет электрохимические преобразователи. Со временем прогнозы, видимо, придется пересмотреть: ведь часть космических приборов будет собрана на экономичных химотронах.

Было время, когда, отстаивая преимущество полупроводников, сравнивали их с электронными лампами. Все доводы тогда были в пользу полупроводников: экономичность, малые размеры, простота. В ответ лампы выложили козырь, который не побит полупроводниками и по сей день: в отличие от ламп полупроводники боятся перегрева.

А химотроны? И здесь они кое-чем могут похвастать. Температура выше ста градусов временно выводит их из строя. Но достаточно «перегретому» химотрону остыть, как он продолжает нормально функционировать. В этих условиях полупроводники не оживают.

Ученые считают, что в ближайшем будущем удастся заменить водный раствор в электрохимических преобразователях расплавом солей. Соли куда успешнее будут противостоять чрезмерному перегреву. То будут времена, когда химотроны развернутся во всю ширь своего таланта. Тогда их можно и в печь ставить! Крошечный датчик, помещенный в доменную печь, будет оповещать сталеваров о ходе плавки. Его коллега, другой датчик, будет следить за работой аппаратов на химическом заводе. К заботам земным прибавятся заботы космические. Химотроны акклиматизируются на Марсе, Венере и даже на самой близкой к Солнцу планете Меркурии. Освоение этих планет начнется с запусков туда автоматических станций, при конструировании которых не обойдутся без химотронов.

Предоставь волю воображению — вскружится голова. Видя это, Павел Дмитриевич Луковцев говорит:

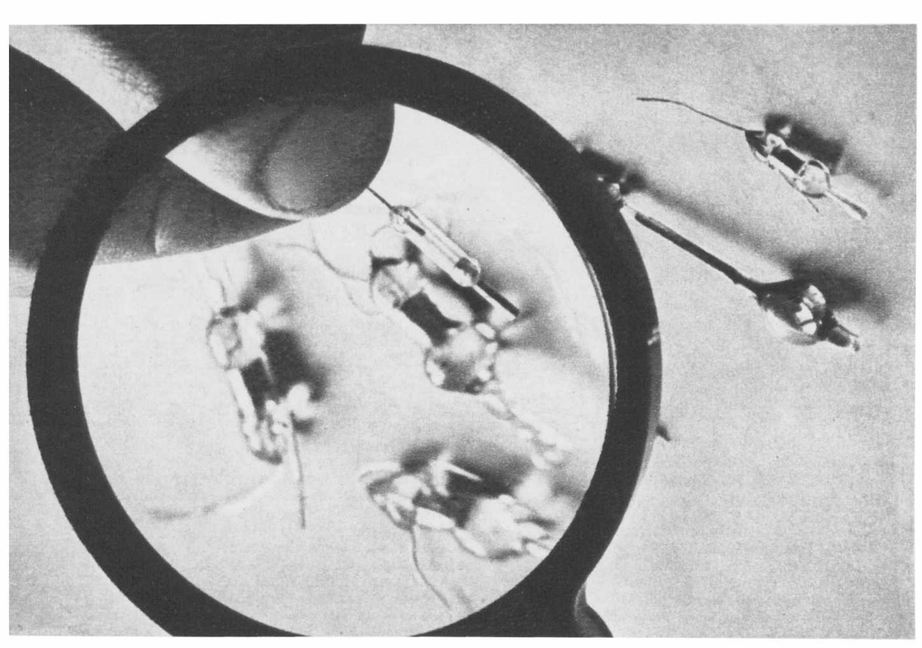
— Хочу предостеречь вас от поспешного вывода. Может сложиться мнение, что полупроводники — пройденный этап техники, поскольку есть сейчас электрохимические преобразователи. Это абсолютно неверно! И те и другие не конкуренты, а добрые сослуживцы, потому что у каждого имеется свой определенный участок работы. Для химотронов — это слабые токи и сверхнизкие частоты.

Со слабыми токами приходится иметь дело в самых различных областях науки и техники. Они там, где нужна повышенная чувствительность, реакция на невообразимо слабое раздражение. Химотронный датчик давления реагирует на изменение давления в одну миллионную долю атмосферы. Он может быть применен в качестве сигнализатора в атомной промышленности. Помещенный в зоне повышенной радиоактивности, он издали почувствует легкую воздушную волну, которую гонит перед собой человек, шагая по закрытой комнате, и сообщит ему об опасности. Аналогичным образом созданы датчики тепла, света, звука. Датчики звука помогут ихтиологам узнать, о чем говорят рыбы в тех случаях, когда они беседуют «шепотом». При испытании ракет и самолетов много работы найдется датчикам вибрации и перегрузок.

Второй конек химотроники — сверхнизкая частота. Сверхвысокие частоты, высокие, низкие, сверхнизкие — вот кусочки, на которые разбит весь диапазон частот в электронике. Подобно тому, как у людей различают тенор, баритон, бас. Так вот, до последнего времени положение было таково, что на «тенор» и «баритон» электроника не жаловалась. Полупроводники и электронные лампы успешно справлялись здесь со своими обязанностями. Но вот с «басом» была совсем беда. Не ладят полупроводники и лампы с медленно меняющимся током. И как знать, сколь долго оставалась бы неосвоенной целина сверхнизких частот, если бы не химотроника. Конкурс на замещение вакантной должности

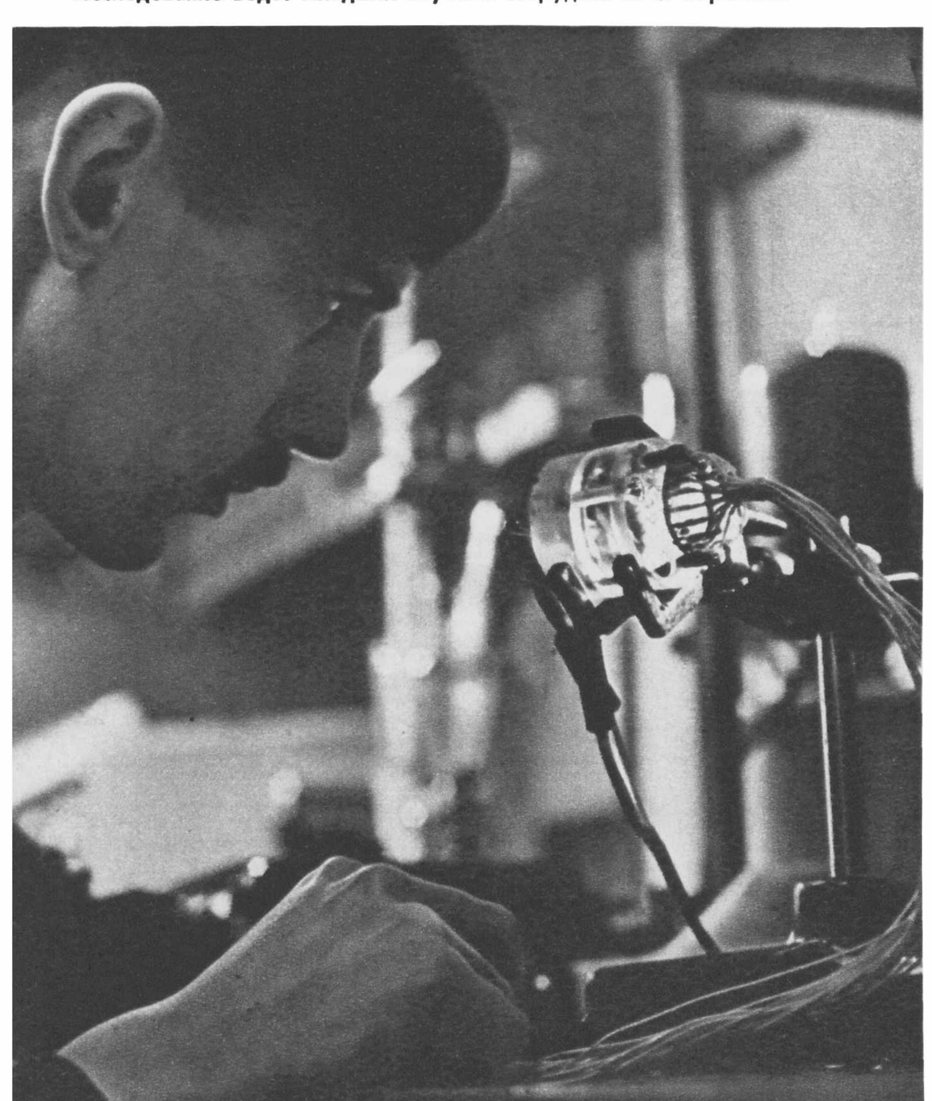

Профессор П. Д. Луковцев (второй справа) со своими сотрудниками.

Вот они — химотроны.

Исследование ведет младший научный сотрудник В. С. Боровков.

«баса» в электронике завершен. Химотроника признана самой подходящей кандидатурой. Облегченно вздохнули медики. Их электронные аппараты в основном работают на низких и сверхнизких частотах. Датчики прислушиваются к биению сердца, циркуляции крови, биотокам мозга. Трудна их задача: как можно точнее перевести все это в электрические импульсы, уловить еле заметные нюансы в сложном хозяйстве человеческого организма. Электрохимические преобразователи помогут преодолеть трудности. И первый шаг сделан. Недавно один из английских научных журналов опубликовал сообщение, которое воспринято медиками как сенсация. В Национальном институте медицинских исследований разрабатывается прибор электрохимической памяти. Этот прибор — своеобразный электрохимический магнитофон. Размером он не больше спичечной коробки. Положив магнитофон утром в карман, вы, поглощенные дневными заботами, вскоре забываете о нем. Тем временем магнитофон записывает пульс, кровяное давление, температуру тела. Запись ведется в течение всего дня, магнитофон постоянно включен. Микрофоном для него служит крохотный датчик, укрепленный где-нибудь, ну, скажем, на руке. От датчика электрические сигналы поступают в магнитофон. Часовой механизм протягивает проволоку через раствор, содержащий медный купорос. Медь оседает на проволоке. Толщина медного слоя колеблется в зависимости от сигналов, приходящих от датчика. Так происходит запись. Интересно, что на сутки хватает двенадцати миллиметров проволоки.

Просто? Да. А главное, осуществляется стремление биологов и медиков исследовать работу органов человека в динамике. Это — огромное событие в медицине, считают врачи.

Прибор следит за состоянием здоровья человека непрерывно, не только в кабинете врача, но и на работе, дома, в кино. Принял, скажем, больной-гипертоник лекарство, понижающее давление. Врачу очень не мешало бы узнать, какое действие оно оказало: через сколько времени начало действовать, как быстро падало давление, какова реакция на лекарство внутренних органов? Электрохимический магнитофон сообщит врачу эти сведения.

Загадка, проблема, открытие, факт

САКСАУЛУ — ГЛЮКОЗА

Саксаул — пионер освоения пустыни, саксауловые леса защищают оазисы от наступления барханных песков. Под прикрытием этого дерева бурно развивается другая растительность. Саксаул — корм для каракульских овец. Вот почему лесомелиораторы Каракумов систематически расширяют посадки саксаула. Но далеко не каждое семя, брошенное в песок, прорастает. Для увеличения всхожести растений применили глюкозу. Только 4 из 100 семечек взошли при обычном, контрольном, посеве. Другие сто семян были помещены в раствор глюкозы. Посевной материал был лежалый, годичной давности, но результат превзошел ожидания: всходов оказалось в 14 раз больше!

Глюкоза улучшает всхожесть и ускоряет прорастание песчаной акации, кандыма, астрагала.

В арсенале лесоводов появился новый стимулятор. Глюкоза повысит надежность создаваемых в пустыне насаждений.

«ХВОЙНЫЕ» ДРОЖЖИ

Мы идем по хвойному лесу, вдыхая воздух, пропитанный терпким запахом смолы. Но оказывается, что хвойные деревья — ели и сосны — могут служить и для других целей, например... на корм скоту. Путем расщепления древесины серной кислотой с последующим добавлением культуры гриба «оспора лактис» в Лейпцигском институте кормов получено дрожжеподобное вещество — грибной мицелий, который по общей питательности не уступает лучшим образцам кормовых дрожжей.

НОВАЯ МЕЛЬНИЦА

В Венгрии изобретена мельница нового типа. Для размола используется центрифуга. Она с силой разбрасывает зерна, и под действием ударов они рассыпаются в порошок.

На пробной мельнице смолото 10 тысяч тонн пшеницы.

ЭКРАНЫ-ГИГАНТЫ

Во многих лабораториях мира ведутся работы по созданию телевизора, пригодного для больших аудиторий. Эта задача не может быть решена простым увеличением размеров обычной электронной трубки.

Английский инженер Краузе разработал конструкцию большого плоского проектора с диаметром экрана около 2 метров. При создании проекторов с еще большим экраном возникают совершенно новые трудности. Расчеты показали, что для получения изображения высотой 3 метра требуется коробка высотой примерно 4 метра, шириной около 3,5 метра и толщиной 45 сантиметров. Объем такой коробки составил бы около 7 кубических метров, а для поддержания в ней необходимого вакуума потребовалась бы непрерывная откачка воздуха с помощью насоса производительностью 300—400 литров в секунду. Как утверждают специалисты, это условие может быть осуществлено.

ИНТЕРЕСНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Инженер югославского железнодорожного института Милорад Михайлович сконструировал аппарат, позволяющий легко и быстро отыскивать трещины в рельсах.

С помощью этого аппарата, движущегося со скоростью до 90 километров в час, видимые и не видимые глазом трещины, как продольные, так и поперечные, фиксируются специальным транзисторным устройством на магнитофонную ленту.

КТО ПОЦЕЛУЕТ БОГИНЮ НИКЭ?

Юр. ВАНЬЯТ

Под бдительным круглосуточным надзором дюжих детективов, опутанная сетью электросигналов, за пуленепробиваемым стеклом, стоит эта красавица вот уже около семи лет на самом почетном месте в лучшем зале Бразильской конфедерации спорта в Рио-де-Жанейро.

Зовут красавицу Никэ, и застрахована она в 10 тысяч долларов, которые и внесены в банк Бразильской федерацией футбола.

Дело в том, что Никэ — это статуэтка богини Победы, созданная из чистого золота (вес фигурки — 1 800 граммов) французским скульптором и купленная Международной федерацией футбола — ФИФА в качестве первого приза для чемпионов мира. Всего четыре команды владели этой высшей наградой современного мирового футбола — уругвайская, итальянская, западногерманская и бразильская.

Впрочем, вот таблица, коротко и ясно рассказывающая о минувших турнирах, которые официально называются «Чемпионат мира по футболу — Кубок Жюля Римэ» (в память о французском спортивном деятеле, много десятков лет руководившем ФИФА).

Однако представители молодого и растущего африканского футбола демонстративно отказались от участия в чемпионате, считая, что ФИФА неправильно снизила их лимит в финале, и теперь от трех материков остались всего... три команды — Австралия, КНДР и Южная Корея. Нелепая ситуация для ФИФА, что и говорить!

Год	Место проведения	Кол-во стран-участниц	Чемпион	Вице-чемпион	3-е место	4-е место
13/VII—30/VII 30 г.	Уругвай	13	Уругвай	Аргентина	США	Югославия
27/V—10/VI 34 г.	Италия	29	Италия	Чехословакия	Германия	Австрия
4/VI—19/VI 38 г.	Франция	35	Италия	Венгрия	Бразилия	Швеция
27/VI—16/VII 50 г.	Бразилия	23	Уругвай	Бразилия	Швеция	Испания
16/VI—4/VII 54 г.	Швейцария	35	ФРГ	Венгрия	Австрия	Уругвай
8/VI—29/VI 58 г.	Швеция	49	Бразилия	Швеция	Франция	ФРГ
30/V—17/VI 62 г.	Чили	56	Бразилия	Чехословакия	Чили	Югославия
12/VII—30/VII 66 г.	Англия	54	—	—	—	—

Лауреаты двух последних чемпионатов — бразильцы, «Команда Пеле и Гарринчи», получили на своей экспансивной родине такую всенародную популярность, с которой не может сравниться в Бразилии ни один актер или писатель, или политический деятель.

Фильм о «птице» (так переводится спортивное прозвище «Гарринча») обошел экраны самых отдаленных и захолустных кинотеатров Бразилии. В национальном музее можно увидеть слепки ног «самого» Пеле — этой «Черной Жемчужины» мирового футбола.

Все это так. Но смотрящие вперед руководители бразильской сборной, в частности главный тренер Феола и «талисман» команды — врач-психолог Госслинг, весьма обеспокоены лондонским турниром. Как известно, по праву чемпионов бразильцы освобождены от предварительных игр. Тем не менее они весьма активно изучают европейский футбол, видя в нем своего главного конкурента. А в «Старом свете» чемпионов особенно интересуют хозяева нового турнира — англичане, обладатель кубка Европы — испанцы, олимпийские чемпионы — венгры и наша сборная, которая пользуется в мировом футболе прочным авторитетом. Любопытны данные, приведенные газетой «Эль Мундо Депортиво». Она взяла матчи сборных, официально регистрируемые ФИФА, и подсчитала процент побед. Наиболее высок он у сборной СССР (74,6), за которой идут британцы (68,7). А ведь нельзя забывать, что наша сборная встречалась с такими командами, как Венгрия, Чехословакия, Англия, Швеция, ФРГ, Франция, Италия, Испания, Уругвай, Аргентина, Чили, Югославия, то есть с элитой мирового футбола.

Скрестила однажды советская сборная оружие и с бразильцами незадолго до того, как они стали чемпионами мира. Никогда нам не забыть тех футбольных «чудес», которые устроили (особенно поначалу) опытной динамовской защите — «трем К» (Кесарев, Крижевский, Кузнецов) Гарринча, Пеле (это был его дебют в сборной) и Диди. Тогда же мне довелось вручить совсем еще юному Пеле приз газеты «Труд», как самому молодому игроку команды-чемпиона. Помню, как он плакал от радости, поднимая кубок над головой и восклицая: «Вива, Москва!»

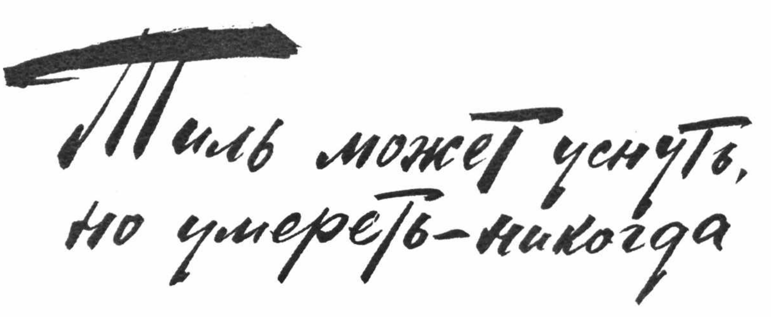
И вот теперь советские любители футбола, по всей вероятности, явятся свидетелями второй встречи советских и бразильских мастеров на самом высоком уровне: в начале июля в Лужниках должна будет выступить сборная Бразилии, приезжающая на наш континент двумя составами (44 игрока) для последней разведки перед лондонскими баталиями.

Мы знаем, что многих героев Стокгольма и Сант-Яго уже не будет в составе «желто-зеленых»: годы взяли свое, и на смену ветеранам пришла «новая волна» бразильского футбола. Но разве не примечательно, что уже за полтора года до первенства мира оргкомитет VIII чемпионата получил заявку из Бразилии на пять тысяч мест. Верят бразильские «торседорес» в счастливую звезду команды из «страны кофе и футбола». (К слову сказать, уже прислали заявку на 1 200 мест канадцы и на две тысячи мест — болельщики из Израиля, хотя их команды заведомо не попадут в число 16 сильнейших.)

Теперь, видимо, пора рассказать и о системе отбора этих шестнадцати. Кроме Бразилии и Англии (освобожденной от отборочных игр по праву страны-организатора), девять мест получают команды Европы, три — команды Южной Америки, одно — Центральной и Северной Америки и одно — команды стран Африки, Азии и Австралии.

Посмотрим, как же распределены группы в Европе (которая насчитывает 75 процентов футболистов в мире против 20 на американском континенте). I. Болгария, Бельгия, Израиль. II. ФРГ, Швеция, Кипр. III. Югославия, Франция, Люксембург, Норвегия. IV. ЧССР, Португалия, Румыния, Турция. V. Швейцария, Северная Ирландия, Голландия, Албания. VI. Венгрия, Австрия, ГДР. VII. СССР, Дания, Уэллс, Греция. VIII. Италия, Шотландия, Польша, Финляндия и IX. Испания и Ирландия (Сирия отказалась от участия). Десятый номер имеют англичане. В Латинской Америке группы таковы: XI. Уругвай, Перу, Венесуэла. XII. Чили, Колумбия, Эквадор. XIII. Аргентина, Парагвай, Боливия. Четырнадцатый номер у Бразилии.

Кто же имеет наилучшие шансы на поездку в Лондон? Приведу прогноз одного из тех немногих капитанов, которым довелось поцеловать богиню Никэ, знакомого советским любителям спорта—

Т. ТРОИЦКАЯ

Разве возможно похоронить Уленшпигеля?.. Он может уснуть, но умереть — никогда!..

Так кончается книга Шарля де Костера «Легенда о Тиле Уленшпигеле». Так кончается спектакль «Дух Фландрии» в Центральном детском театре. Пьесу эту написал драматург А. Ладынин по мотивам произведения Шарля де Костера, поставил ее режиссер В. Колесаев.

...Старинная Фландрия. Добрая, богатая страна. Страна румяных и шутливых людей. Сегодня они веселы и нарядны, столы уставлены винами и яствами — женится беспутный сын Клааса — Тиль Уленшпигель. Он женится на самой красивой девушке города Дамме — кроткой, маленькой Неле. Хватит ему шататься по громкоголосым ярмаркам и пьяным трактирам!

Но в самом разгаре танцев гаснут огни свадебного празднества, вместо них — красное зарево костров да черные крылья виселиц...

Жестокий Филипп II испанский забавляется новой игрушкой. Он крутит глобус, который может вызывать стоны страждущих на земле. Все быстрее и быстрее вращает король глобус — громче и громче звучат голоса мучеников. Это стонет некогда веселая страна Фландрия! Жжет кровавый Филипп своих подданных на кострах, вешает их на виселицах... Еретик ты или нет, убьем — разберемся! Скудеют города, пустеют тучные пастбища... Зато благоденствуют палачи и убийцы, богатеют доносчики. Каждый убитый — гульдены, гульдены, гульдены!

Гибнет на костре Клаас... Деньги, гульдены достаются доносчику — коварному Рыбнику. Умирает с горя жена Клааса, добрая Сооткин. Сходит с ума от пыток Катлин — мать златокудрой Неле.

Стонет веселая Фландрия.

И Тиль — бродяга и затейник, беспечно слонявшийся с песнями, плутнями и шутками по дорогам Нидерландов, берется за оружие. Пепел отца стучит в его сердце! Тиль становится беспощадным мстителем за поруганную свободу своего народа.

Сквозь войну и сквозь огонь,
Сквозь разящие мечи — ищи.
В смерти, в льющейся крови,
В разрушеньях и слезах —
найди...

И Тиль ищет, снова бродит по стране. Но теперь он собирает народные силы. У каждого порога, где живут угнетенные, на условный крик жаворонка люди отвечают криком петуха. Они готовы к восстанию.

Мрачная тень сопровождает Тиля во всех его скитаниях. Это Сова, человек в черном,— дух тьмы, порожденный страшным мраком рабства, кровавым владычеством испанцев. Дух неверия, дух отрицания...

Умно и тонко трактует эту сложную роль артист Г. Печников. Он часто обращается непосредственно в зрительный зал:

— Правда ведь, только дураки и сумасшедшие берутся за оружие?..Кто ищет ударов, от ударов гибнет!..

Бурными выкриками, взрывами негодования встречают ребята призывы к рабской покорности и смирению. И это самая большая похвала артисту.

Борьба между Добром и Злом, борьба между защитниками свободы и душителями ее — вот содержание нового спектакля Центрального детского театра.

Добро — это Тиль, его возлюбленная Неле (В. Туманова), друг Тиля, добродушный обжора-толстяк Ламме Гудзак (А. Щукин), сильный, смелый кузнец Вастеле (В. Калмыков), Зло — Сова, испанцы, Филипп II (М. Андросов), старуха Стевен (В. Сперантова), Жиллина (М. Куприянова).

Самая большая удача спектакля — образ Тиля Уленшпигеля, жизнерадостного человека Ренессанса. Таким мы полюбили его в книге Шарля де Костера, таким он предстал на сцене в исполнении артиста Ю. Лученко.

Уленшпигель-Лученко умеет веселиться, радоваться зеленым деревьям и пению птиц... Но он испытывает яростную ненависть ко всем палачам и убийцам, и, пока не отомстит им, пока пепел Клааса стучит в его сердце, он не может любить, не может петь и смеяться.

...Спектакль «Дух Фландрии» говорит о неизбежной гибели носителей тьмы, жестокости, корысти и насилия. И о том, что Тиль Уленшпигель не оставит борьбы, пока есть еще палачи и убийцы.

А кто забудет о том, что борьба на земле не закончена, тому «пусть пепел Клааса ударит в сердце!»

Сцена из спектакля Центрального детского театра «Дух Фландрии». Тиль Уленшпигель—артист Ю. Лученко, Неле — артистка В. Туманова.

Фото Е. УМНОВА.

Опасный момент.

Фото А. Бочинина.

Фрица Вальтера (ФРГ). В журнале «Киккер» он назвал победителями групп — Бельгию, ФРГ, Югославию, Чехословакию, Северную Ирландию, Венгрию, СССР, Италию, Испанию, Аргентину, Уругвай и Чили.

Как и всегда, прогноз в спорте вообще, а в футболе в частности,— дело настолько же заманчивое, насколько и ненадежное. Вот и Вальтер кое в чем ошибся: к большому нашему огорчению, шансы чехословацких друзей — серебряных призеров чилийского чемпионата — практически минимальны (после проигрыша 0:1 португальцам в Братиславе). Споткнулась на первом же турнирном этапе и Испания, проигравшая 0:1 ирландцам. Теперь обладателям Кубка Европы как минимум предстоит третий матч с ирландцами на нейтральном поле, а ничья в Мадриде оставит их «вне игры». Кстати, гол в ворота Испании забил... собственный вратарь Ирибар (?!). Редчайший случай. Вполне вероятно, что не сломит «шведский бетон» в Стокгольме и бывшая команда Вальтера (после ничьей — 1:1, на своем стадионе). Добавлю, что на этот матч билеты были проданы за полгода до свистка судьи!

Что касается «четырех грандов» латиноамериканского футбола, то думается, что здесь неожиданностей не будет.

Какова же турнирная панорама чемпионата к сегодняшнему дню? Сыгран 51-й матч. Дебютный репертуар участников достаточно разнообразен — зафиксировано уже пятнадцать вариантов счета. И все же наиболее популярен результат 1:0. Он повторен уже 14 раз. Вот почему обозреватели острят, что чемпионат мира разыгрывается по «системе 1:0». Десять раз был зафиксирован счет 2:0. Сравнительно мало ничьих — девять; в том числе только четыре нолевых. Характерно соотношение очков между хозяевами поля и гостями — 69—31 в пользу первых.

Как правило, ничья на своем поле — это уже общий проигрыш в двух матчах. Поэтому стратегия тренеров строится по «формуле» кубка европейских чемпионов — «2 + 1» — два очка на своем поле и одно — на чужом. Это определяет и состав команд и тактическую установку.

Думается, что и для сборной СССР, начинающей свой спор за право участвовать в чемпионате с игры с командой Греции, подобный расчет должен приниматься во внимание, хотя, что греха таить, нас бы больше устраивала формула «2 + 2»!

1 апреля 1964 года был проведен первый матч чемпионата мира 1966 года. А к 31 декабря нынешнего года должны определиться все 16 соискателей богини Никэ. Напомню график игр нашей сборной: 23 мая и 3 октября — Греция, 30 мая и 27 октября — Уэллс, 27 июня и 17 октября — Дания. «Первая серия» этого футбольного боевика будет «показана» в Лужниках, а вторая — в Афинах, Копенгагене и Кардиффе.

Иные знатоки футбола могут сказать, что противники у нас не из первого европейского десятка. Формально это так. Но, с другой стороны, можно понять заботы и тревоги Николая Морозова — нынешнего наставника нашей сборной: ряд ведущих игроков после травм и в силу иных причин не обрели еще нужных кондиций. Нельзя забывать и о таком факторе, как возраст. Вот почему в списках первых кандидатов на участие в играх с «СССР-11» (так за рубежом иногда именуют «по космическому образцу» нашу сборную) мы видим обладателя прошлогоднего приза «Огонька» киевского вратаря В. Банникова, преемника Нетто — нового спартаковского капитана Г. Логофета, его одноклубника В. Дикарева, трудолюбивого зенитовского защитника В. Данилова, центра армейской атаки Б. Казакова и ряд других молодых мастеров.

С любым из трех наших конкурентов — особенно с греками — надо держать ухо востро!

...Спит богиня Никэ под пальмами Рио-де-Жанейро. Кто ее поцелует на берегу Темзы? Опять плачущий от счастья капитан бразильской сборной? Или хладнокровный и корректный «кэптэн» английской сборной, команды страны, в которой родился футбол, но которая еще ни разу не видела «футбольную» богиню Никэ? Или, может быть, капитан... Но не будем обращаться к прогнозам. Дадим слово мячу.

Борис БУРКОВ

Фото автора.

КРЫЛЬЯ КУБИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1

Первое свидание с этой страной так же волнующе, как с человеком, которого полюбил, еще не повидав его.

Ни Владимир Комаров, советский космонавт, ни Алла Шапошникова, секретарь Ждановского райкома партии Москвы, ни Вячеслав Никулин, директор подмосковного совхоза «Красный луч», ни я — никто из нас еще не видел Кубы, хотя все мы вот уже шесть лет влюблены в остров Свободы. Мы с большой радостью приняли приглашение правления Общества советско-кубинской дружбы войти в делегацию советской общественности на праздник шестой годовщины кубинской революции.

В нашей печати много написано о Кубе: книжки, брошюры, путевые очерки, информации. Многих кубинцев мы видели у себя, начиная с молодежи, обучающейся в Советском Союзе, и кончая руководителями Кубы.

Сам я часто встречался с посланцами кубинского народа. И каждый раз в душе поднималось большое теплое чувство к этим прекрасным людям. И росло желание увидеть замечательную страну, первую на американском континенте ставшую на путь строительства социализма.

Может быть, именно за страстное стремление к свободе и независимости, за неугасимый огонь революционного созидания так полюбили народ Кубы советские люди, творцы и наследники Великой Октябрьской социалистической революции.

...Москва — Гавана — это десять тысяч семьсот километров, четырнадцать часов полета на «ТУ-114».

За бортом — полярная ночь с ее крупными звездами, с температурой минус 70 градусов.

В 14 часов 47 минут по московскому времени из-за горизонта выскочил маленький язычок пламенного солнца. Небо, то голубое, то оранжевое, стало к этому времени фиолетовым. Солнце, не ослепляя глаз, быстро поднималось из-за горизонта. Через час мы уже увидели Америку и вскоре пошли на снижение.

Вместе с космонавтом Комаровым мы были в кабине экипажа и внимательно всматривались в «черты лица» стремительно приближающейся к нам страны.

Бортпроводница сообщила, что в Гаване температура плюс 20°С. Мы уже различаем свежую зелень пальм и кустарников, яркие цветы. В Гаване 8 часов утра. Стало быть, у нас сегодня восемь часов лишних: мы обогнали время.

На аэродроме нашу делегацию встречает заместитель премьер-министра Рауль Кастро, президент Академии наук Нуньес Хименес, директор Кубинского института дружбы народов Массола и многие другие.

С Раулем Кастро мы уже были знакомы раньше. Знали мы и некоторых кубинских журналистов, приветствующих нас у самолета. Но чувство первого, именно первого знакомства не пропадает. Мы многое и многих знали, но страну видим впервые. Все незнакомо: эти великолепные королевские пальмы, и эти приветливые, добрые лица, и эти милые девушки и парни, так радушно принимающие советских гостей.

Незнакомо? Нет, пожалуй, все знакомо. Разве мы не знали о замечательной кубинской природе? Знали. Разве мы не знали эту молодежь, этот народ? Знали. Хорошо и давно знали. Мы оказались дома. Нас окружают друзья. Мы приехали на свой праздник. Так состоялась наша первая личная встреча с Кубой.

* * *

Ночь наступает в Гаване как-то внезапно. После шести часов быстро темнеет. Дует приятный теплый ветерок. Море спокойно шумит, лишь изредка бросая брызги на машины, пробегающие по набережной.

В красавице Гаване на площади Хосе Марти состоялся военный парад и митинг, на котором кубинский народ отметил шестую годовщину своего освобождения. Волнующее зрелище! Мы радовались стройному, четкому шагу кубинской армии, радовались ее выправке, дисциплине, ее вооружению.

Народ Кубы глубоко почитает Хосе Марти как героя национально-освободительной борьбы против испанского владычества и называет его Апостолом. Хосе Марти погиб в 1895 году, в дни восстания кубинских патриотов против испанских колонизаторов.

Премьер-министр Революционного правительства и первый секретарь Национального руководства Единой партии социалистической революции команданте Фидель Кастро обратился к народу на площади Хосе Марти с речью, длившейся два с половиной часа. С присущей ему страстностью поведал Фидель Кастро правду о победах революции, рассказал и о том, что не ладится, и о задачах в 1965 году.

Фидель Кастро сказал, что для кубинской революции 1964 год был годом прекрасных достижений во всех областях деятельности страны и что перспективы нового года еще более многообещающи; сообщил, что в 1964 году были достигнуты большие успехи в производстве сахара и что в этом году Куба выполнит свои обязательства перед другими странами. Фидель Кастро подчеркнул, что большая часть поставок сахара будет осуществляться по твердым ценам в соответствии с договором, подписанным СССР и другими странами, и что это очень выгодно для Кубы.

Лидер кубинской революции предупредил народ о необходимости максимально использовать ресурсы страны, чтобы с каждым годом все меньше и меньше зависеть от щедрой братской помощи Советского Союза и других социалистических государств.

У Хосе Марти есть замечательное выражение: революции нужны крылья. Фидель Кастро как раз и говорил в своей речи о крыльях революции. Революция, сказал он, должна развиваться со скоростью самолета потому, что

эта скорость большая, а еще и потому, что у самолета нет заднего хода. Вся многотысячная площадь бурно аплодировала этим словам своего Фиделя.

Годы кубинской революции не входят в историю безымянными. Напомню, что на Кубе 1959 год был назван годом освобождения, 1960 год — аграрной реформы, 1961 год — образования, 1962 год — планирования, 1963 год — организации, 1964 год — экономии. Примечательно, что, как «окрестить» новый, 1965 год решали сотни тысяч людей, собравшихся на праздничной площади у памятника Хосе Марти. В конце своего выступления, посоветовавшись с народом, Фидель Кастро предложил назвать новый год годом сельского хозяйства.

На Кубе, вступившей на путь социализма, покончено с бедностью и сейчас поставлена задача постепенно поднять благосостояние народа на более высокую ступень. Трудности, таким образом, заключены в поисках лучшей организации труда, наиболее эффективного вложения средств, а не в том, чтобы покончить с выдуманной клеветниками «разрухой». Спросите у любого кубинца о новой жизни, и он с гордостью расскажет об успехах революции. И лозунг «Венсеремос!» выражает твердую уверенность в том, что кубинский народ преодолеет все трудности.

Митинг закончился пением «Интернационала», пели все, кто был на площади, а было, вероятно, не менее 600—700 тысяч человек. Люди пели, взявшись за руки и покачиваясь из стороны в сторону, словно огромное человеческое море...

Вечером наша делегация выехала за город, на могилу национального героя Антонио Масео. В юности он был погонщиком мулов, заслужил звание генерала в борьбе кубинского народа за независимость, против испанского господства и был убит в сражении в 1896 году. На могильном памятнике высечены слова генерала Масео: «Тот, кто завоюет наш остров, получит лишь обагренный кровью пепел кубинцев»...

На острове Свободы стало хорошей традицией каждый год в дни национального праздника Революции проводить посадку деревьев в парке Дружбы народов, создателем которого был молодой революционер инженер Альваро Барбо Мачадо, погибший в авиационной катастрофе. Могила его — здесь же, в Сантамарии, недалеко от парка.

Горячие лучи январского солнца рассыпались в густой траве удивительно зеленой лужайки, где покоятся останки бойца кубинской революции Альваро Барбо Мачадо. Солнце согревало еще слабые побеги только что посаженных длинноигольчатых местных сосенок.

Разные люди из разных стран создают парк Дружбы народов, но послушайте разговоры тех, кто сажает молодые деревья. Разный цвет кожи, разные языки, порой и разные взгляды на многие проблемы. Но главный жизненный принцип един: мир должен принадлежать человеку труда.

На площадке парка то здесь, то там завязываются беседы, и почти каждый раз в центре группы вы видите советского космонавта, командира космического корабля «Восход» Владимира Комарова.

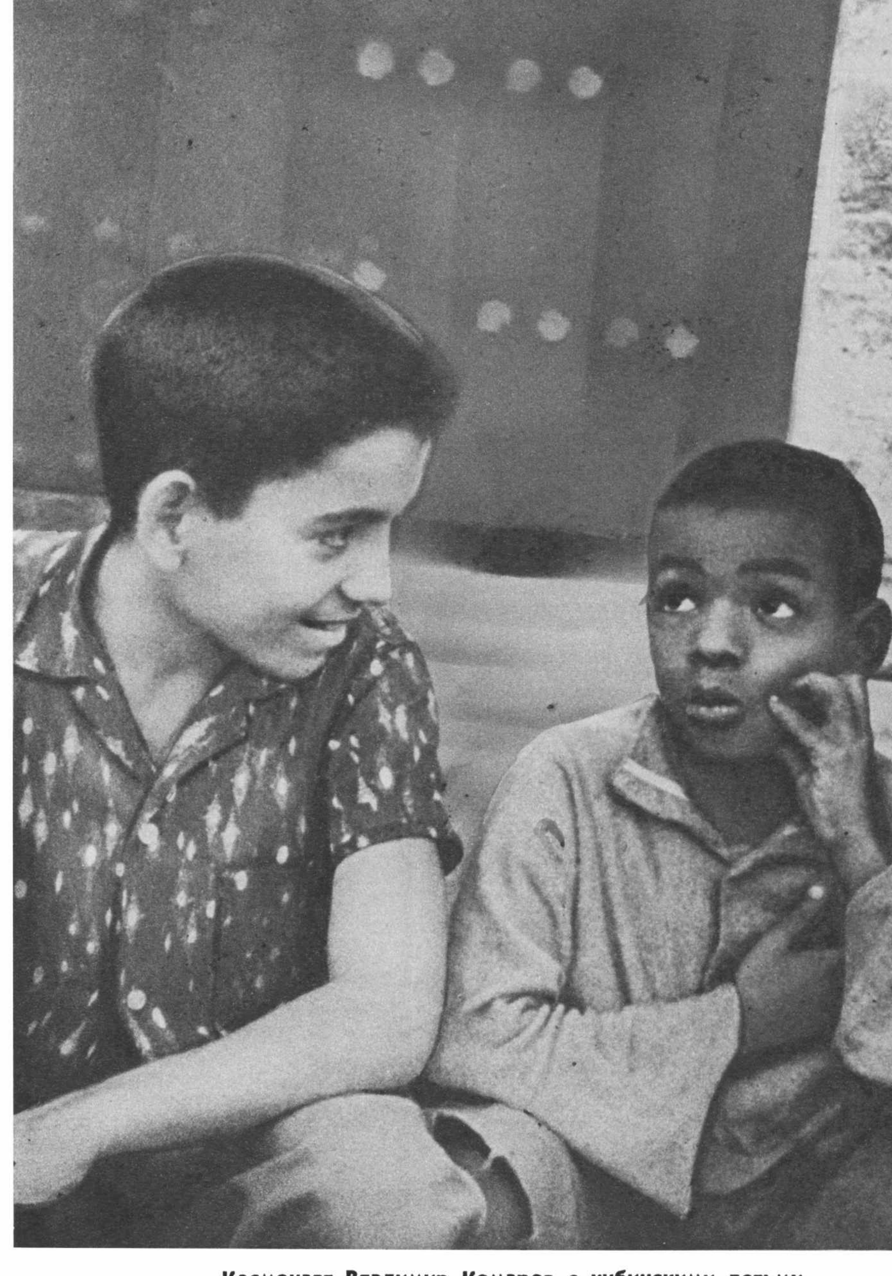
Вот он с лопатой в руке что-то объясняет ганцу, теперь фотографируется с вьетнамцами. Вот Владимир держит на руках маленького кубинца. Он среди группы школьников. Аргентинец хочет получить автограф обязательно здесь, у посаженного космонавтом деревца. А польские друзья просто пришли поздороваться.

Школьники из интерната просят адрес московской школы — они изучают русский язык и хотят переписываться с советскими ребятами. Секретарь Ждановского райкома партии Москвы Алла Шапошникова с удовольствием исполняет просьбу. Директор подмосковного совхоза «Красный луч» Вячеслав Никулин поясняет какие-то агрономические премудрости.

Уверенность и спокойствие — такова атмосфера Гаваны. Правда, люди с винтовками еще стоят у входов в некоторые учреждения и магазины. Это ответ на диверсию и поджог одного из крупных магазинов. Но было бы неверно представлять себе Гавану ощетинившимся штыками городом.

Мы уже почувствовали, что Куба немыслима без звонкой песни. Она, как и в нашей стране, «строить и жить помогает». Революция породила много задорных мотивов и бойких куплетов. Они созвучны боевым песням нашей революции.

И, пожалуй, лучше всего представишь себе атмосферу сегодняшней Кубы, если вспомнишь нашу давнюю песню о паровозе, летящем вперед. Это нам подсказал молодой кубинский летчик, недавно бывший в нашей стране.

Космонавт Владимир Комаров с кубинскими детьми.

* * *

Вчера был дождь, всю ночь шумело море, соленые брызги долетали до стен нашего отеля. А сегодня яркое солнце. Мы отправляемся в путешествие по Кубе.

Варадеро находится от Гаваны в 139 километрах. Это место туристских центров с красивыми и удобными пляжами, отелями, парками. Шофер Энрико Санчес охотно рассказывает о местах, которые мы проезжаем. Недалеко от отеля «Интернациональ» находится особняк Дюпона. Этому миллиардеру принадлежал почти весь полуостров. Наш гид Хорхе Луис Корвио говорит, что виллы богачей, брошенные их перепуганными владельцами, а также многие новые, построенные в годы революции, принадлежат теперь трудящимся Кубы, которые здесь отдыхают. До революции, говорит Хорхе Луис Корвио, труженик и мечтать не мог об отдыхе в этих местах. Все это было не для простых кубинцев.

Городок Варадеро небольшой и очень уютный, с красивыми невысокими домами, с густыми парками. В особняке Дюпона, где теперь расположился ресторан для отдыхающих, местный радиоузел передавал русские и советские песни.

За ужином мы вели беседу с первым секретарем Карденасского районного комитета партии Луисом Альваресом, молодым человеком в военной куртке, и с членами бюро комитета партии провинции Матансас товарищами Фаустино Блато и Рафаэлем Калатаутом.

— Да,— рассмеявшись, сказал Альварес,— вы сидите на стуле самого Дюпона. Мы в этом доме ничего не тронули, мы хотели показать народу, как жили богатые. А жили они, конечно, роскошно... И вот в этих местах наше революционное правительство строит туристские центры, осушает болота, благоустраивает все побережье.

Люди с винтовками взялись теперь за карандаш и подсчитывают ресурсы страны, разрабатывают планы — тактические и стратегические.

Кубинские газеты опубликовали проект пятилетнего плана развития сахарной промышленности и бюджет правительства на 1965 год. Его цифры могут порадовать каждого истинного друга Кубы. Новый бюджет Кубы — самый большой в истории страны. Основные статьи расходов — развитие экономики, культуры, образования, социального обеспечения.

На окраине города Карденаса — судоверфь имени победы на Плайя-Хирон; она построена по инициативе Фиделя Кастро. Секретарь партийного комитета судоверфи Педро Ульоа рассказал нам, что здесь работает 600 рабочих. Сейчас заложено 36 судов. Двигатели поступают из Советского Союза и ГДР.

Мы поинтересовались, откуда лес.

Директор верфи Хуан де ля Фа ответил:

— Кубинский, только фанеру мы получаем из Китая. Суда пока никому не продаем. Не хватает еще самим...

При входе на верфь — большая стоянка велосипедов.

— Это наши, кубинские,— с гордостью говорит работник партийного комитета Паулина Тейсе.

* * *

Наш путь лежал в район полуострова Сьенага де Сепата. По обеим сторонам дороги — мандариновые рощи, апельсиновые сады, большие площади дикого кустарника.

Нас поразили огромные плантации могучего сахарного тростника. Они тянутся порой на многие десятки километров. Словно густые заросли бамбука, окружают дорогу поля тростника.

Если вспомнить, что на Кубе производят знаменитый табак, не менее знаменитый кофе, а в недрах острова таятся и ценные руды, то еще яснее представишь себе богатства свободного народа.

...Из радиоприемника звучит мелодия нового кубинского танца «мосамбике», который, как нам сказали, недавно появился на Кубе.

Столица Кубы в солнечный день.

За окном машины — пастбища, поливные поля риса, новые постройки народных имений.

Вот хозяйство имени Камило Сьенфуэгоса. Ближайший сподвижник Фиделя Кастро, один из его двенадцати соратников, положивших начало вооруженной повстанческой борьбе против режима диктатора Батисты, Камило Сьенфуэгос очень популярен на Кубе. Народ Кубы одержал победу над режимом Батисты 1 января 1959 года. Вскоре после этого Камило Сьенфуэгос погиб в авиационной катастрофе — в море, вместе с самолетом. Каждый год в день гибели Камило кубинцы выходят к морю с цветами, чтобы почтить память своего героя.

...Снова мандариновые рощи, сахарные заводы, дождевальные установки. Еще одно народное имение.

Заходим в дом Онелио Уйоа. Он поливальщик. Разговариваем с его женой, с дочками. Слушаем передачу по радио. Жена Онелио говорит, что она обучает мужа грамоте: на острове Свободы стыдно не уметь читать и писать. Сама хозяйка дома взялась за книги в 1961 году, «окрещенном» годом образования. Теперь грамотой овладевает Онелио.

Сахарный завод «Австралия». Недалеко от него домик типа индейских хижин. «Здесь был штаб Фиделя Кастро во время битвы на Плайя-Хирон»,— рассказывают нам.

У дороги стали все чаще и чаще появляться могильные плиты с национальными флагами над ними. Здесь похоронены жертвы нападения американских наемников.

Обелиск из угля — это в Плайя-Ларго. Здесь недавно проходил фестиваль рабочих угольной промышленности. Кругом очень красивые и удобные постройки для туристов. В книжном киоске — книги Ленина, Шолохова, Катаева, Николая Островского, книги о космосе, советские книги по философии. Встретили группу кубинских студенток, остановились, побеседовали с ними. Девушки рассказали, что они помогают ученым из Чехословакии, которые ведут здесь работу по выявлению вредителей сельского хозяйства.

Пока разговаривали со студентками, к нашей машине подошло несколько местных жителей. От них мы узнали, что по инициативе Фиделя Кастро три года назад были созданы государственные угольные хозяйства. Уголь здесь выжигают из дерева, запасы которого на острове велики.

В этом районе пять туристских центров. Один из них — Ла Боко. Здесь ресторан, фотовыставка, питомник крокодилов с более чем семью тысячами обитателей. Крокодилы лежат в бассейне, словно каменные, не обращают внимания ни на наши крики, ни на обещания угостить вкусной травой, но как только услышат голос своего смотрителя Антони Сосо, сразу оживляются и ползут в ту сторону, откуда он их зовет. Путешественникам и отдыхающим интересно посмотреть тысячи диковинных животных, а для государства — валюта!

На фотовыставке в Ла Боко представлены интересные цифры, рассказывающие о том, кто же они, люди, пытавшиеся напасть на Кубу в апреле 1961 года, высадившиеся тогда в заливе Кочинос. Это наемники американского империализма—бывшие кубинские богачи, владельцы плантаций и предприятий, загребатели доходов. Им принадлежали 370 тысяч гектаров земли, 9 600 зданий, 70 предприятий, 10 сахарных заводов, 5 шахт, 2 банка, 2 газеты.

— Видите, кого защищают американцы? — сказал нам рабочий судоверфи.

От базы Ла Боко недавно прорытый канал ведет в лагуну Гуама, на островках которой раскинулась туристская деревня. Она состоит из множества разноцветных хижин, покрытых пальмовыми листьями. Вокруг хижин — зеленые рощи, клумбы цветов. Между островками переброшены причудливые мостики. Скульптуры, украшающие эту деревню, воссоздают жизнь первобытных людей.

Если внешне каждое жилище — простая хижина, то внутри — это современное, комфортабельное помещение, с электрическим светом, водопроводом, холодильником.

— Давно это построено?— спрашиваем мы.

— Все туристские центры, которые вы видели, созданы после революции.

Нас порадовали выдумка и тонкий вкус художников, создавших сказочную деревню.

Рано утром наш постоянный гид Хорхе стуком в двери хижин возвестил о начале нового рабочего дня. Он всегда говорил порусски одно слово: «Пошли!» Мы успели сделать интересные кадры восхода солнца. Еще раз увидели: пламенный язычок солнца как бы выпрыгивает из-за горизонта.

В утренней газете «Хирон» читаем интервью с Владимиром Комаровым. «Вся делегация довольна,— сообщает он.— Чувствуем себя как дома».

Верно. Это — наше общее мнение.

(Окончание следует.)

1

2

3

ПОДКРЕПЛЕ

В. НИКОЛАЕВ

Джеймс Фаали — молодой и здоровый американец. Настолько здоровый, что он в отличие от многих его сверстников был отобран медицинской комиссией не куда-нибудь, а в морскую пехоту. Постигнув на родине азы солдатской науки, Фаали вскоре оказался в Южном Вьетнаме, в составе 163-й эскадрильи вертолетов. Служба у него складывалась удачно. Ему уже были обещаны унтерские нашивки. Посмотрите, как весело идет он, самодовольный, вооруженный до зубов (фото № 1). Он идет выполнять приказ: 163-я эскадрилья отправляется в очередную карательную экспедицию против борющихся патриотов Южного Вьетнама.

Вертолеты уже набиты солдатами южновьетнамского марионеточного режима, и эскадрилья поднимается в воздух. Через несколько минут полета вертолеты снижаются, и в месте предполагаемого скопления партизан высаживается десант.

А вот и сам Фаали в деле. Из открытого люка вертолета он поливает свинцом вьетнамскую землю (фото № 2). Привычная работа! За нее хорошо платят. У себя дома он ни за что не заработал бы таких денег. Есть, конечно, риск, но он считает себя удачливым парнем. Несмотря на то, что его вертолет носит тринадцатый номер.

Но что это?! Словно крупный град, по обшивке вертолета забарабанили пули. Карателей встретил массированный пулеметный огонь. Вот совсем рядом поврежден вертолет № 3. Он не может взлететь. Команда вертолета Фаали вытаскивает из подбитой машины двух раненых — лейтенанта Мэйджеля и сержанта Оуэнса. Огонь партизан не дает им возможности вытащить из вертолета раненого пилота, и они бросают

4 5

ния не помогут...

его там, спасая собственные жизни.

Наконец вертолет № 13 снова в воздухе. Курс — на базу. Лейтенант Мэйджель уже мертв, Оуэнс привалился к борту с раздробленным плечом. Фаали в растерянности стоит над ними (фото № 3).

Взгляните еще раз, читатель, на первую фотографию Фаали, сделанную перед самым вылетом, и сравните ее со снимком, на котором он запечатлен сразу после выхода из вертолета, прошитого насквозь пулями (фото № 4). Куда девалась его самоуверенность?

У Фаали не хватило сил дойти до своей койки. Вот он, скорчившийся на каких-то ящиках (фото № 5).

В тексте к этим фотографиям, опубликованным в майском номере журнала «Лайф», говорится, что в операции 163-й эскадрильи участвовало 17 вертолетов, четыре из них были уничтожены партизанами.

Ощутимые потери! Именно в них весь смысл этого фоторепортажа. Смотрите, мол, люди добрые, как трудно приходится во Вьетнаме американцам. Нужны свежие силы, подкрепления!

И словно по команде, журнал «Ньюсуик», вышедший в один день с этим номером «Лайфа», тоже описывает потери американцев во Вьетнаме и даже уточняет необходимое количество войск:

«Повсюду во Вьетнаме американцы несут тяжелые потери. Поэтому появились планы посылки туда от шести до восьми дивизий, то есть 320 тысяч солдат».

Но и 320 тысяч джеймсов фаали не смогут покорить народ, поднявшийся на борьбу за свободу. Это давно пора понять американским неоколонизаторам. Тут подкрепления не помогут...

БУДНИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Н. ВОЛКОВ,
полковник милиции,
заместитель начальника следственного управления Министерства охраны общественного порядка РСФСР

Ф. СМИРНОВ,
майор милиции,
заместитель начальника первого отдела следственного управления

Большой зал Дома культуры липецкого трубного завода переполнен. Тишина. Зачитывается приговор суда:

— Корнеева Валентина Петровича на основании статьи 77 Уголовного кодекса РСФСР подвергнуть смертной казни — расстрелу, с конфискацией имущества...

— Губанова Вячеслава Федоровича лишить свободы на пятнадцать лет...

Ответственна и сложна роль суда в рассмотрении уголовных дел. Проверить, тщательно взвесить все собранные предварительным следствием доказательства, убедиться в их достоверности и объективности, принять то, что подтверждает истину, восстанавливает события, отвергнуть случайное, наносное, взвесить все «за» и «против», найти единственно правильное решение, вынести безошибочный приговор, карающий действительных преступников и оправдывающий невиновных, не так-то просто. Однако суд рассматривает дело об известных уже лицах, обвиняемых в совершении раскрытых преступлений. Перед ним на столе — улики, доказательства.

Но их прежде надо собрать. Поистине титаническим бывает труд оперативных работников милиции и следователей Министерства охраны общественного порядка. Это они приносят на судейский стол доказательства и улики.

* * *

Тихий августовский вечер. Работа в магазине № 77 Липецкого горторга близилась к концу. Выходили со свертками и сумками последние покупатели. Кассирша Неснова подобрала и сложила в инкассаторскую сумку выручку — 4 240 рублей. С минуты на минуту ждали инкассаторов Государственного банка. Вот ушел последний покупатель. Прикрыла за ним дверь заместитель заведующего магазином Ляхненко.

Вдруг дверь с треском распахнулась, и в магазин ворвались двое в черных масках, с пистолетами в руках. Один из бандитов встал у выхода, второй быстро направился к кассе. Ляхненко попыталась преградить преступнику путь, но тот выстрелил в нее в упор. Истекая кровью, женщина рухнула на пол. Вырвав из рук кассирши сумку с деньгами и еще раз выстрелив для острастки, бандиты скрылись. Все это произошло в какие-то доли минуты. Кассирша Неснова и продавцы Ивлева и Терехова даже не успели как следует разглядеть преступников.

Сообщение о налете на магазин поступило в Управление охраны общественного порядка Липецкого облисполкома тотчас же. Полковник М. М. Свиридов немедленно вызвал к себе старшего следователя старшего лейтенанта М. М. Финкельсона, заместителя начальника отдела уголовного розыска подполковника В. П. Соколова и оперуполномоченного лейтенанта А. Н. Кобзева.

— Только что ограблен магазин № 77, убита заместитель заведующего магазином Ляхненко, взята дневная выручка. Действовали двое, в масках, оба вооружены. Вам поручается начать расследование и розыск преступников. Машина, проводник служебно-розыскной собаки, эксперт ждут внизу. Желаю успеха! Информировать меня обо всем.

...Осмотр места преступления. Всякий квалифицированный да и молодой следователь и оперативный работник с чувством тревоги и надежды приступают к этому важнейшему акту предварительного следствия. Даже самый опытный преступник, рецидивист, как бы он ни старался, не может совершить зло, не оставив никаких следов. Как правило, нервы у них не выдерживают. При всей дерзости и циничности своих действий они, эти подонки общества, остаются трусами. Страх расплаты взвинчивает нервы. Тут не до деталей. Некогда обдумывать поступки и руководить своими действиями.

Начало осмотра показало, что работники Управления охраны общественного порядка имеют дело с искушенными в криминалистике преступниками. Маски и перчатки... Они должны помочь замести следы страшного преступления. Собака не взяла след: слишком много любопытных побывало в магазине и возле него до прибытия оперативной группы. Подробнейший осмотр помещения тоже дал мало. Как ни старались, никаких вещественных доказательств, кроме двух стреляных гильз и одной пули иностранной марки, найти не смогли. Вторая пуля позднее была извлечена судебномедицинским экспертом из трупа Ляхненко. Две пули и две гильзы... Не слишком много для розыска преступников в городе, насчитывающем более 150 тысяч жителей.

Снова и снова допрашиваются работники магазина. Следователь пытается с их помощью собрать хотя бы приблизительный словесный портрет людей в черных масках, выяснить их рост, возраст, походку, цвет и покрой одежды, тембр голоса, вид головных уборов. Но перепуганные продавцы и кассирша неуверенно отвечают на вопросы. Тем временем Соколов и Кобзев нащупывают оперативным путем среду, в которой могли жить и действовать налетчики.

Шли дни, а преступление оставалось нераскрытым.

После безуспешной проверки ряда версий следователь решил искать налетчиков по характерному способу совершения преступления. Финкельсон, Соколов и Кобзев вместе обсудили обстановку и решили проверить, не было ли в Липецке или в районах области аналогичных налетов на магазины ранее. Подняли архивы. Связались с районными работниками милиции. Оказалось, что черные маски орудовали в Липецке и раньше, но напасть на их след не удавалось.

Собранные материалы объективно показали: приемы во всех случаях были одинаковы, численность нападавших — тоже; налеты на магазины совершались в одном районе города и предшествовали каждый раз прибытию инкассаторов Госбанка; перед нападением молодые люди сомнительного поведения подходили к магазину и с улицы через окна тщательно изучали обстановку внутри магазина; скрывались преступники так же быстро, как появлялись. По-видимому, заранее изучали или хорошо знали пути отхода с места преступления.

Маска на лице... Действуют в одном районе, раз в год, обязательно в масках. А если предположить, что и живут они в этом районе, и, может быть — без масок, разумеется,— ходят в ограбленные магазины днем, делают покупки, и даже улыбаются продавцам?..

Пределы территории, на которой, по мнению следователя и оперативных работников, надо искать виновных, значительно сузились: один район города — это не весь город. И тогда всеми мерами и средствами, имеющимися в распоряжении милиции, началось «прочесывание» этого района. Были подняты на ноги народные дружинники, комсомольцы-активисты, общественники.

В результате в поле зрения следователя попал некий Корнеев, официально числившийся механиком-наладчиком швейной фабрики. Великовозрастный шалопай, он работал скорее для вида, а не для того, чтобы заработать на жизнь. Получая в месяц 50 рублей зарплаты, Корнеев за короткий срок приобрел несколько дорогих вещей. Выяснилось, что он часто болеет, ежегодно сверх очередного берет на фабрике отпуск за свой счет и подолгу отдыхает в Крыму. Но ведь могли же у него, как и у любого гражданина, быть и другие, не вызывающие подозрений доходы, думал следователь.

Отбросить же версию о причастности Корнеева к преступлению нельзя, пока эта версия до конца не отработана. И следователь направился на фабрику. Осторожное изучение личности Корнеева, его образа жизни, связей началось с бухгалтерии. Там хранились документы о болезнях, об отпусках. Познакомившись с ними и негласно произведя проверку, Финкельсон убедился, что листки о нетрудоспособности и справки о болезни, представленные Корнеевым, фиктивны. Время «болезни» Корнеева и сроки отпусков поразительно точно совпадали со временем налетов на магазины. Был ли следователь на правильном пути, подозревая Корнеева в принадлежности к банде? Пожалуй, он и сам в этом сомневался. Но так уж он и его товарищи из уголовного розыска привыкли работать: все сомнительное досконально проверять. Если Корнеев не болел, но выдавал себя за больного, то зачем ему это понадобилось? На какие средства он приобретает ценные вещи и кутит в ресторанах? Кто и из каких источников финансирует его поездки на курорт?

Кто его дружки? Вызвать бы вот так просто Корнеева на допрос да и спросить: с кем дружишь, на какие средства гуляешь, где был и что делал в дни «болезни», кто подделывал больничные листки, которым так безмятежно верят должностные и недолжностные ротозеи фабрики? Но вызвать нельзя. Если Корнеев действительно бандит, этот вызов преждевременен, он может напугать, заставит насторожиться, преступник даст знать соучастникам, наконец, может скрыться. Ведь основанием для ареста должны быть веские, неоспоримые доказательства. А их нет. Если в действительности это честный человек и заподозрен необоснованно, вызов и допрос оскорбят его, причинят душевную травму.

Вскоре было установлено имя

одного близкого друга Корнеева — Вячеслав Губанов. Но он служит в Советской Армии. Неискушенного человека это могло сбить с толку: Губанов призван в армию задолго до нападения на магазин № 77 и, следовательно, принять участие в преступлении не мог. Однако из армии можно отпроситься в отпуск, отлучиться самовольно... Финкельсон занялся изучением Губанова.

В августе 1961 года — заметим, что это было вскоре после ограбления магазина № 65,— Губанов поспешно выехал из Липецка в Саратов и поступил в военное училище. Будучи курсантом, нарушал воинскую дисциплину. Однажды уговаривал одного из курсантов украсть оружие, за что был отчислен из училища и направлен для дальнейшего прохождения службы в воинскую часть, дислоцированную в другом городе.

Запрос в часть позволил установить, что Губанов в конце июля 1963 года получил краткосрочный отпуск по семейным обстоятельствам с выездом в Липецк на 10 дней, однако возвратился в часть только 5 сентября. Время пребывания его в Липецке, таким образом, совпадало с временем нападения на магазин № 77. Это плюс к сведениям, подтверждавшим подозрение Финкельсона, но еще отнюдь не доказательство для обвинения Губанова.

Семейные обстоятельства! Посмотрим, каковы же они.

В семье Губанова никто в это время не болел, не умирал, но на столе начальника штаба воинской части лежала заверенная врачом и горвоенкоматом телеграмма из Липецка, извещавшая Губанова, что мать при смерти.

Вызванная в УООП работница липецкого центрального телеграфа Чертес, оформлявшая эту телеграмму, неуютно чувствовала себя под взглядом следователя. Ни справки врача, ни подтверждения горвоенкомата она предъявить не смогла. После недолгих запирательств Чертес призналась, что за взятку в 20 рублей, полученную от матери Губанова, согласилась послать в воинскую часть ложную телеграмму. Губанов пробыл в Липецке значительно дольше 10 дней и оправдался в части медицинскими документами о болезни. Когда следователь истребовал их и проверил, оказалось, что они фиктивны и подделаны тем же способом и, по-видимому, тем же лицом, что и документы, представленные Корнеевым на фабрику. Это уже была веревочка, крепко связывающая Корнеева и Губанова. Но доказательств их причастности к налетам на магазины по-прежнему не было.

Шаг за шагом следователь и оперативные работники продолжали изучать связи и образ жизни заподозренных. На следственном горизонте появилась новая личность — некто Ломакин, музыкант по образованию, тунеядец и рвач по призванию. Удалось получить первые косвенные, но достаточно веские улики. Свидетель П. показал, что в 1962 году он передал Ломакину несколько боевых патронов иностранного производства. Когда следователь предъявил свидетелю в числе других гильз стреляную гильзу, обнаруженную в октябре 1962 года в магазине № 3 после налета бандитов, тот безошибочно опознал ее: это была составная часть боевого патрона, переданного им Ломакину.

Тупик: свидетель утверждал, что передал патроны Ломакину, Ломакин это отрицал. Противоречие казалось неустранимым, но именно это прибавило следователю энергии. Показания о переданных Ломакину боевых патронах, опознание стреляной гильзы — это уже первая изюминка в ворохе доводов, гипотез, догадок, умозаключений. Но не ошибается ли свидетель П., не дает ли он ложные показания? Проверили еще раз и убедились: говорит правду. Ломакин, отрицая его показания, лжет.

Ломакин оказался в цепочке разорванным звеном. Он не хотел говорить правду. А время неумолимо работало против следователя и его товарищей. Оставить Ломакина в покое, удовлетворившись его ложными показаниями, было опасно. Ломакин мог предостеречь соучастников, уничтожить вещественные доказательства. К тому же было установлено, что он хорошо знаком с Корнеевым.

Что делать? Доказательств для ареста Ломакина никаких. Предоставить же ему возможность встретиться с Корнеевым — значит обречь дело на провал.

Задержать Корнеева? Но подделка медицинских справок о болезни — криминал, недостаточный для ареста.

Ситуация сложная. Надо действовать и нельзя действовать, так как закон не позволяет прибегать к аресту без достаточных оснований. Вновь долгие раздумья, сомнения, советы с оперативниками...

К счастью, Соколову и Кобзеву удалось получить сведения, что студент Волгоградского института физкультуры Бачурин — близкий дружок Корнеева — вместе с ним совершил кражу бланков аттестатов зрелости из Лебедянской средней школы. По поддельному аттестату поступил в институт. Следователь принимает смелое, но единственно правильное в сложившейся обстановке решение: задержать Бачурина и начать через него атаку на наиболее опасного преступника — Корнеева.

Задержанный Бачурин самолетом был доставлен в Липецк. Изобличенный в мелком преступлении, он не стал запираться, подтвердил, что аттестаты украл вместе с Корнеевым. Между прочим, в своих показаниях он сообщил, что Корнеев имеет огнестрельное оружие и как-то раз склонял его, Бачурина, к нападению на кассира. Бачурин назвал молодых людей, тоже видевших у Корнеева и Ломакина оружие.

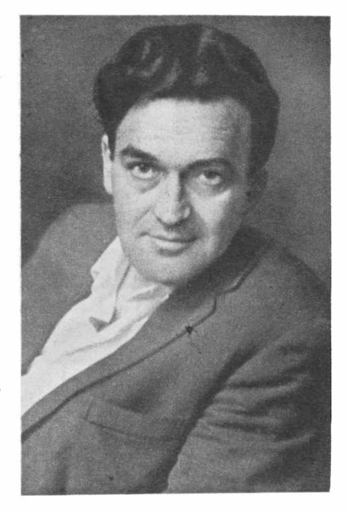
Следователь решился...

Через несколько часов группы оперативных работников одновременно выехали в разные места, чтобы задержать Корнеева, Губанова и других членов бандитской шайки. После тщательных обысков из различных тайников были извлечены венгерский пистолет «фроммер», немецкий «вальтер» и другое оружие и боеприпасы к нему, деньги, похищенные вещи, поддельные документы, черные маски, перчатки и прочие доспехи преступников. Банда перестала существовать. На следствии бандиты грызлись, как пауки в банке, сваливая вину друг на друга. Не помогло!

Следствие было проведено настолько тщательно, что вырваться из цепи неумолимых улик не было возможности.

Остальное сказано судом.

МАСТЕР РАССКАЗА

Исполнилось пятьдесят лет Сергею Петровичу Антонову, моему большому другу и сверстнику. Много лет назад, вернувшись с войны, все мы, молодые прозаики и поэты, разгоряченные виденным и пережитым, как-то, быть может, чересчур поспешно и несколько неуклюже старались высказать и выразить словами то, что выпало нам испытать, а он в это время, тоже вернувшись с войны, этак несколько прищурясь, чуть посмеиваясь, вошел в литературу вдруг, сразу, запросто и стремительно и тоже очень сразу, удобно и прочно занял в ней свое, будто бы давно уже уготованное ему место мастера-рассказчика.

Вы помните девушку Лену? Великолепную, милую, смешливую девчонку, и весну, и неповторимую прелесть русской природы, и еще что-то такое, что может передать лишь перо художника, передать вам и заставить вас волноваться, страдать, и радоваться, и с восхищением думать о прожитой вами жизни. «Лена» — это было счастливое открытие для всех нас. А потом пошло. Рассказы, повести, очаровательные «Поддубенские частушки»... Сколько во всем, что создал этот художник, прелести, непосредственности и мудрости человеческой! Этот человек, мастерски владеющий пером художника, обладает чудесным дарованием лепить из обыкновенных слов неповторимо светлые, неожиданно удивляющие всех нас своим новым звучанием фразы.

Сергей Петрович в последнее время отдал много сил и энергии работе в кино. И здесь, как и в жанре рассказа, у него много творческих удач. Картины, созданные по его сценариям, пленяют нас своей жизненной убедительностью и художественной полнокровностью.

Б. ЗУБАВИН

СЛУЧАЙ В ВОЗДУХЕ

Мы шли рейсом из Магадана в Хабаровск. Позади остались Джугджур, Шантары. Впереди посадка в Николаевске, а там и Хабаровск.

Сделан последний, четвертый, разворот. Наш «ИЛ-14» вышел на прямую. Высота — четыреста метров. Выпущено шасси. Все ближе и ближе посадочная полоса. И вдруг самолет ударило. Он вздрогнул, быстро начал снижаться.

Но вот желанная земля. Небольшой пробег — и самолет зарулил на стоянку. Не терпелось узнать, что же произошло в воздухе.

...На крыле зияла большая пробоина: во время захода на посадку самолет столкнулся с орланом, несшим в своих когтях добычу.

В. Даниленко

У МУМИИ — ИСКУССТВЕННАЯ РУКА?

Английские ученые намерены исследовать египетскую мумию, которая, как показала предварительная проверка, представляет собой останки человека с искусственной рукой.

МОРСКОЙ САМОРОДОК

Это произошло в Тихом океане, на китобойной флотилии «Советская Россия». За день было добыто несколько китов. Когда их доставили на борт и стали разделывать туши, в одном кашалоте обнаружили огромный кусок амбры — ценнейшее сырье для парфюмерной промышленности. Каждый килограмм амбры стоит 700 рублей. А в находке было 33,5 килограмма!

Б. Данилов

ЧИСТОПЛОТНЫЕ ЕНОТЫ

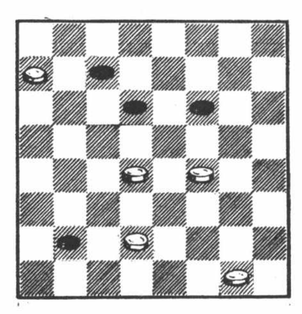
В Свердловском зоопарке недавно прописались новоселы — два енота. У них любопытные повадки. Еноты очень чистоплотны. Прежде чем съесть мясо или фрукты, они берут еду в передние лапки и долго моют в воде. Если нет поблизости воды, то енот и обедать не будет.

Звери приехали на Урал из Северной Америки.

А. Челпанова

ШАШКИ

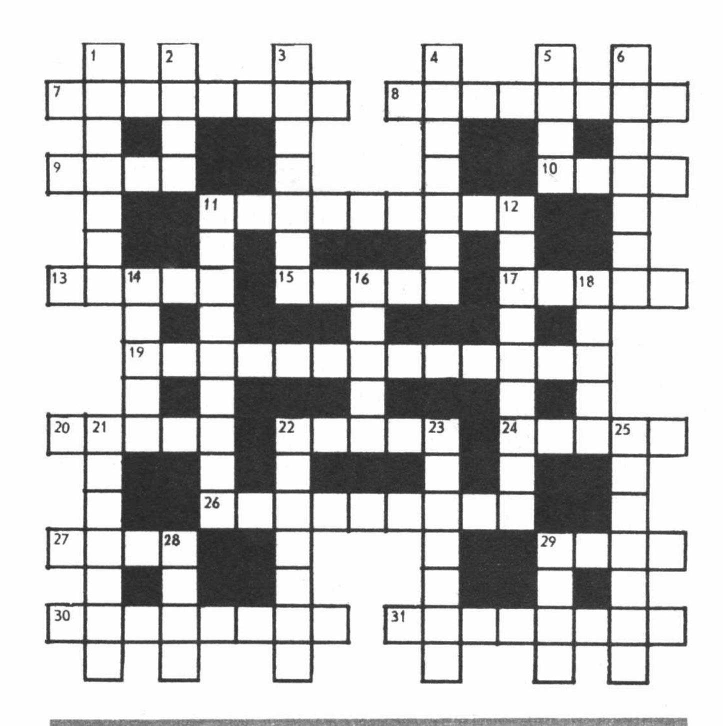
под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

Концовка
В. Н. Романов (г. Фрунзе)

Белые начинают и выигрывают.

Решение концовки В. Смирнова, напечатанной в № 17 «Огонька»: 1. c3—b4! a5:c3 2. e1 — d2! c3:e1 3. f4—e5! f6:d4 4. g3—h4 e1:g3 5. h2:f4 d4:f2 6. c1—b2! a3:g5 7. h4:g1 h6—g5 8. g1—e3 и выигрывают.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Итальянский поэт эпохи Возрождения. 8. Остров в архипелаге Филиппин. 9. Персонаж комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». 10. Велодром. 11. Ученый-химик. 13. Каменистый выступ дна реки. 15. Мера веса драгоценных камней. 17. Жук. 19. Режиссер, педагог, теоретик театра. 20. Печатная форма для производства иллюстраций. 22. Плод пальмы. 24. Спортивное оружие. 26. Сплав металла с ртутью. 27. Эксперимент. 29. Большой платок. 30. Выемка для оснований сооружений. 31. Шведский физик XIX века.

По вертикали:

1. Повесть М. Горького. 2. Лестница на корабле. 3. Специалист по выделке шкур пушных животных. 4. Город в Казахстане. 5. Полоска, обрамляющая рисунок. 6. Музыкальный ансамбль. 11. Река в Колумбии. 12. Певчая птица. 14. Автор проекта здания Русского музея в Ленинграде. 16. Фарфоровый изолятор. 18. Деталь с резьбой. 21. Цветной фонарь. 22. Равносторонний прямоугольник. 23. Основание станка. 25. Стенной ковер. 28. Кровельный материал. 29. Порт на Черном море.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали:

5. Планиметрия. 6. Зенкер. 7. Лагуна. 10. Почка. 12. Ангар. 14. Аргон. 18. Реприза. 19. «Родина». 20. Гончар. 21. Санитар. 22. Какао. 24. Асама. 27. «Гаянэ». 28. Труппа. 29. Деймос. 30. Толстолобик.

По вертикали:

1. Глинка. 2. Микрон. 3. Сеялка. 4. Пищуха. 8. Горностай. 9. Розвальни. 11. Калитка. 13. Гардина. 15. «Рогнеда». 16. Брасс. 17. Гагра. 23. Обухов. 25. Снасть. 26. Модель. 27. Гамбия.

На первой странице обложки: Соседи...

Фото Г. Копосова.

На последней странице обложки: Далеко от берегов Родины находится сейчас научно-промысловое судно «Академик Книпович». В плавании команда проводит шлюпочные учения.

Фото О. Кнорринга.

Главный редактор — **А. В. СОФРОНОВ.**

Редакционная коллегия: **М. Н. АЛЕКСЕЕВ** (заместитель главного редактора), **Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ** (главный художник), **Б. В. ИВАНОВ** (заместитель главного редактора), **Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ** (ответственный секретарь), **Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.**

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01997. Подписано к печати 19/V 1965 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 1233. Тираж 1 960 000. Изд. № 802.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

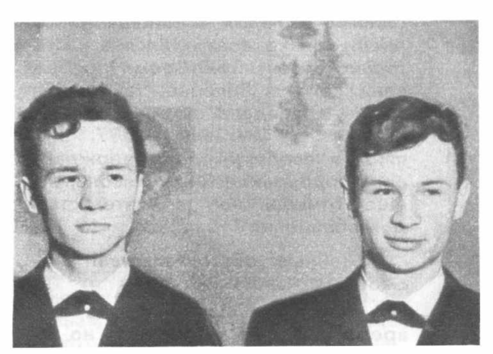

Борис и Глеб Прозоровы — ◀ призеры среди братьев.

Фото Риммы ЛИХАЧ.

Наташа и Оля Поляковы — победительницы конкурса на самую похожую пару. ▶

КЛУБ

Попасть на этот вечер было трудно. Кафе небольшое, желающих много. Тем не менее решили обойтись без пригласительных билетов. К чему они? Ведь обмануть дежурных у дверей сегодня никому не удастся. Дежурные получили строжайший наказ: пропускать лишь тех, кто приведет с собой... двойника.

Одна пара, третья, десятая... Скоро у организаторов вечера буквально зарябило в глазах. Представляете: вы уверены что дарите воздушный шарик Марине Никольской, а через минуту выясняется, что оба шарика получила ее сестра Злата. Только что вы танцевали с Наташей Поляковой, отвернулись на мгновение, потеряли из виду — и уже ни за что не отличите, где Наташа, а где Оля. Все смеются. Такой уж дар вручила близнецам природа: создавать вокруг себя атмосферу веселья. Там, где они появляются, жди шутки, жди смешных недоразумений.

Вольно или невольно близнецы все время выкидывают какие-то фокусы. Морочат голову учителям, незаметно сменяя друг друга, устанавливают фантастические рекорды на беговой дорожке, поражают своим сходством прохожих... У каждого двойника таких историй великое множество. Стало ясно: необходим «обмен опытом».

В самом деле, попробуй разберись в этом однообразии! Близнецы, как правило, неразлучны, часто учатся вместе, даже одеваются одинаково. Просто голова идет кругом. Но, может быть, у них разные вкусы, наклонности? Это поможет определить конкурс. Победители — самые единообразные «по внутреннему облику».

Впереди главный конкурс — на самую похожую пару. После долгих споров объявили победителей: Оля и Наташа Поляковы, Борис и Глеб Прозоровы.

Борис Сергеевич — летчик. Глеб Сергеевич — моряк. «Спасает» форма. Иначе их, наверное, вообще нельзя было бы различить.

— Хотя один из нас на целых сорок пять минут старше, жизнь шла одинаково, — рассказывают братья.— Всегда вместе болели, видели одни и те же сны. И, став взрослыми, не хотим изменять традиции. В один год женились. В один год родились первенцы.

И оба хохочут. Весело, заразительно. Смеются они тоже одинаково.

Хорошо или плохо быть близнецами? Дискуссия на эту тему разгорелась за столиком, где сидели Олег и Игорь Бачилло. Оказывается, здесь есть и положительные и отрицательные стороны.

Первое слово Игорю:

— Нам никогда не бывает скучно. У каждого из нас очень много знакомых — примерно вдвое больше, чем у «простых смертных». Если со мной здоровается человек, которого я впервые вижу, я не удивляюсь, а вежливо отвечаю. Наверняка приятель брата. Так этот человек становится и моим знакомым. Мы свободно можем на один билет пройти в кино, в театр. И даже не прибегая к обману. Просто подойдем вместе к контролеру... Она взглянет и махнет рукой: проходите!

— Все же не завидуйте близнецам,— вздыхает Олег.— От любопытных нет прохода. В метро, например, стараемся ездить в разных вагонах. А сколько раз мне незаслуженно попадало в детстве! Сколько сносил обид — больших и маленьких! И все потому, что нас постоянно путали. Даже родители. Нет, что ни говорите, нелегко быть двойником.

...Сидят за столиками кафе тридцать пар близнецов. Сидят чинно, а потом вдруг пересядут с одного стула на другой, незаметно передвинут вазочку с мороженым... И уже при всем желании не определишь, с кем вы только что разговаривали.

В тот вечер я поняла: приятно и весело иметь знакомых близнецов. Но с ними всегда надо быть настороже: так и жди подвоха!..

Е. МУШКИНА

Кто лучше сделает прическу своей сестре.

БЛИЗНЕЦОВ

Стол для самых юных близнецов.

И танцуют близнецы тоже одинаково!

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663